
ПРИЗВАНИЕ
ВАРЯГОВ
Александр Сосновский

Сквозь время

Александр Сосновский

Призвание варягов

«Автор»
2025

Сосновский А. В.

Призвание варягов / А. В. Сосновский — «Автор», 2025 — (Сквозь время)

Можно ли переписать историю России? И что случится, если ключевой момент зарождения государственности будет уничтожен?Алексей Новиков — Хранитель Времени, агент секретной организации, защищающей важнейшие точки российской истории от изменений. Когда датчики фиксируют критическое вмешательство в 862 году — момент призвания варягов на княжение — Алексею приходится отложить спокойную жизнь с семьей и отправиться в опасную миссию. Всего пять дней на подготовку, а затем — прыжок через тысячелетие, в мир славянских поселений, языческих капищ и кровавых междоусобиц. Сражение за будущее России начинается. И цена поражения — не просто изменение истории, а полное исчезновение целой цивилизации.Р2.0623

© Сосновский А. В., 2025
© Автор, 2025

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 5
ГЛАВА 1. КРИТИЧЕСКАЯ УГРОЗА 7
ГЛАВА 2. ПЯТЬ ДНЕЙ АДА 20
ГЛАВА 3. ВНЕДРЕНИЕ 36
ГЛАВА 4. В СЕРДЦЕ ЛАДОГИ 53
ГЛАВА 5. ИГРА В ТЕНИ 71
ГЛАВА 6. ШАНТАЖ 81
ГЛАВА 7. ВЕЧЕ 87
ГЛАВА 8. ПУТЬ В ХЕДЕБЮ 99
Конец ознакомительного фрагмента. 100

Призвание варягов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие друзья,

Перед вами — «Призвание варягов», четвертая книга цикла «Сквозь время», повествующего о необычайных приключениях Алексея Новикова — человека, которому выпала судьба стать Хранителем Времени.

В первых трех книгах читатель познакомился с невероятной историей обычного работника псковской фабрики «Невские грани», который случайно оказался в XVI веке — в осаждённом войсками Стефана Батория Пскове 1581 года. Там, среди пороховой гари и ожесточенных сражений, в атмосфере несгибаемой стойкости защитников древнего города, Алексей не просто выжил, но и предотвратил предательство, способное переломить ход осады и изменить всю последующую историю России.

Именно в этот переломный момент своей судьбы он узнал о существовании таинственной организации «Хранители Времени» — защитников исторической целостности, противостоящих могущественной группировке «Новый путь». В Киеве 988 года, спасая Крещение Руси от вмешательства врагов, Алексей заплатил страшную цену за правильный выбор — его действия изменили временную линию таким образом, что его семья перестала существовать. Жена Лена, дочери Дарина и Василиса, родители — все они были стёрты из реальности, оставшись лишь призраками в его израненной памяти.

Что определяет судьбу цивилизации? Можно ли стереть государство из истории, изменив всего один, казалось бы, незначительный эпизод далекого прошлого? И какова цена сохранения исторической правды?

Алексею Новикову, всё ещё не оправившемуся от потери близких, предстоит найти ответы на эти вопросы. Когда сверхчувствительные темпоральные датчики фиксируют критическое вмешательство в 862 году — в момент легендарного призвания варягов — он вынужден отправиться в, возможно, самую опасную и морально противоречивую миссию своей жизни.

Всего пять дней на подготовку, бесчисленные часы изучения древнеславянских диалектов и скандинавских наречий, обычаев и верований — и Алексей совершает головокружительный прыжок через тысячелетие. Перед ним разворачивается мир, где соседствуют славянские поселения и финно-угорские племена, где дымятся языческие капища и кипят кровавые междоусобицы, где зарождается то, что однажды станет великой державой.

Но так ли героична эта история, как нас учили в школе? Было ли призвание варягов актом мудрости — или отчаяния? Стал ли Рюрик спасителем разрозненных племён — или умным завоевателем, превратившим приглашение в узурпацию власти?

История не бывает чёрно-белой. За каждой красивой легендой скрывается сложная, противоречивая, часто жестокая правда. И Алексею предстоит не просто защитить эту правду — но и принять её, со всеми моральными последствиями.

Как и в предыдущих томах цикла, повествование строится на фундаменте тщательно восстановленных исторических реалий. Автор скрупулёзно воссоздаёт быт, обычаи и верования людей IX века, показывая живую картину эпохи, когда закладывались основы русской государственности. При этом фантастическая линия противостояния Хранителей и агентов «Нового пути» органично вплетается в ткань исторических событий, заставляя задаться вопросом: насколько случайными или, наоборот, закономерными были ключевые повороты нашей истории?

«Призвание варягов» — это роман о судьбоносных решениях и невозможных выборах. О готовности защищать историю, даже когда она несправедлива. О цене, которую платят те, кто помнит стёртых из реальности близких. О дружбе, рождающейся из общей боли. И о том, что иногда правильный выбор не приносит счастья — только понимание того, почему он был необходим.

Добро пожаловать в 862 год — в эпоху, когда решалась судьба великого народа, когда первые страницы русской истории только готовились быть написанными не теми, кто жил на этой земле веками, а пришельцами с севера, сумевшими превратить приглашение в завоевание. И защищать эту противоречивую правду предстоит нашему современнику, который уже заплатил за неё всем, что имел.

Желаю вам захватывающего чтения и до встречи в IX веке — веке, когда наёмники становились князьями, а князья — основателями династий.

ГЛАВА 1. КРИТИЧЕСКАЯ УГРОЗА

Алексей проснулся от собственного крика.

В тишине номера его дыхание казалось слишком громким. Постель была влажной, волосы неприятно липли к затылку. Внутри всё завязалось тугим узлом — так бывает, когда ужас уже ушел, а отчаяние осталось. Он судорожно хватал ртом воздух, расширенными глазами вглядываясь в очертания мебели, пока комната не перестала казаться чужой.

Его сознание раз за разом проваливалось в одну и ту же колею. Этот сон стал его персональным адом, где декорации не менялись, а финал был известен заранее, но от этого не становился менее жутким.

Он видел их — Лену, Дарину, Василису — смеющимися, тянущими к нему руки. Он бежал к ним, но они удалялись, становились прозрачными, словно утренний туман. А потом исчезали совсем, растворяясь в воздухе, оставляя после себя только эхо детского смеха и запах Лениных духов — ландыш с ванилью. И он оставался один в пустоте, которая была громче любого крика.

Проснуться после такого сна было всё равно что умереть заново. Каждое утро. Каждый раз осознавая: их нет. Никогда не было. Только в его памяти, в несбывшейся временной линии, которую он сам стёр, спасая историю в Киеве 988 года.

Алексей сел на постели, обхватив голову руками, и попытался совладать с дыханием. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Старая практика, которой его учили психологи Хранителей. «Дышите. Сосредоточьтесь на настоящем моменте. Прошлое ушло. Будущее не наступило. Есть только сейчас».

Но «сейчас» было пустым, как этот гостиничный номер.

Тусклый серый свет пробивался сквозь неплотно задёрнутые шторы небольшого номера в гостинице «Рижская». Скудная обстановка — продавленная кровать, прикроватная тумбочка с потёртым абажуром настольной лампы, деревянный стул с небрежно брошенной мятой рубашкой, письменный стол у окна с царапинами от чужих жизней. Пристанище временщика, хотя до его настоящей квартиры — не более получаса ходьбы. Квартиры, в которой обживалась чужая семья, не подозревающая о прежнем хозяине.

Пустой, холодный номер на третьем этаже с минимумом удобств — и никого рядом. Только он один в слишком большой для одного человека постели и гулкая тишина, нарушаемая лишь стуком собственного сердца да редкими шагами случайного постояльца в коридоре, напоминающими о существовании внешнего мира.

Словно в ответ на эти мысли о внешнем мире, тишину разрезал тревожный сигнал. Маленький прибор на прикроватной тумбочке, внешне неотличимый от языческого амулета, пульсировал багровым светом. Алексей замер. Этот зловещий оттенок он видел лишь однажды, в самый первый раз, когда проходил стажировку перед миссией в Киевскую Русь на базе Хранителей Времени в двадцать втором веке. Тогда багровый сигнал означал только одно — критическую угрозу временному континууму.

Пальцы машинально потянулись к устройству. Он взял коммуникатор, ощущая его едва уловимую вибрацию, похожую на биение встревоженного сердца, и активировал, прикоснувшись к нему и дав мысленную команду. Воздух над прибором засветился голубым свечением, формируя объёмное послание:

«КРИТИЧЕСКАЯ УГРОЗА ВРЕМЕННОМУ КОНТИНУУМУ. ТОЧКА БИФУРКАЦИИ: 862 ГОД. МНОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ВТОРЖЕНИЯ ЗАФИКСИРОВАНЫ. ХРАНИТЕЛЬ НОВИКОВ, ТРЕБУЕТСЯ НЕМЕДЛЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО».

Ниже мерцала трёхмерная карта с пульсирующей красной точкой — координаты встречи. Алексей узнал это место: круглосуточное кафе «Сундук» напротив Святых ворот псковского Крома, полуподвальное помещение в бывшем Доме культуры.

— Ну что ж, — пробормотал он, — работа зовёт.

Он встал с постели, щёлкнул выключателем и, щурясь от внезапно яркого света, прошёл в тесную душевую комнату. Отражение в зеркале встретило его усталым взглядом — обычный мужчина тридцати пяти лет, с первой сединой в тёмно-русых волосах и глубокими морщинами у глаз. Тени под веками, щетина на небритых щеках, в глазах — затаившаяся боль, которую не заглушить никаким лекарством.

Алексей резко отвернулся и открыл кран. Ледяная вода обожгла кожу, отрезвила, заставила вздрогнуть.

«Работа, — приказал он себе, с силой растирая лицо. — Сосредоточься на работе».

Он быстро оделся — потёртые джинсы, тёмно-синяя рубашка, лёгкая кожаная куртка, которая скрипела при каждом движении — и вышел из гостиницы в летнее псковское утро.

Город ещё спал, когда Алексей сошёл с крыльца угловатого здания гостиницы. Пройдя рядом с вечно пустым фонтаном, чаша которого была выкрашена красной краской, он невольно замедлил шаг — дождевые лужи, не высохшие за ночь, собирались в ней тёмными пятнами, до боли напоминающими запёкшуюся кровь. Отвернувшись, он углубился в предрассветную дымку просыпающихся улиц.

Воздух пах речной свежестью, влажной травой и мокрым асфальтом. Где-то вдалеке проехала одинокая машина, её фары прорезали молочную пелену яркими лучами, на мгновение выхватив из темноты сгорбленный силуэт случайного прохожего. Потом снова наступила тишина, нарушаемая только шелестом ветра в кронах деревьев да звоном редких капель, падающих с карнизов после ночного дождя, отсчитывающих время, словно метроном.

Он глубоко вдохнул, ощущая, как лёгкие наполняются свежестью, и на мгновение почувствовал себя живым. Конец августа, но по ощущениям — ещё середина лета. Только лёгкий утренний холодок напоминал о том, что осень уже на пороге.

Коммуникатор снова завибрировал, обжигая кожу через ткань кармана, будто сердитое насекомое, напоминая о себе настойчивым импульсом. Торопят. Алексей ускорил шаг, направляясь к центру города. До кафе было минут тридцать пешком, но он предпочитал идти, а не вызывать такси — утренняя прогулка помогала собраться с мыслями, подготовиться к тому, что ждёт впереди.

По пути он прошёл мимо пустой детской площадки, только утренний ветерок играл на ней бумажным стаканчиком, да вороны копошились в песке, ища что-то съестное. Качели неподвижно висели на цепях, поскрипывая, словно призрачные пассажиры раскачивались на них. Никто не играл здесь — слишком рано, дети ещё спали в тёплых кроватях, обнимая своих плюшевых медведей.

Он ускорил шаг, отворачиваясь. Не смотреть. Не думать. Не помнить.

Кафе «Сундук» занимало полуподвальное помещение в обветшавшем здании советской эпохи. Выцветшая вывеска едва читалась в утреннем свете, крыльцо давно требовало ремонта, штукатурка облупилась, обнажая кирпичную кладку, как раны на теле старого воина. Но именно эта невзрачность делала место идеальным для тайных встреч — никто не обращал на него внимания.

Внутри пахло свежезаваренным кофе и сыростью — влага постоянно просачивалась сквозь старые стены. Несмотря на ранний час, за столиками уже сидели несколько посетителей — утренние жаворонки или такие же бессонные души, как он сам, с опустошёнными глазами и потухшими взглядами.

Ольга Савельева ждала его за дальним столиком у стены, сосредоточенно глядя в экран планшета. Её длинные тёмные волосы были стянуты в строгий пучок, чёрный деловой костюм

подчёркивал хрупкую фигуру, но Алексей не обманывался внешней хрупкостью — знал, какая стальная воля скрывается под этой оболочкой. Она не изменилась с их последней встречи два года назад — всё та же собранность, та же непреклонность в каждом жесте, та же холодная решительность в глазах.

Она подняла глаза, когда Алексей подошёл к столику. Взгляд — оценивающий, цепкий, читающий его состояние за секунды, словно сканер на таможне.

— Двадцать три минуты с момента получения сигнала, — бросила она, не отрываясь от планшета, голосом, не терпящим возражений. — Непозволительно медленно для ситуации такого уровня. Чем дольше мы медлим, тем глубже проникают агенты противника.

— Доброе утро и тебе, Оля, — Алексей рухнул на стул напротив, чувствуя, как затекшие за ночь мышцы протестующе ноют. Стул отозвался недовольным скрипом. — Я слишком стар для этой предрассветной суеты.

Последнее слово вырвалось само, прежде чем он успел его проглотить. Ольга на мгновение подняла глаза, и в них мелькнуло что-то похожее на сочувствие — редкая эмоция для этой женщины. Она знала его историю.

— Угроза превышает все допустимые пределы, — произнесла она уже мягче, но всё так же профессионально, разворачивая планшет экраном к нему. — Смотри.

На экране пульсировала диаграмма — трёхмерный график, показывающий вероятностные линии развития истории. Обычно эти линии расходились плавно и органично, как ветви могучего дерева. Сейчас график напоминал взрыв — сотни резких, хаотичных разветвлений, большинство из которых обрывались красными точками. Такой маркер означал полное исчезновение временной линии — смерть целой реальности.

— Боже мой, — выдохнул Алексей, ощущая, как холодок пробегает по спине. — Что это за хаос?

— Множественные темпоральные вторжения в точку 862 года, — Ольга провела пальцем по экрану, увеличивая критический участок. Красные маркеры множились, словно капли крови на белой ткани. — «Новый путь» отправил минимум пять агентов высшей категории. Возможно, больше — наши сенсоры не справляются с такой активностью. Они хотят полностью уничтожить российскую государственность в зародыше. Превентивный удар по самому основанию истории.

Алексей провёл рукой по лицу, чувствуя накатывающую усталость и странное оцепенение. Щетина на щеках кололась под пальцами — забыл побриться.

— Почему именно этот момент? — спросил он, хотя уже догадывался об ответе.

Вместо ответа Ольга щёлкнула пальцами, подзывая официантку. Юная брюнетка с коротко подстриженными волосами и множеством пирсингов бесшумно возникла рядом со столиком, будто материализовалась из воздуха.

— Два кофе. Двойной эспрессо для меня, — коротко бросила Ольга, даже не взглянув на девушку.

— Для вашего спутника? — безэмоционально спросила брюнетка.

— Американо, если есть, — попросил Алексей, пытаясь смягчить резкость своей спутницы улыбкой. — И что-нибудь сладкое, если найдётся в такую рань.

Официантка кивнула и растворилась в полумраке зала так же беззвучно, как появилась.

— Призвание варягов, — наконец произнесла Ольга, когда они снова остались одни, понизив голос почти до шёпота. — Одна из трёх ключевых точек формирования российской цивилизации. Если нет Рюрика — нет династии, объединившей разрозненные племена. Нет единого государства. Нет преемственности власти. — Её пальцы забарабанили по столешнице — редкий признак нервозности. — Нет России. Вообще. Никогда. Вместо неё — десятки мелких княжеств, которые со временем поглотят соседние империи. Наша цивилизация просто не возникнет.

— Я знаю историю, Оля, — раздражённо перебил Алексей, потирая переносицу, где уже начинала пульсировать головная боль. — Но почему сейчас? «Новый путь» обычно бьёт по более поздним эпохам. Куликовская битва, Смутное время, революция семнадцатого года...

— Они меняют стратегию, — Ольга мрачно усмехнулась, и в уголках её глаз на мгновение проступили морщинки, делая её обычно безупречное лицо человечнее. — После того как мы сорвали их последние три операции, включая твою миссию в Киеве, они поняли: прямые вмешательства легко отслеживаются. Слишком грубо, слишком заметно. — Она постучала острым ногтем по экрану, где красные точки пульсировали, как сигналы тревоги. — Теперь они бьют по более ранним точкам и куда тоньше. — Она сделала паузу, потом добавила почти с невольным восхищением: — Используют локальные конфликты, манипулируют лидерами, разжигают вражду между племенами. Натравливают славянские роды друг на друга, подкупают старейшин, сеют раздор между союзниками. Работа ювелирная, не подкопаешься.

Официантка принесла кофе в толстостенных керамических чашках и тарелку с домашним печеньем — явно не из кафешного меню, скорее всего, своё. Алексей благодарно кивнул и отпил обжигающе горячий напиток, чувствуя, как постепенно проясняется сознание, отступает вязкая утренняя дрёма. Кофеин растекался по венам, прогоняя остатки сна и кошмарные видения.

— И в чём конкретно заключается моя миссия? — спросил он, отставив чашку. Она обожгла пальцы, но эта острая боль помогала сосредоточиться, оставаться в настоящем моменте.

Ольга достала из кожаной сумки объёмную папку — не меньше сотни страниц — и положила перед ним с глухим стуком. Пыль взметнулась над столом в луче утреннего солнца, пробившегося через грязное окно.

— Твоя задача — обеспечить призвание Рюрика и его успешное утверждение в качестве правителя, — проговорила она чётко, отчеканивая каждое слово. — Агенты «Нового пути» попытаются либо не допустить отправки посольства к варягам, либо сорвать его прибытие, либо — и это наиболее вероятный сценарий — спровоцировать такой конфликт, который приведёт к изгнанию или убийству Рюрика в первые месяцы правления.

Алексей открыл папку. Первая страница содержала краткую сводку исторических данных: даты, имена, места, ключевые события. Следующие десятки страниц были заполнены детальной информацией — схемы племенных отношений, карты поселений с археологическими данными, таблицы диалектов, образцы одежды и оружия той эпохи, даже меню типичных блюд и способы их приготовления.

— Сколько у меня времени на подготовку? — спросил он, бегло пролистывая документы. Информации было огромное количество — обычно на такую подготовку давали не меньше месяца, а то и двух.

— Пять дней, — Ольга проигнорировала его недоверчивый взгляд, продолжая невозмутимо потягивать кофе.

— Пять дней?! — Алексей резко захлопнул папку, отчего несколько посетителей за соседними столиками обернулись. Он понизил голос до яростного шёпота: — Ты шутишь? Я лекарь, а не викинг! Мне нужно изучить языки, обычаи, оружие, медицинские практики девятого века... — Он вдруг вспомнил: — Постой-ка. Мне Амир обещал, — Алексей стал загибать пальцы, — во-первых, полное психологическое обследование после прошлой миссии. Во-вторых, двухнедельный обязательный отдых. В-третьих…

— Семь, — резко перебила Ольга, стукнув ладонью по столу так, что кофе в чашках плеснул через край, оставляя тёмные пятна на деревянной поверхности. Несколько посетителей снова обернулись, но, встретив её стальной взгляд, поспешно уставились в свои тарелки. — Семь из восьми вероятностных линий, где Рюрик не приходит к власти, заканчиваются полным исчезновением России как государства и культуры. — Её голос стал жёстче, приобретая металлические нотки. — Так что да, пять дней. И благодари Совет Хранителей, что дали хотя

бы столько. — Она подалась вперёд, почти шипя: — И ещё: забудь об Амире. В этой миссии куратор — я.

Они сверлили друг друга взглядами несколько долгих секунд, как два хищника, решающие, кто уступит территорию. Алексей первым отвёл глаза, сдаваясь. Она права. Проклятье, она всегда была права, и это бесило больше всего.

«Я ведь просил работу, — мрачно подумал он, разламывая печенье. — Вот и получил. Может, эта миссия позволит мне хоть ненадолго забыться и не сойти с ума окончательно».

— Какова структура миссии? — спросил он уже спокойнее, делая ещё глоток обжигающего кофе. — Я иду один?

— Нет, — Ольга немного смягчилась, откидываясь на спинку стула. — Ты будешь работать в паре с Ярославой. Возможности и навыки у неё ты хорошо знаешь.

Алексей кивнул, и в памяти всплыл образ: девушка с сильным, волевым лицом, в простом льняном платье с вышивкой по подолу и рукавам. Тёмные волосы заплетены в сложную косу, украшенную серебряными нитями. Глаза — внимательные, умные, с постоянной настороженностью загнанного зверя. Ярослава была одной из лучших полевых агентов Хранителей по древнерусскому периоду. Они работали вместе в Киевской Руси, в точке бифуркации крещения.

— Хороший выбор, — признал он, ощущая некоторое облегчение. С Ярославой работать было легко — она такая же одинокая, как и он. Понимала без слов. Не будет задавать лишних вопросов о семье, о доме, о том, что было потеряно. — Кто-то ещё?

— На месте уже работают двое Хранителей под прикрытием — кузнец Михаил и знахарка Елена, — Ольга отхлебнула остатки кофе. — Они внедрены в поселение словен несколько месяцев назад. Будут твоей поддержкой и источником информации. Коды доступа и пароли в папке, третий раздел, желтые закладки.

— Это темпоральный транслокатор новой модели, — пояснила она, вручая амулет Алексею. — Замаскирован под украшение той эпохи. Даже под микроскопом археологи не отличат от оригинала. Активируется трёхкратным нажатием вот здесь, — она показала на почти незаметную выпуклость в центре солнечного узора, — и мысленным кодом, который загрузят при подготовке. Технология прямого нейроинтерфейса.

Алексей внимательно осмотрел устройство, поворачивая его на свету. Резьба была действительно безупречной — каждая линия, каждая насечка выполнена с мастерством древнего резчика. Дерево казалось старым, с патиной времени, местами потемневшее от прикосновений рук. Совершенная имитация, неотличимая от подлинника.

— В транслокатор зашит протокол аварийного возврата, — продолжила Ольга, и её голос стал еще суше. — Но пользоваться им категорически не рекомендуется. Только в случае абсолютной, неминуемой смерти. И даже тогда многие агенты предпочитают погибнуть.

— Почему? — Алексей поднял на неё взгляд.

— Потому что вероятность успешного прыжка в родную временную линию без предварительных расчетов — около семидесяти процентов. В остальных тридцати случаях тебя может расщепить в темпоральном потоке или навсегда забросить в стёртую, мёртвую ветку реальности, где ты сойдёшь с ума от одиночества. Так что береги его, но не рассчитывай на него как на чудесное спасение.

Ольга понизила голос до едва слышного шёпота и наклонилась через стол. Запах её духов — что-то строгое, с нотками цитруса и можжевельника — ударил ему в ноздри:

— А теперь самое важное. У нас есть основания полагать, что в этой операции замешан агент под кодовым именем «Архитектор».

Алексей вздрогнул и резко поднял глаза. Архитектор. Это имя среди Хранителей произносили почти шёпотом, с суеверным страхом. Легендарный оперативник «Нового пути», возрастом около пятидесяти лет, чьё настоящее имя никто не знал. Гений темпорального вме-

шательства, спланировавший и осуществивший десятки операций по изменению ключевых исторических событий. Человек, который переписывал историю так изящно, что даже Хранители не всегда могли обнаружить следы вмешательства.

— Архитектор? — переспросил он, надеясь, что ослышался. — Ты уверена?

— Темпоральная сигнатура совпадает на восемьдесят семь процентов, — кивнула Ольга, смахивая с экрана планшета несколько графиков. — Это его почерк — методичное, многослойное, продуманное вмешательство в ключевые исторические процессы. Он не бьёт в лоб, как большинство агентов. Он строит, создаёт системы влияния. Долгосрочные, самоподдерживающиеся. Как паук плетёт паутину — терпеливо, нить за нитью.

— Если Архитектор действительно там, это серьёзно усложняет задачу, — медленно произнёс Алексей, ощущая, как напряжение сковывает плечи и шею. — Я читал досье. Он ни разу не провалил операцию. Ни единого раза за десятилетия работы.

— До сегодняшнего дня, — жёстко ответила Ольга, и в её глазах мелькнул стальной блеск. — Именно поэтому мы отправляем тебя. Ты единственный из активных агентов, кто успешно противостоял операциям такого уровня сложности. Киевская миссия это доказала.

«И заплатил за успех всем, что имел», — мрачно подумал Алексей, но вслух произнёс другое:

— В прошлый раз мне просто повезло. Чертовски повезло.

— Удача — это тоже навык, — парировала Ольга. — Способность оказаться в нужном месте в нужное время, принять правильное решение за доли секунды. У тебя это есть. — Она помолчала, потом добавила тише: — К тому же, у тебя больше нет того, что можно потерять. Это даёт определённую... свободу действий.

Слова прозвучали жестоко, но Алексей не мог отрицать их правды. У него действительно больше не было семьи, которую он боялся бы потерять. Не было якоря, привязывающего к этому времени. Он был свободен. Ужасающе, опустошающе свободен.

— Есть ещё кое-что, — продолжила Ольга, и её лицо на мгновение смягчилось. — Хорошая новость. Мы используем новую технологию возвращения — темпоральные якоря последнего поколения. Они позволят тебе вернуться практически в ту же точку времени, из которой ты уйдёшь. Погрешность — не более часа, максимум двух. Никаких больше пропущенных лет.

Алексей усмехнулся без тени радости.

— Чудесная новость. Значит, я вернусь ровно к тому моменту, когда мой завтрак будет еще теплым.

Ольга пропустила иронию мимо ушей и взглянула на тонкие наручные часы.

— Нам пора. Машина ждёт у служебного входа. Базу развернули в тридцати километрах отсюда, замаскировали под археологическую экспедицию.

— А как же мой кофе? — Алексей кивнул на недопитую чашку и оставшееся печенье.

— Допьёшь по дороге, — Ольга уже поднималась, забирая планшет и папку. — Или тебе нужно официальное приглашение с золотой каймой, Хранитель Новиков? У нас нет лишних минут.

Дорога заняла около получаса. Чёрный внедорожник с тонированными стёклами и спецномерами бесшумно промчался по почти пустому Рижскому проспекту, миновал спящие окраины города и свернул на лесную просеку, отмеченную выцветшим указателем «Археологическая экспедиция. Проход запрещён».

Алексей смотрел в окно, наблюдая, как мелькают сосны и ели в утреннем тумане. Пятна солнечного света прорывались сквозь ветви, создавая на земле причудливую мозаику. Где-то здесь, в этих же самых лесах, тысячу лет назад жили люди, к которым он скоро отправится. Те же холмы, те же реки, те же звёзды — но совершенно другой мир. Мир без электричества, без интернета, без антибиотиков. Мир, где средняя продолжительность жизни составляла тридцать

пять лет — ровно столько, сколько ему сейчас — а смерть от раны или простой инфекции была обычным делом.

Автомобиль свернул на ещё более узкую дорогу, разбитую, заросшую по краям. Ветки хлестали по тонированным стёклам, скребли металл кузова. Вскоре впереди, в просвете между деревьями, показалось современное здание — длинное, низкое, почти незаметное среди леса благодаря маскировочным панелям цвета хвои и коры.

— Приехали, — объявила Ольга, убирая планшет в сумку. — Центр подготовки «Исток». Один из самых современных в системе Хранителей.

Они прошли через несколько контрольных пунктов с биометрической идентификацией — сканирование сетчатки, отпечатки пальцев, анализ походки. Уровень безопасности был сопоставим с военными объектами высшей категории секретности. Каждый шлюз открывался с тихим шипением, пропуская их всё глубже в комплекс.

Наконец они оказались в просторном конференц-зале с огромным голографическим проектором в центре и десятком мониторов по стенам. Здесь их уже ждали.

— Алексей! — раздался знакомый голос, тёплый, с лёгкой хрипотцой.

Он обернулся. К нему шла Ярослава — она выглядела почти так же, как когда они виделись в последний раз в сентябрьском Киеве 988 года. Разве что появились едва заметные морщинки в уголках глаз да лёгкая седина у висков. Но взгляд оставался таким же острым, внимательным, как у охотницы, высматривающей дичь. Она двигалась с той же грацией, что и раньше — словно даже в деловом костюме готова была в любой момент выхватить оружие или раствориться в тени.

— Рада снова работать с тобой, — она крепко пожала его руку, и Алексей ощутил сухую, сильную ладонь. — Хотя, признаюсь, была удивлена, когда узнала, что ты согласился на миссию. Думала, возьмёшь длительный отпуск после Киева. После... всего.

Последнее слово она произнесла тише, с особым значением. Она знала. Она прошла через то же самое несколько лет назад — потеряла мужа и сына в темпоральном сдвиге.

— Мне нужна работа, — просто ответил Алексей, и они обменялись долгим взглядом — взглядом двух людей, переживших одинаковую потерю. — Иначе я просто сойду с ума в пустом гостиничном номере, считая трещины на потолке и задыхаясь от воспоминаний.

— Понимаю, — кивнула она, и в её глазах мелькнуло искреннее сочувствие. — Работа помогает. Не думать. Не помнить. Просто действовать. Сосредоточиться на миссии — и на какое-то время забыть о бездне внутри.

Она слегка сжала его плечо — короткий жест поддержки:

— Мы справимся. Вместе. Как в прошлый раз. А когда вернёмся... — она помедлила, — ...тогда будем решать, как жить дальше.

— Познакомьтесь с командой подготовки, — прервала момент Ольга, указывая на трёх человек у голографического проектора.

Первым был профессор Игорь Владимирович Плохов — высокий, чуть полноватый мужчина лет шестидесяти, с седой бородкой клинышком и живыми, умными глазами за круглыми очками. Ведущий специалист по истории Древней Руси и скандинавистике, автор десятков монографий.

В его взгляде читалось то особое интеллектуальное любопытство, которое отличает настоящих учёных.

Рядом стояла Татьяна Семёновна Рыжова — молодая женщина лет тридцати пяти, в строгих очках и с волосами, собранными в деловой пучок. Лингвист, эксперт по древнерусскому и древнескандинавским языкам. Её пальцы нервно постукивали по планшету, выдавая нетерпеливый характер.

Третьим был Игорь Павлович Воронцов — высокий, широкоплечий мужчина спортивного телосложения, несмотря на свои пятьдесят с лишним лет. Бывший офицер спецназа, спе-

циалист по историческому оружию. Шрам, пересекающий левую бровь, придавал его лицу суровое выражение, а глаза, внимательно оценивающие каждого, выдавали человека, привыкшего к опасности.

Алексей и Ярослава обменялись рукопожатиями с каждым из специалистов.

— Рад встрече с настоящими легендами, — произнёс Плохов с нескрываемым восхищением в голосе. — Ваша миссия в Константинополе десятого века изучается в академии как образец идеального минимального вмешательства! — Он покачал головой с таким благоговением, будто встретил кумира юности. — Настоящий шедевр темпорального искусства!

— Вы преувеличиваете, Игорь Владимирович, — мягко улыбнулась Ярослава. — Мы просто делаем свою работу. И в Константинополе было больше импровизации, чем плана.

— И делаете её исключительно хорошо, — вступила Рыжова, поправляя очки нервным жестом. — Я изучала лингвистические аспекты вашей работы в эпоху князя Владимира. Как вы использовали языковые маркеры для манипуляции общественным мнением, вводя новые термины и понятия в лексикон — тончайший пилотаж! В академии до сих пор спорят о некоторых ваших методах.

Алексей молчал, принимая комплименты с натянутой вежливостью. Для академиков его миссия была ювелирным шедевром темпорального искусства. Для него самого — обугленной пустошью. В горле скопился горький привкус, и он с трудом подавил желание оборвать профессора на полуслове.

— Давайте лучше перейдём к делу, — предложил Воронцов, заметив дискомфорт Алексея. — Времени у нас действительно в обрез, а подготовить нужно многое. Каждая минута на счету.

— Согласен, — кивнул Алексей с благодарностью. — С чего начнём?

— С полного погружения в эпоху, — ответил Плохов, активируя голографический проектор взмахом руки. — Вам нужно не просто изучить факты — вы должны почувствовать девятый век, проникнуться его духом, понять людей того времени. Мыслить как они. Бояться того же, чего боялись они. Верить в то, во что верили они.

В воздухе возникла объёмная карта Восточной Европы, на которой разными цветами были отмечены территории племён. Границы были размыты, словно перетекали друг в друга, постоянно меняя очертания, как живой организм.

— 862 год, — начал профессор тоном лектора, читающего любимый курс, который он мог бы рассказывать во сне. — Восточная Европа представляет собой лоскутное одеяло из славянских, финно-угорских и балтских племён, каждое из которых живёт своей жизнью, со своими богами, своими законами, своими представлениями о справедливости. Нет единой власти, нет государства в современном понимании этого слова. Только родовые связи, кровная месть, временные племенные союзы, которые рассыпаются, как только исчезает общая угроза.

Его палец прочертил воображаемую линию с севера на юг по голографической карте, и вдоль этой линии засветились маркеры поселений:

— Но уже формируется нечто важное — путь «из варяг в греки». Великий торговый маршрут, который свяжет Балтийское море с Чёрным, скандинавский север с византийским югом, принесёт в эти земли богатство, культуру, идеи. — Профессор увеличил северную часть карты. — И кто контролирует этот путь — контролирует будущее. Потому что путь — это не только торговля. Это информация, технологии, культурный обмен, политические связи.

Он провёл рукой, и карта отозвалась, приближая место, где мутные воды Волхова вливались в просторы Ладожского озера:

— Вот она. Ладога. Альдейгьюборг, как называют её скандинавы. Старая Ладога, как будут звать через века. Крупнейший торговый узел севера Восточной Европы в середине IX столетия. — Голос профессора потеплел, стал почти нежным, как у человека, говорящего о любимом месте. — Здесь встречаются миры. Славянские ладьи с юга и варяжские драккары

с севера. Арабское серебро с востока и франкские мечи с запада. Византийские шелка и скандинавские меха. Языки перемешиваются — славянский, скандинавский, финский, тюркский. Боги соседствуют — Перун и Тор, Велес и Один, духи леса и моря.

Карта показывала поселение — небольшое по современным меркам, домов пятьдесят, не больше, но расположенное в стратегически идеальном месте, в устье Волхова, контролирующее путь из озера в реку и дальше на юг.

— Словене ильменские и приладожские, — продолжил профессор, обводя территорию вокруг Ладоги, — одно из самых могущественных славянских племенных объединений севера. Их земли простираются от Ладожского озера до озера Ильмень, контролируют верховья Волхова и подступы к великому водному пути. Рядом — кривичи. — Он указал на запад. — Не менее сильный союз племён. Они держат Смоленск, Полоцк, Изборск, Псков. Два крупнейших славянских союза, и между ними — постоянное соперничество за влияние, за контроль над торговыми путями, за первенство.

Карта ожила, показывая стрелками направления торговых потоков, военных походов, миграций:

— Вокруг них живут финно-угорские племена: чудь на западе, весь на севере, меря на востоке. Все говорят на разных языках, молятся разным богам, имеют разные традиции похорон, свадеб, торговли, решения споров. То, что для одних священно — для других может быть табу или даже оскорблением. — Профессор снял очки, протер их краем пиджака, водрузил обратно. — Это постоянный источник конфликтов, непонимания, кровавых разборок. Обиженная честь, неправильно понятый жест, нарушенный обычай — и вот уже род идёт на род, деревня на деревню.

— А что с внешним давлением? — спросила Ярослава, внимательно изучая карту, на которой пульсировали красные и синие стрелки, показывающие направления военных угроз. — Хазарский каганат с юга давит, варяги с севера совершают набеги. Как славянские племена вообще выживают в этих клещах?

— Балансируют, — кивнул профессор. — Хазарский каганат собирает дань с южных славянских племён — полян, северян, радимичей. Варяги — искусные воины и мореходы — совершают набеги на прибрежные поселения, забирают добычу, уводят пленников. Или нанимаются на службу к местным вождям как военная сила — мечи напрокат, если угодно. — Он указал на широкую синюю стрелу, идущую с севера. — Особенно активны скандинавы. Для них эти земли — и источник лёгкой добычи, и транзитный путь на восток, к арабскому серебру, которое течёт рекой по Волжскому торговому пути, и на юг, к несметным богатствам Византии.

— И посреди этого хаоса, — произнёс Алексей, — несколько славянских и финно-угорских племён вдруг решают пригласить иноземного, чужого, варяжского правителя? — Он покачал головой, и в голосе зазвучал скептицизм. — Извините, Игорь Владимирович, но не слишком ли это... удобно? Не слишком ли похоже на красивую сказку, придуманную много позже для оправдания и легитимации захвата власти варягами?

Профессор улыбнулся — довольной улыбкой учителя, чей ученик задал именно тот вопрос, на который он надеялся:

— Отличный, правильный вопрос! — воскликнул он, потирая руки. — На первый взгляд — да, выглядит как позднейшая легитимирующая конструкция. Варяжская династия захватила власть силой, а потом заказала летописцам красивую историю о том, как их пригласили, чтобы оправдать своё правление. — Он поднял палец. — Но археология, лингвистика, анализ торговых путей и погребальных обрядов показывают: реальность была сложнее и интереснее простого завоевания.

Он активировал новый слой карты, и на ней проступили линии торговых маршрутов, места находок арабских монет, скандинавских артефактов, славянской керамики:

— Варяги присутствовали в этом регионе задолго до 862 года. Торговали, нанимались на службу, основывали торговые фактории. Ладога — это вообще в значительной степени их город, международный перекрёсток. Славянское население, но скандинавское влияние огромно. — Он увеличил изображение, показывая слои археологических раскопок. — Смотрите: скандинавская керамика, оружие, украшения, даже типы жилищ. Это не просто торговые контакты — это глубокая культурная интеграция.

— То есть варяги были там своими? — уточнил Алексей.

— И да, и нет, — профессор сложил ладони вместе, — они были знакомыми чужаками. Торговыми партнёрами, наёмными воинами, иногда — грабителями и врагами. Отношения сложные, амбивалентные. — Он вернулся к основной карте. — Теперь смотрите, что говорит летопись. Я процитирую по памяти, это ключевой текст.

Он прикрыл глаза, и голос его зазвучал иначе — нараспев, как древний сказитель:

— «Въ лѣто 6370. Изгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти. И не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, и быша усобицѣ в них, и воевати сами на ся почаша».

Он открыл глаза:

— Сначала изгнали варягов. Важнейшая деталь! Значит, они уже были здесь, уже брали дань, уже имели власть. Славянские племена восстали, прогнали их. Акт освобождения, утверждения независимости. — Профессор поднял палец. — Но что дальше? «Не бѣ въ нихъ правды» — не было порядка, справедливости, единой власти. «Въста родъ на родъ» — началась междоусобица, резня между родами и племенами.

Он сделал театральную паузу:

— И что делают в такой ситуации? Читаем дальше: «И рѣша сами въ себѣ: «поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». И идоша за море къ варягомъ, къ руси».

Профессор развёл руками:

— Пригласили тех же самых варягов обратно! Тех, кого только что изгнали! Абсурд? Предательство? Или холодный расчёт?

— Расчёт, — медленно произнёс Алексей, начиная понимать. — Они поняли, что не могут справиться сами. Что усобица хуже, чем внешнее владычество.

— Частично, — кивнул Плохов. — Но давайте копнём глубже. Кто именно призывал? Весь народ на вече? Нет. Летопись чётко говорит: «реша руси, чудь, словене, кривичи и вси». Обратите внимание: племена перечислены, но решение принимают не все жители, а их представители. Старейшины. Родовая знать. Племенная элита.

Он обвёл рукой карту:

— И вот вам настоящая картина: племенная верхушка в панике. Низы бунтуют, старые порядки не работают, власть ускользает из рук. Молодые вожди, вроде будущего Вадима Храброго, набирают влияние, опираясь на рядовых воинов. Торговые люди богатеют и требуют голоса в управлении. Традиционная знать теряет контроль. — Его голос стал жёстче. — И что делает элита, теряющая власть? Зовёт «внешнюю вооружённую силу» для её восстановления.

Ярослава присвистнула:

— Варягов позвали как... полицию? Подавить внутренние беспорядки?

— По сути — да, — согласился профессор. — Конечно, официально — «княжить и володеть», устанавливать порядок, судить по закону. Но на деле? Матёрая военная сила, которая восстановит власть пригласившей её элиты. За долю в прибылях, естественно.

— Но что-то пошло не так, — догадался Алексей. — Варяги не остались послушными наёмниками.

— Именно! — Профессор ударил кулаком по ладони. — Вот где начинается настоящая драма! Рюрик был слишком умён, чтобы довольствоваться ролью наёмного меча. Он понял

простую вещь: кто контролирует вооружённую силу — контролирует власть. А старейшины дали ему эту силу добровольно, по приглашению.

Карта изменилась, показывая хронологию событий:

— Смотрите его действия. Первое: «и срубиша город Ладогу» — перестроил торговую факторию в военную крепость. Скандинавского типа укрепления, частокол, дозорные башни. Археология подтверждает: именно в 860-х годах Ладога превращается из торгового поселения в укреплённый город.

Второе: «раздааше мужемъ своимъ грады» — раздал ключевые пункты своим людям. Не местным старейшинам — своим. Варяжским ярлам из дружины.

Профессор обвёл карту рукой:

— Видите картину? Все ключевые точки торгового пути, все стратегические города — под контролем варягов. Это уже не приглашение наёмников. Это военная оккупация, прикрытая юридической фикцией договора.

В зале повисла тишина. Алексей переваривал услышанное, и в голове складывалась новая картина — не героическая легенда о призвании мудрых правителей, а история умного военного переворота, где наёмники сумели превратить приглашение в захват власти.

Профессор развернул на экране карту:

— Кстати, Белоозера как города в 862 году не существовало, — его палец переместился на пятнадцать километров юго-западнее, обозначив поселение Крутик. — Вот главный торговый узел племени весь, контролировавший западное побережье озера. Далее Изборск и другие стратегические пункты, куда Рюрик назначил своих людей — ярлов из дружины, связанных с ним клятвой верности. Они были наместниками, исполнявшими его волю, а не самостоятельными князьями.

Плохов откинулся на спинку кресла:

— А легенда о «трёх братьях-основателях» — классический фольклорный приём, известный многим культурам. Вспомните Кия, Щека и Хорива. Для летописца было критически важно показать, что власть Рюрика легитимна и масштабна, охватывает сразу три ключевых центра. Миф, возникший из лингвистического недоразумения, оказался удивительно живучим.

— И таким образом, — медленно произнёс Алексей, — он установил контроль над всем торговым путём. От Ладоги до Волги.

— Умно, да? — Игорь Владимирович одобрительно кивнул. — Наёмник, ставший господином. И самое прекрасное — он сделал это легально, с точки зрения своего времени. Его пригласили. Он пришёл по договору. А то, что потом этот договор был переосмыслен в его пользу... — Он развёл руками. — Ну что поделать. Кто сильнее — тот и пишет условия.

— А куда именно призвали Рюрика? — спросил Алексей. — В летописи сказано: «Рюрик седе в Новеграде». То есть в Новгороде?

Профессор радостно закивал — ещё один правильный вопрос:

— Это ошибка летописца! — воскликнул он. — Новгорода в 862 году не было. Вообще. Археология однозначна: город возникает не раньше середины X века, почти через сто лет. — Он указал на карту. — А вот Ладога — была. Древняя, богатая, стратегически важная. Именно сюда пришёл Рюрик. Именно здесь он обосновался первоначально.

На экране появился план Ладоги IX века, реконструированный по археологическим данным:

— Вот она. Альдейгьюборг. Деревянные укрепления, длинные дома скандинавского типа, пристани для ладей, торговые ряды. Население — смешанное: славяне, скандинавы, финно-угры. Языки перемешаны. Боги соседствуют. Идеальный плавильный котёл культур. — Профессор увеличил центральную часть поселения. — Именно здесь, на этих деревянных

мостовых, среди закопчённых изб и торговых рядов, начинается то, что через столетие станет Русью.

Он отошел от проектора и повернулся к Алексею и Ярославе:

— Вы понимаете, что на кону? Это не просто спасение одного человека или даже династии. Это точка зарождения целой цивилизации. Если Рюрик не придёт к власти, если его изгонят или убьют, если призвание сорвётся — не будет того объединяющего импульса, который запустит процесс государствообразования. — Его голос стал тише, весомее. — Не будет Олега, который захватит Киев и создаст единое государство от Ладоги до Днепра. Не будет Владимира, который крестит Русь и свяжет её с византийской цивилизацией. Не будет Ярослава Мудрого, Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана Грозного, Петра Великого. Не будет России. Вообще.

Тишина в зале была абсолютной. Только тихое гудение вентиляции и далёкий шум леса за окнами напоминали, что мир не замер.

— Без давления, — сухо заметила Ольга. — Просто судьба сотен миллионов человек и тысячелетней цивилизации в ваших руках. Обычный вторник.

Алексей усмехнулся её чёрному юмору:

— Когда ты так формулируешь, даже страшновато становится.

— Должно быть страшно, — жёстко ответила она. — Страх держит в тонусе. Не даёт расслабиться и совершить фатальную ошибку.

— Всё, — Ольга хлопнула в ладоши, возвращая всех к реальности. — Достаточно теории. Переходим к практике. У нас пять дней, чтобы превратить вас из людей двадцать первого века в жителей девятого. Профессор Плохов займётся историческим погружением. Татьяна Семёновна — языковой подготовкой через нейролингвистическое программирование. Игорь Павлович — боевыми навыками эпохи и обращением с оружием. — Она посмотрела на тонкие часы. — Начинаем через час. До того — медицинское обследование и процедура биомодификации для Алексея. Вопросы?

— Один, — сказал Алексей, и все повернулись к нему. — Если Рюрик действительно захватчик, пусть и умный... правильно ли то, что мы делаем? Защищаем становление государства через завоевание?

Вопрос повис в воздухе. Ольга и профессор переглянулись. Ярослава опустила глаза.

— Мы защищаем историю, которая была, — наконец ответила Ольга. — Не ту, которая должна была быть по чьим-то представлениям о справедливости. Рюрик пришёл к власти именно так, как пришёл — через смесь приглашения и узурпации. Это факт. И из этого факта выросла Россия. Со всеми её противоречиями, жестокостями, величием и трагедиями. — Она посмотрела прямо на Алексея. — Наша задача не судить прошлое. Наша задача — сохранить его таким, каким оно было. Даже если оно нам не нравится.

— Даже если оно несправедливо? — тихо спросил он.

— Даже тогда, — твёрдо ответила она. — Потому что альтернатива — хаос. Полная неопределённость. Никто не знает, что вырастет на месте стёртой истории. Может, лучше. А может — неизмеримо хуже.

Алексей медленно кивнул. Он понимал логику. Даже соглашался с ней. Но где-то глубоко внутри шевелился червь сомнения: а вдруг «Новый путь» прав? Вдруг действительно существует лучшая версия истории, без Рюрика и без Романовых?

Но он промолчал. Время для философских споров будет потом. Если будет.

— Вопросов больше нет, — сказал он. — Готов начинать.

— Отлично, — Ольга кивнула. — Медблок — третья дверь налево. Доктор Чжан уже ждёт. После модификации — обед, потом первая сессия погружения в виртуальную реальность эпохи. К вечеру начнём языковое программирование.

Она повернулась уходить, но Алексей остановил её:

— Оль. Спасибо. Что дала мне эту работу.

Она обернулась, и на её лице мелькнуло что-то тёплое, почти материнское:

— Не за что. Просто вернись живым. И помни... — она замялась, подбирая слова, — история жестока. Но это не значит, что ты должен быть жесток к себе. У тебя ещё может быть будущее, Алексей. Когда-нибудь.

— Когда-нибудь, — повторил он без особой уверенности.

ГЛАВА 2. ПЯТЬ ДНЕЙ АДА

— Ну что, — сказал Алексей, поворачиваясь к Ярославе. — Начинается?

— Начинается, — согласилась она и улыбнулась — тепло, почти дружески. — Как в старые добрые времена.

— Только старые, — усмехнулся он. — Добрыми они не были никогда.

— Справедливо, — кивнула она.

И они разошлись по своим процедурам — он в медблок для превращения в другого человека, она на первую сессию лингвистической подготовки.

Впереди было пять дней ада. Алексей знал это. Пять дней, когда его тело и разум будут переделывать, ломать, перестраивать, вливая знания и навыки девятого века с такой интенсивностью, что обычный человек сошёл бы с ума.

Но Алексей был благодарен за этот ад.

Потому что боль подготовки заглушала другую. Ту, от которой не было лекарства.

Медицинский блок центра «Исток» располагался в отдельном крыле здания, отгороженном тройными шлюзами биологической безопасности. Алексей прошёл через дезинфекционные камеры, где его обдало облаком мелкодисперсного тумана с запахом озона и чего-то химического, переоделся в стерильную одноразовую одежду и наконец оказался в самом кабинете биомодификации.

Помещение больше напоминало операционную из фантастического фильма, чем обычный медицинский кабинет. В центре возвышалось кресло, окружённое массивными приборами с мигающими индикаторами и голографическими дисплеями. Вдоль стен тянулись стеклянные шкафы с инструментами и препаратами, названия которых Алексей даже не пытался прочесть — медицина двадцать второго века была для него тёмным лесом.

— Мистер Новиков, — раздался мягкий голос с едва уловимым акцентом. — Прошу, располагайтесь.

Доктор Чжан оказался невысоким китайцем с поразительно загадочным возрастом — его гладкое лицо могло принадлежать как сорокалетнему, так и шестидесятилетнему мужчине. Он двигался плавно и размеренно, словно каждый жест был частью безмолвной медитации. Безукоризненно белоснежный халат контрастировал с иссиня-черными волосами, аккуратно убранными под медицинскую шапочку. Его руки, облаченные в тончайшие латексные перчатки, совершали точные движения — перчатки так идеально облегали пальцы, что казались естественным продолжением смуглой кожи.

— Процедура займёт четыре часа, — пояснил он, помогая Алексею устроиться в кресле. — Полностью безболезненная, хотя и не слишком приятная по ощущениям. Вы будете в сознании всё время — так безопаснее, организм лучше принимает изменения, когда мозг их контролирует.

— Что именно вы будете делать? — спросил Алексей, глядя на внушительный арсенал приборов вокруг кресла.

— Временная биомодификация на клеточном уровне, — доктор Чжан провёл рукой над панелью, и голографический экран ожил, показывая трёхмерную модель человеческого тела. — Мы изменим пигментацию кожи, введя меланин-активаторы в эпидермальные клетки. Скорректируем структуру волос, сделав их темнее и жёстче. Слегка модифицируем хрящевую ткань носа — буквально на миллиметр-два, это изменит профиль. Плюс контактные линзы нового поколения для глаз — они интегрируются с роговицей и будут неотличимы от натуральных даже при самом тщательном осмотре.

Он начал закреплять на теле Алексея датчики — холодные металлические диски, которые прилипали к коже и тут же начинали мерно пульсировать синим светом.

— Самое сложное — это сохранить полную обратимость изменений, — продолжал доктор, монотонно проверяя показания приборов. — При приёме нейтрализатора все модификации должны полностью исчезнуть, и вы вернётесь к исходному облику без каких-либо последствий для здоровья. — Он взглянул на Алексея поверх очков. — У вас есть аллергия на наномедицинские препараты?

— Не знаю, — честно ответил Алексей. — Никогда не проверял.

— Сейчас проверим, — доктор ввёл что-то в консоль. — Небольшой укол в предплечье. Почувствуете лёгкое жжение.

Он не соврал насчёт укола — игла вошла почти безболезненно. А вот жжение оказалось не таким уж лёгким. Алексей стиснул зубы, чувствуя, как от места укола по венам расползается ощущение, будто в кровь влили расплавленный металл. Жар поднимался по руке, достигал плеча, разливался по всему телу.

— Дышите ровно, — спокойно сказал доктор Чжан, наблюдая за показаниями на мониторах. — Это нормальная реакция. Наноботы распространяются по кровеносной системе, интегрируются с клетками. Ещё минута — и дискомфорт пройдёт.

Минута показалась вечностью. Алексей чувствовал, как что-то инородное расползается внутри него, меняя и перестраивая каждую клетку его существа. Это вызывало не просто физический дискомфорт — само его естество восставало против вторжения. Первобытный ужас проникал до костного мозга: тело отчаянно сопротивлялось чужеродным изменениям, осознавая, что его насильственно преобразуют в нечто иное.

Но постепенно жар отступил, сменившись странным покалыванием по всей коже, как будто тысячи крошечных иголок одновременно касались каждого участка тела.

— Отлично, — удовлетворённо произнёс доктор, изучая данные на голограмме. — Организм принимает модификацию без осложнений. Теперь самое интересное. Закройте глаза и постарайтесь расслабиться. Полностью. Представьте, что засыпаете.

Алексей послушно закрыл глаза. Расслабиться было сложнее — в последнее время он разучился расслабляться, постоянное напряжение стало его естественным состоянием. Но он попытался, замедляя дыхание, отпуская контроль.

— Хорошо, — голос доктора доносился откуда-то издалека, словно через толщу воды. — Сейчас начнётся основная фаза трансформации. Вы почувствуете странные ощущения. Не пугайтесь. Это нормально.

И тут началось нечто, к чему невозможно подготовиться.

Алексей почувствовал, как его лицо... течёт. Не буквально, конечно, но ощущение было именно таким — кожа стала вязкой, податливой, черты лица плыли и перестраивались, как глина в руках скульптора. Покалывание усилилось в тысячу раз, превратившись в мириады крошечных иголок, протыкающих кожу изнутри.

Это не было больно в обычном смысле слова. Это было странно. Невыносимо, тошнотворно странно — чувствовать, как меняется твоё собственное тело, как нос становится чуть шире, скулы — острее, губы — полнее. Как волосы на голове темнеют, утолщаются, меняют структуру.

«Я перестаю быть собой, — пронеслась паническая мысль. — Я становлюсь кем-то другим. Чужим. Незнакомцем в зеркале».

— Дышите, мистер Новиков, — голос доктора прорезал панику, как нож масло. — Ровно. Глубоко. Вы в полной безопасности. Ещё две минуты — и всё закончится.

Две минуты длились как два часа. Алексей судорожно сжал подлокотники кресла и терпел, считая секунды, фокусируясь на дыхании, на чём угодно, только не на ощущении собственного тела, предающего его, превращающегося в чужое.

Наконец покалывание стало стихать. Ощущение текучести исчезло. Тело снова стало твёрдым, стабильным, своим. Почти.

— Готово, — объявил доктор Чжан с удовлетворением в голосе. — Можете открыть глаза.

Алексей медленно разлепил веки, и первое, что он увидел, было собственное отражение в зеркальной поверхности медицинского прибора напротив кресла.

На него смотрел незнакомец.

Смуглая кожа, оттенка старой бронзы. Почти чёрные волосы, прямые, жёсткие. Карие глаза — тёмные, почти чёрные, с янтарными вкраплениями. Нос чуть шире, чем был, с едва заметной горбинкой. Скулы острее, лицо точно высечено из дерева твёрдой породы.

Он поднял руку к лицу, и незнакомец в отражении повторил движение. Провёл пальцами по щеке, ощущая знакомую щетину, но на чужом, смуглом лице. Коснулся носа — тот же, но другой. Его, но не его.

— Как вы себя чувствуете? — спросил доктор, наблюдая за его реакцией с профессиональным интересом. — Некоторая дезориентация — нормальное явление. Мозгу нужно время, чтобы принять новый образ тела. Обычно адаптация занимает от шести до двенадцати часов.

— Я... нормально, — Алексей оторвал взгляд от отражения. — Просто странно. Видеть себя другим.

— Пройдёт, — заверил доктор. — Через день вы привыкнете к новому облику. А после приема нейтрализатора, когда модификация исчезнет, вам снова будет странно видеть своё старое лицо.

Он помог Алексею подняться с кресла — ноги подкашивались, координация была нарушена, казалось, тело стало на сантиметр выше или ниже, и мозг ещё не привык к новым пропорциям.

— Походите минут десять, — посоветовал доктор. — Мышечная память должна адаптироваться к изменениям в центре тяжести. Незначительные, буквально доли процента, но мозг их ощущает.

Алексей послушно начал медленно ходить по кабинету, и с каждым шагом чувствовал, как тело постепенно становится послушным, привычным. Только лицо оставалось чужим — он периодически ловил своё отражение в блестящих поверхностях приборов и каждый раз вздрагивал, не узнавая себя.

— Вот, — доктор протянул ему маленький флакон с прозрачной жидкостью. — Нейтрализатор. Один приём — и через шесть часов вы вернётесь к исходному облику. Храните в надёжном месте. И не принимайте без крайней необходимости — повторная биомодификация после нейтрализации гораздо сложнее переносится организмом.

Алексей спрятал флакон во внутренний карман куртки. Его рука непроизвольно проверила, на месте ли фотография Лены и девочек, которую он носил всегда с собой, в потайном кармашке, у самого сердца.

«Интересно, — мелькнула мысль, — узнали бы они меня сейчас? С этим чужим лицом? Или прошли бы мимо, не обратив внимания на смуглого незнакомца?»

— Всё в порядке? — участливо спросил доктор, заметив, как Алексей прижал руку к груди.

— Да, — соврал он. — Просто проверял карманы. Привычка.

Доктор кивнул, не веря, но не настаивая:

— Можете идти. Следующая процедура — через час. За это время советую поесть, организму нужна энергия для адаптации к изменениям. Столовая на втором этаже, вам покажут.

Алексей вышел из медблока и побрёл по коридору, ловя отражения в стеклянных дверях кабинетов. Каждый раз видел незнакомца — смуглого, темноволосого, с резкими чертами лица

южанина. Человека, которым он станет на следующие несколько месяцев. Или навсегда, если решит не возвращаться.

«Легко стать другим человеком, — думал он, поднимаясь по лестнице на второй этаж. — Новое лицо, новое имя, новая жизнь. В прошлом, где никто не знает твоей истории. Где нет призраков на каждом углу. Соблазнительно. Слишком соблазнительно».

Столовая оказалась просторным помещением с панорамными окнами, выходящими на лес. Несколько человек сидели за столиками — агенты, готовящиеся к своим миссиям, технический персонал, инструкторы. Все поглощённые своими мыслями, своими мирами, не обращающие внимания друг на друга.

Алексей взял поднос, выбрал что-то максимально простое — суп, второе, компот — и устроился за столиком у окна. Ел машинально, не чувствуя вкуса, глядя на лес за стеклом. Сосны качались на ветру, птицы перелетали с ветки на ветку, где-то вдали, за пеленой лесной тишины, раздавался одинокий собачий лай, эхом разносящийся по окрестностям.

Обычный лес. Обычный день. Обычная жизнь, которая продолжается, равнодушная к тому, что у кого-то внутри умерло что-то важное.

— Это место свободно?

Он поднял глаза и увидел Ярославу с подносом в руках. Она уже переоделась в спортивный костюм — чёрный, облегающий, подчёркивающий стройную фигуру. Волосы стянула в тугой хвост. На лице — лёгкая испарина, видимо, только что с тренировки.

— Садись, — кивнул он, отодвигая поднос, освобождая место.

Она села напротив, и некоторое время они ели молча, каждый погружённый в свои мысли. Алексей украдкой наблюдал за ней и видел те же признаки, что и у себя: усталость, притаившаяся в уголках глаз; напряжение в плечах, которое не уходит даже во время еды; манеру постоянно оглядываться, проверяя выходы и возможные угрозы — рефлекс полевого агента, который невозможно выключить.

— Новое лицо тебе идёт, — наконец сказала она с лёгкой улыбкой. — Загадочный южанин. Все девушки Ладоги будут без ума.

— Мне тридцать пять, Яра, — усмехнулся он. — Для девятого века я уже старик. В том времени в моём возрасте обычно уже внуки есть.

— Зато опытный, — парировала она. — Лекарь, повидавший мир. Есть в этом своё обаяние.

Они помолчали. Ярослава доедала суп, Алексей бездумно крошил хлеб, превращая его в гору крошек на тарелке.

— Подожди, — девушка встала из-за стола. — Я сейчас.

Через несколько минут Ярослава вернулась — с двумя чашками дымящегося кофе в руках.

— Подумала, что тебе тоже не помешает, — сказала она, ставя одну чашку перед ним. — После сегодняшнего дня.

— Спасибо, — он обхватил чашку ладонями, наслаждаясь теплом.

Они пили молча. Кофе был крепким, горьким, обжигающим — настоящим, не из автомата.

— Семь лет, — вдруг сказала Ярослава, глядя в свою чашку. — Я всё ещё не могу поверить, что их нет. Миши и Сашки. Иногда просыпаюсь утром и тянусь к мужу — а там пустота. Или слышу детский смех на улице, оборачиваюсь... — Голос дрогнул. — А там чужой ребёнок.

Алексей кивнул, не поднимая глаз:

— Знаю. У меня так же. Каждое утро заново понимаешь — их нет. И никогда не было. Только в твоей памяти.

— Психологи говорят, время лечит, — Ярослава усмехнулась горько. — А я до сих пор сплю на краю кровати, оставляя место для Миши.

Алексей поднял взгляд, встретился с её глазами — и увидел там то же, что носил в себе. Боль, которая не притупляется. Пустоту, которая не заполняется.

— Фотография, — тихо сказал он. — У меня есть одна фотография. Лена с девочками на речке. Последняя, что сделал перед... — Он не закончил. — Ношу всегда с собой. Знаю, что это нездоровая привязанность, что психологи не одобрили бы. Но не могу избавиться.

— А у меня остались только воспоминания, — одинокая слеза медленно скатилась по её щеке, но она даже не попыталась её стереть. — И сны. Я каждый день, каждую ночь, напоминаю себе — они были. Пусть в другой реальности, но были. — Её голос дрогнул на последних словах, наполненный тихой, выстраданной надеждой, словно эта мысль была единственным якорем, удерживающим её в настоящем.

Алексей протянул руку, накрыл её ладонь своей:

— Они были. И то, что мы помним их — это доказательство, что их жизнь имела значение. Пусть только для нас.

Ярослава не отдёрнула руку. Сжала его пальцы в ответ:

— Иногда думаю — может, я схожу с ума? Оплакиваю людей, которых никто, кроме меня, не помнит. Которые не существуют ни в одной базе данных, ни в одном документе.

— Тогда мы сходим с ума вместе, — Алексей попытался улыбнуться. — Компания безумцев, оплакивающих призраков.

Она всхлипнула — то ли смех, то ли всхлип:

— Знаешь, что самое страшное? — Её голос стал шёпотом. — Не боль. Не пустота. А страх, что однажды я проснусь и не вспомню их лица. Что память сотрётся, как стирается фотография от времени. И тогда они исчезнут окончательно. Даже из моей головы.

— Не исчезнут, — твёрдо сказал Алексей, сжимая её руку крепче. — Пока мы помним — они живы. В нас. — Он помолчал. — И знаешь что помогает мне? Когда совсем невыносимо становится?

— Что?

— Говорить с кем-то, кто понимает. Кто прошёл через то же. Кому не нужно объяснять, врать, что всё хорошо. — Он посмотрел ей в глаза. — Спасибо, что ты есть, Яра. Что можешь выслушать, не осуждая.

— Спасибо тебе, — прошептала она. — За то же самое.

Они сидели так ещё несколько минут — в пустой столовой, держась за руки поверх стола, двое израненных людей, нашедших в боли друг друга то, что не могли найти нигде больше.

Это было начало чего-то — хрупкого, тёплого, дающего надежду, что однажды пустота внутри может стать чуть меньше.

Следующие пять дней слились в один бесконечный кошмар подготовки, где день перетекал в ночь, а ночь в день, и только изматывающие тренировки отмечали течение времени.

Первый день начался в капсуле полного погружения, реальность вокруг Алексея растворилась, заменившись на другую — тёмную, грязную, пропахшую дымом и человеческим потом.

Реалистичность была потрясающей. Он чувствовал — запах дыма от очага, который въедался в лёгкие, заставляя кашлять; шершавость грубой льняной рубахи на коже; холод земляного пола под босыми ногами; вкус грубого ржаного хлеба, кислого и тяжёлого, забивающего желудок.

Вокруг него жили виртуальные люди — настолько реальные, что он забывал, что это симуляция. Женщина у очага, помешивающая пшенную кашу в чугунном котле. Старик в углу, чинящий рыболовную сеть изрезанными пальцами. Дети, копошащиеся в углу, играющие в какую-то игру деревянными фигурками.

— Лечец! — окликнула его женщина, и он вздрогнул от неожиданности, забыв на мгновение, что теперь это его имя. — Сходи, напои скотину. Ведро тяжёлое, одной не поднять.

Он послушно поднялся, взял ведро — массивное, деревянное, с потемневшими от времени дубовыми клёпками и потёртой железной ручкой — и пошёл к двери. Споткнулся о порог — слишком высокий, не привык к особенностям этого старого дома, — чуть не пролив драгоценную воду. Женщина засмеялась, но не зло, а добродушно, глаза её засветились тёплыми искорками, как смеются над неловкостью родного человека, когда досада тонет в привязанности.

Восемь часов он провёл в этой симуляции, впитывая реалии девятого века всеми органами чувств. Носил воду из колодца — спина ныла от непривычной нагрузки. Помогал чинить крышу — деревянную дранку крепили деревянными же гвоздями, и каждый удар молотка отдавался в натруженных мышцах.

К концу сессии он вышел из капсулы мокрым от пота, с красными от виртуального дыма глазами, с мозолями на ладонях, которые были совершенно реальными — технология полного погружения воздействовала и на тело тоже.

— Как ощущения? — спросил техник, помогая ему выбраться.

— Как будто провёл день в средневековье, — выдохнул Алексей, хватая бутылку воды и жадно отпивая. — Чертовски реалистично.

— Это только начало, — улыбнулся техник. — Вечерняя сессия будет жёстче. Там вы попадёте на торг в Ладоге. Толпа, шум, десятки людей, все говорят на разных языках. Настоящая проверка вашей способности адаптироваться.

Он не соврал. Вечерняя сессия была изматывающей — Алексей барахтался в водовороте средневекового рынка, где славянская речь смешивалась со скандинавской, финской, тюркской, где торговцы зазывали покупателей, демонстрируя товары, где воровали ловко и профессионально, и нужно было постоянно следить за своими вещами.

Он практиковался в торговле, пытаясь купить нож — и учился, как торгуются в том времени, как проверяют качество металла, как взвешивают серебро, как ругаются, когда тебя обсчитывают. К концу сессии голова гудела от обилия информации, а язык устал от непривычного произношения древнеславянских слов с их твёрдым оканьем и шипящими согласными.

Ночью, когда он наконец добрался до выделенной ему комнаты в жилом блоке базы, сил хватило только на то, чтобы рухнуть на кровать не раздеваясь. Сон пришёл мгновенно, тяжёлый, как камень.

И с ним пришёл кошмар.

Алексей рывком сел на постели, судорожно дыша. Сердце с силой колотилось о рёбра. Лицо обдало холодом от испарины — сон уже растаял, оставив после себя лишь звенящую, оглушающую пустоту. Память неохотно вернула его в реальность: база Хранителей, ночь, второй день подготовки из пяти отпущенных.

В темноте комнаты он нащупал куртку, брошенную на стул. Пальцы привычно скользнули во внутренний карман, коснувшись потёртого края спрятанной фотографии.

Тихий стук в дверь заставил его замереть.

— Лёша? — голос Ярославы, приглушённый, обеспокоенный. — Ты в порядке?

Алексей быстро задвинул фотографию поглубже в карман и потёр лицо ладонями.

— Да. Всё нормально. Просто кошмар.

Пауза. Потом:

— Можно войти?

Он хотел сказать «нет». Хотел остаться один, спрятаться в своей скорлупе. Но услышал собственное хриплое:

— Заходи.

Дверь открылась, впуская полоску света из коридора. Ярослава вошла бесшумно, в простых фланелевых штанах и накинутой поверх футболки кофте. По её бледным щекам и теням

под глазами было видно, что ночь для неё тоже не задалась. Она прикрыла за собой дверь и подошла ближе.

— Я тоже не могу уснуть, — сказала она просто, и не нужно было уточнять, из-за чего.

Она опустилась на край его кровати, подтянув колени к подбородку. Не пыталась заглянуть ему в глаза, не произносила пустых слов утешения, которые так любят говорить психологи. Они просто сидели бок о бок в полумраке, глядя, как тени от еловых веток за окном медленно качаются на стене. Два человека, застрявших между стёртым прошлым и пугающим будущим. И это совместное молчание лечило лучше любых разговоров.

Спустя долгое время она тихо поднялась и направилась к выходу. На пороге обернулась:

— Если станет совсем невыносимо — бей в стену. Я в соседней комнате. Не оставлю одного, обещаю.

— Спасибо, Яра.

— Не за что. — Уголки её губ дрогнули в слабой ободряющей улыбке. — Постарайся выспаться. Завтра будет тяжелее. Воронцов обещал «настоящие» тренировки, а он не знает слова «жалость».

Дверь закрылась, оставив его в темноте. Но теперь эта темнота не была такой стылой. Осознание того, что за стеной дышит человек, который понимает его без слов, делало боль чуть более выносимой. Алексей лёг обратно, закинув руки за голову. Дыхание постепенно выровнялось. Он закрыл глаза и провалился в глухой, целительный сон без сновидений — последнее прибежище перед тем, что ждало его на рассвете.

Утро наступило слишком быстро, принеся с собой второй день испытаний — день, который в расписании был сухо обозначен как «Нейролингвистическое программирование».

Пробуждение принесло с собой осознание неизбежного. То, что предстояло пережить, казалось отдалённым и абстрактным вчера, сегодня стало мучительной реальностью. Боль оказалась совершенно иной природы, чем он ожидал.

Алексей лежал в кресле с десятком электродов, прикреплённых к голове, и чужой язык вливался в его мозг, как кипящее масло. Не метафорически — именно так это ощущалось. Древнеславянский диалект северных племён, с его твёрдым оканьем, шипящими согласными и гортанными звуками, которых не существовало в современном русском, насильно прокладывал себе путь через нейронные связи.— Повторяйте за мной, — голос Татьяны Семёновны Рыжовой доносился сквозь головную боль, пульсирующую в височных долях. — «Вѣдаю путь къ морю. Три дни по водѣ, коли вѣтръ попутьнъ».

— Вѣ... вѣдаю... — Алексей давился звуками, язык отказывался принимать правильное положение, гортань сопротивлялась непривычным вибрациям. — Путь... къ морю...

Раскалывающая боль прошила мозг, словно кто-то вбил гвоздь в центр лба. Он застонал, сжав подлокотники кресла.

— Терпите, — спокойно сказала Рыжова, корректируя что-то на панели управления. — Нейронные пути перестраиваются. Это больно, но необходимо. Ещё пятнадцать минут — и мозг начнёт принимать новые паттерны естественно.

Пятнадцать минут ада. Алексей повторял фразы, и каждая давалась с болью, с усилием, с ощущением, что мозг сейчас просто взорвётся от перегрузки. Древнеславянские слова смешивались с современными русскими, создавая кашу в голове. Он путал падежи, ломал произношение, терял смысл фраз.

А потом, внезапно, как будто щёлкнул выключатель — язык «лёг».

Он повторил очередную фразу, и она прозвучала правильно, естественно, будто он говорил так всю жизнь. Мозг принял новые слова, встроил их в существующую языковую систему, и теперь древнеславянский был не чужим, навязанным извне, а частью него самого.

— Вижу, пошло, — удовлетворённо кивнула Рыжова, проверяя показания нейросканера. — Отлично. Ваш мозг быстро адаптируется — редкое качество. Обычно требуется три-четыре сессии. У вас получилось за одну.

— Моя голова готова взорваться, — простонал Алексей, — а вы говорите «отлично».

— Головная боль пройдёт через час, — заверила она. — Примите это. — Протянула таблетку и стакан воды. — Анальгетик нового поколения плюс нейростимулятор. Неприятные ощущения уйдут, и одновременно закрепятся новые нейронные связи.

Он принял таблетку, и действительно, через несколько минут головная боль начала отступать, оставляя приятное ощущение ясности.

— Теперь древнескандинавский, — объявила Рыжова. — Готовы к следующему раунду?

«Нет», — подумал Алексей, но кивнул.

И всё началось заново. Новый язык, новая боль, новая ломка сознания под напором чужих слов и грамматических структур. К концу дня он мог изъясняться на двух мёртвых языках достаточно бегло, но цена была высокой — голова гудела, несмотря на анальгетики, а в ушах звенело от перегрузки.

— Завтра финальная языковая сессия, — сказала Рыжова на прощание. — Отработка акцентов и диалектных особенностей. Вы должны уметь выдавать себя за южанина, говорящего на северном диалекте с характерным акцентом. Плюс базовый финский для общения с чудью и весью.

— Ещё один язык? — простонал Алексей.

— Базовый, — успокоила она. — Несколько фраз для торговли и приветствий. Не бойтесь, это легко по сравнению с тем, что вы уже прошли.

От боли уже не помогали даже таблетки из будущего — голова превратилась в корабельную рынду, в которую методично, с каждым ударом сердца, отбивали склянки.

Казалось, что хуже уже некуда, но третий день внес коррективы и в это: Игорь Павлович Воронцов не знал жалости. Вообще. Похоже, это слово отсутствовало в его словаре.

— Ты двигаешься как беременная корова! — рявкнул он, нанося удар деревянным мечом по незащищённым рёбрам Алексея.

Тот охнул от боли — даже тренировочное оружие било чертовски больно, когда им работал профессионал. Попытался отступить, поднять щит, но инструктор был быстрее. Следующий удар пришёлся по ногам, подсёк, и Алексей рухнул на маты, жёстко приземлившись на спину.

— В девятом веке тебя убьют за три секунды! — Воронцов стоял над ним, не давая подняться, тыкая деревянным мечом в грудь. — Нож в горло, и готово. Даже возиться не станут. — Он убрал меч, протянул руку. — Вставай. Снова. Ниже центр тяжести. Шире стойка. И забудь про фехтование из кино. В девятом веке бьют просто, грубо, на убой. Никаких выпендрёжных движений. Цель — убить противника как можно быстрее, пока он не убил тебя.

Алексей поднялся, еле дыша. Всё тело ныло — а ведь это только первый час тренировки. Впереди ещё четыре.

— Чувствуй оружие как продолжение руки, — Воронцов обошёл вокруг него, поправляя стойку грубыми, жёсткими движениями. — Не как палку. Как часть тебя. Меч — это продолжение твоей воли убивать. Щит — продолжение воли выжить. Пока не почувствуешь это на уровне инстинкта — будешь мёртв.

Он отступил на несколько шагов:

— Снова. Атакуй меня. Представь, что я убил твою семью. Представь всю ярость, всю боль. И вложи её в удар.

Что-то внутри Алексея щёлкнуло. Ярость, которую он сдерживал, вырвалась наружу бушующей волной. Он бросился на инструктора с рычанием, нанося удар за ударом, не думая о технике, не рассчитывая, просто выплёскивая всю накопленную боль и гнев.

Воронцов отбивал удары, отступая, и на его суровом лице появилось выражение одобрения:

— Вот! Вот так! Чувствуешь? Это настоящий бой! Не танец, не спорт — желание убить или быть убитым!

Алексей не слышал его. Он видел только цель перед собой, чувствовал только деревянный меч в руках, тяжёлый, грубый, продолжение его ярости. Бил, бил, бил, пока не кончились силы, пока не рухнул на колени, задыхаясь.

— Хорошо, — Воронцов присел рядом, положил тяжёлую руку на плечо. — Очень хорошо. Ты нашёл источник силы. Боль можно превратить в оружие, если научишься контролировать её, направлять. — Он помог подняться. — Теперь научимся делать то же самое, но с техникой. Ярость — хорошо. Но контролируемая ярость — смертельна.

Следующие часы Алексей провёл, изучая боевые приёмы девятого века — грубые, прямолинейные, эффективные. Учился фехтовать тяжёлым мечом, который больше напоминал железную дубину, чем изящное оружие из фильмов. Драться щитом — не только защищаться, но и атаковать, бить ободом в лицо, давить весом.

Учился убивать ножом — быстро, беззвучно, точно. Перерезать горло, вонзать клинок между рёбер, находить артерии одним касанием. Воронцов был методичен и беспощаден, заставляя повторять каждое движение десятки раз, пока оно не становилось автоматическим.

— В бою некогда думать, — объяснял он, корректируя хват ножа. — Мозг слишком медленный. Должны работать мышцы, рефлексы, инстинкт. Увидел угрозу — среагировал. Без раздумий. Иначе мёртв.

К концу дня Алексей едва держался на ногах. Всё тело было покрыто синяками и ссадинами от учебных ударов. Руки тряслись от усталости. Ладони кровоточили — появились свежие мозоли от непривычного веса меча и грубого дерева рукояти.

— Неплохо для первого дня, — оценил Воронцов, когда Алексей наконец рухнул на скамью в раздевалке. — Завтра начнём работать с копьём и топором. Послезавтра — рукопашный бой без оружия. К концу недели ты будешь готов выжить в девятом веке. Может быть.

— Обнадёживает, — простонал Алексей, вытирая пот.

— Не должно, — серьёзно ответил инструктор. — Там, куда ты идёшь, выживают не самые сильные. Выживают самые злые, самые отчаянные, самые готовые убивать. — Он посмотрел прямо в глаза. — У тебя есть злость. Видел сегодня. Научись использовать её правильно — проживёшь. Не научишься — умрёшь. Просто.

Алексей кивнул, слишком уставший для слов.

Когда он дотащился до душа и встал под горячие струи, позволяя воде смыть пот, кровь из разбитых мозолей и усталость, он думал о словах Воронцова.

Злость. Да, она была. Огромная, подавленная, загнанная внутрь.

«Может, Воронцов прав, — текла мысль вместе с водой, стекающей по телу. — Может, эта злость — именно то, что поможет выжить. Не любовь, не долг, не вера в правое дело. Просто злость и нежелание умирать, пока не отомстил. Хотя кому мстить? Истории? Времени? Себе самому?»

Он вышел из душа, вытерся жёстким полотенцем и посмотрел на себя в зеркало. Незнакомец смотрел в ответ — смуглый, с синяком под правым глазом, с разбитой губой, с мокрыми чёрными волосами, прилипшими ко лбу. Чужой. Другой.

«Может, оно и к лучшему, — подумал Алексей, отворачиваясь от зеркала. — Стать другим. Оставить Алексея Новикова в двадцать первом веке. А в девятый век отправится Лечец. Человек, которому не нужно помнить».

Четвертый день начался с лекции профессора Плохова. Игорь Владимирович оказался неутомимым. Часами он водил Алексея и Ярославу по виртуальной реконструкции Ладоги девятого века, показывая, комментируя, объясняя каждую мелочь.

— Смотрите, как строят дома, — говорил он, указывая на виртуальных плотников, возводящих сруб. — Брёвна подгоняют топором, без пилы. Пила — редкость, дорогой инструмент. Топор — универсальное орудие: и оружие, и рабочий инструмент, и священный символ Перуна-громовержца. Хороший топор ценится как меч.

Они наблюдали за процессом строительства, и профессор объяснял каждый этап — как выбирают деревья, как обрабатывают брёвна, как конопатят щели мхом, как кроют крышу дранкой или берестой.

— Видите мох между брёвнами? — Он увеличил изображение. — Это не просто утеплитель. Это антисептик. Мох содержит вещества, которые предотвращают гниение дерева. Наши предки знали это на практическом уровне, не понимая химии, но используя эффективно.

Потом он показывал, как работает кузнец — раздувает мехами горн, где плавится болотная руда, превращаясь в железо. Как куёт ножи, топоры, наконечники копий. Как закаливает сталь, опуская раскалённый клинок в воду или масло.

— Хороший меч в девятом веке — это состояние, — объяснял профессор. — Его передают из поколения в поколение. Дают имена. Мечи — не просто оружие. Это часть души воина, его честь, его наследие.

Он показал виртуальный меч крупным планом — длинный клинок с широким долом посередине, массивная рукоять, украшенная серебряной инкрустацией:

— Вот типичный каролингский меч, самый распространённый в Европе девятого века. Франкского производства, но скандинавы охотно покупают и перепродают. Видите дол? — Палец профессора прочертил линию вдоль клинка. — Его называют «кровостоком», но это заблуждение. Дол облегчает клинок, делает его жёстче, уменьшает вибрацию при ударе. Чистая механика, никакой мистики.

Алексей слушал, впитывал, запоминал. Не только факты — он пытался почувствовать дух эпохи, её ритм, её логику. Понять, как думали люди того времени, что ценили, чего боялись, во что верили.

— Религия, — Плохов переключился на новую тему, вызывая изображение языческого капища. — Ключевой элемент культуры. Славяне — язычники, политеисты. Пантеон богов огромен, но главные: Перун-громовержец, податель дождя и победы; Велес, скотий бог, покровитель торговли и богатства; Мокошь, женское божество, прядущее нити судьбы.

На экране появилась деревянная статуя Перуна — грозная, с занесённой палицей и серебряной бородой:

— Перун — верховное божество воинов. Ему приносят жертвы перед битвой. Ему клянутся, заключая договоры. Его именем карают клятвопреступников. — Профессор посмотрел на Алексея серьёзно. — Вы должны уважать местных богов. Не верить — уважать. Насмешка над верой может стоить жизни. Эти люди убьют за богохульство без раздумий.

Он показал ритуал жертвоприношения — связанный бык, которого ведут к идолу, волхв в белых одеждах, произносящий заклинания, удар ножа, кровь, стекающая по деревянному истукану.

— Жертвы приносят регулярно, — пояснял Игорь Владимирович. — По большим праздникам — быков, коней, даже пленников, захваченных в набегах. В обычные дни — кур, зерно, мёд. Боги должны быть довольны, иначе не будет урожая, удачи в торговле, победы в бою. — Он сделал паузу. — Для нас, людей из секулярного мира, это кажется суеверием. Для них — это абсолютная реальность. Божий гнев — такая же реальная угроза, как меч врага или голод в неурожайный год.

Алексей кивал, делая мысленные заметки. Не смеяться над богами. Уважать волхвов. Участвовать в обрядах, если потребуется. Притвориться верующим достаточно убедительно, чтобы не вызвать подозрений.

— Социальная структура, — профессор снова сменил тему, показывая схему иерархии славянского общества. — Никакой централизованной власти. Есть род — большая семья, связанная кровным родством. Есть племя — союз родов, объединённых общим происхождением, языком, обычаями. Есть племенной союз — объединение нескольких племён для защиты или торговли.

На вершине схемы светились фигурки:

— Власть принадлежит старейшинам — главам родов, обычно самым старым и опытным мужчинам. Они собирают вече — народное собрание — для решения важных вопросов: война, мир, торговые договоры, выбор вождей. — Преподаватель увеличил изображение вече. — Каждый свободный мужчина, способный носить оружие, имеет право голоса. Это не демократия в современном смысле — голоса не считают. Решение принимается криком: чья сторона кричит громче, та и победила.

— Право сильного, — заметил Алексей.

— Право большинства и силы одновременно, — поправил профессор. — Но важно понимать: вече — это не формальность. Старейшины не могут игнорировать его решения. Князь, который идёт против вече — рискует быть изгнанным или убитым. — Он посмотрел значительно. — Именно это и произойдёт с Рюриком через несколько лет. Вадим Храбрый поднимет восстание, апеллируя к вечевым традициям, к праву народа решать свою судьбу.

Следующие часы ушли на изучение серебряных монет той эпохи — арабских дирхемов, византийских милиарисиев, редких западноевропейских денариев. Алексей учился определять их вес на глаз, проверять подлинность на зуб, разбираться в относительной стоимости.

— Серебро — универсальная валюта, — объяснял профессор. — Но чеканенная монета — редкость. Чаще используют просто кусочки серебра, рубленые монеты, серебряный лом. Отсюда, кстати, слово «рубль» — от «рубить». Взвешивают на весах при каждой сделке. Жульничество процветает — подмешивают медь, свинец, делают фальшивки.

К концу дня голова Алексея была набита информацией до отказа. Имена богов и духов, названия племён и родов, стоимость товаров и услуг, иерархия общества, обычаи гостеприимства и кровной мести, способы приготовления пищи и методы лечения болезней.

— Устал? — спросила Ярослава, когда они выходили из виртуального зала.

— Мозг кипит, — признался он. — Слишком много информации за слишком короткое время.

— Ещё день, — подбодрила она. — Последний. Завтра — финальная проверка, упаковка снаряжения, и послезавтра — прыжок.

Они медленно шли по коридору к жилому блоку. За окнами сгущались вечерние сумерки, лес тонул в фиолетовых тенях. Где-то вдали плакала сова.

— Яра, — вдруг сказал Алексей, останавливаясь. — Ты думала остаться? В прошлом, куда отправляемся?

Она тоже остановилась, повернулась к нему:

— Думала, — честно ответила после паузы. — В каждой миссии думаю. Особенно когда возвращаешься и понимаешь, что здесь пусто, а там — ты был кому-то нужен, кому-то важен. — Голос стал тише. — В Константинополе у меня был... человек. Торговец шёлком, вдовец. Хороший, добрый. Звал замуж. Я почти согласилась.

— Почему не осталась?

— Потому что это было бы предательством, — она посмотрела в окно, на темнеющий лес. — Моих близких. Миши и Сашки. Они исчезли, но память о них — всё, что у меня есть. Если я останусь в прошлом, создам новую семью, новую жизнь... — Голос сломался. — Это будет значить, что я забыла. Предала. Заменила их другими. А я не могу. Не имею права.

Алексей понимал. Слишком хорошо понимал.

— И ещё, — добавила она, — если мы не вернёмся, кто остановит «Новый путь»? Мы нужны здесь. Не для личного счастья — его у нас всё равно нет. Но для работы, которая имеет значение.

Она повернулась к нему, и в глазах блеснули непролитые слёзы:

— Мы как раненые солдаты, Лёша. Которые не могут сойти с поля боя, потому что некому их сменить. Которые продолжают воевать с оторванными руками, с разбитыми сердцами, просто потому что должны. — Голос стал шёпотом. — И единственное, что держит — это знать, что ты не один. Что есть ещё кто-то, кто понимает эту боль без слов.

Алексей обнял её — по-братски, крепко, благодарно. Она обняла в ответ, и они стояли так в пустом коридоре, двое израненных Хранителей, держащихся друг за друга, чтобы не упасть в ту пропасть, которая зияла внутри каждого.

— Спасибо, — прошептал он. — Что ты есть.

— Не за что, — ответила она. — Мы же команда. Напарники. Спасаем друг друга, когда становится совсем невыносимо.

Они отстранились, и оба постарались улыбнуться — получилось криво, но искренне.

— Пойдём спать, — сказала Ярослава, вытирая глаза. — Завтра последний день подготовки. Нужно быть в форме.

— Иди, — кивнул он. — Я ещё пройдусь. Проветрюсь.

Она хотела возразить, но, видя его лицо, просто кивнула:

— Только не перегружайся. И если что — я рядом. Правда.

— Знаю.

Она ушла, оставив его в коридоре. Алексей постоял ещё немного, глядя в окно, за которым сгущалась ночь, потом развернулся и пошёл не к себе в комнату, а на выход. Ему правда нужно было подышать свежим воздухом, очистить голову от информационной перегрузки.

Охрана на выходе — молодой парень в форме частной военной компании — кивнул ему, проверив по базе данных:

— Хранитель Новиков? Выход разрешён, но не удаляйтесь от периметра более чем на двести метров. И возвращайтесь до полуночи — после запирают на автомат, понадобится специальное разрешение.

— Понял, — Алексей кивнул и вышел в ночь.

Воздух пах хвоей, влажной землёй и чем-то ещё — дикостью, что ли. Лес вокруг базы жил своей ночной жизнью: где-то жаловалась сова, в кустах шуршало что-то мелкое — мышь или ёж, далеко-далеко протяжно выл волк — одинокий, тоскливый звук, от которого мурашки бежали по коже.

Алексей медленно пошёл по узкой тропинке, ведущей вглубь леса, туда, где кончалась территория базы и начинался обычный, дикий, настоящий русский лес, который выглядел так же, как сотни лет назад. Те же сосны и ели, те же мхи и лишайники, те же звуки и запахи.

Он дошёл до небольшой поляны, где лунный свет пробивался сквозь кроны, создавая серебристые пятна на траве. Сел на поваленное дерево, густо обросшее мхом — мягкая, влажная подушка пружинила под весом.

«Скоро прыжок в прошлое, справлюсь ли я с заданием?» — размышлял он, вдыхая ночные ароматы леса.

Сова ухнула где-то совсем близко, и он вздрогнул, поднялся с бревна, отряхнул джинсы ото мха и пошёл обратно к базе. Шёл медленно, вслушиваясь в ночные звуки леса, пытаясь успокоить разум перед последними днями подготовки.

У самого края освещённого периметра базы он остановился, услышав шаги. Напрягся, инстинктивно приняв стойку, которой учил Воронцов — центр тяжести ниже, вес на носках, готовность сорваться в любую сторону.

Из тени вышла фигура, и лунный свет выхватил лицо. Мужчина средних лет, высокий, с сединой в аккуратно подстриженных волосах, в штатской одежде, но с выправкой военного. Алексей узнал его мгновенно — Амир, его друг и куратор в прошлой миссии, человек, который вёл его через Константинополь и Киев.

— Алексей, — кивнул Амир в приветствии. — Не спится?

— Не особо, — ответил он, расслабляясь. — А ты здесь что делаешь? Думал, ты где-то там, — Алексей махнул рукой в сторону базы, — на задании.

— Я хотел убедиться, что ты в порядке, — Амир подошёл ближе, и Алексей увидел усталость в его глазах, новые морщины вокруг рта.

— Все спрашивают, в порядке ли я, — усмехнулся Алексей. — Популярный вопрос.

— Потому что все волнуются, — просто ответил Амир. — Ты прошёл через ад в Киеве. Заплатил цену, которую никто не должен платить. И сразу после этого согласился на новую, возможно, ещё более опасную миссию. — Он посмотрел прямо в глаза. — Это не героизм, Алексей. Это саморазрушение. Ты бежишь от боли в работу, надеясь, что она заглушит. Но так не работает.

— Работает, — возразил Алексей. — Когда я в миссии, занят, — некогда думать о них. Это помогает.

— На время, — кивнул Амир. — А потом возвращаешься, и всё по новой. Боль никуда не девается, просто ждет. — Он сделал шаг ближе. — Я видел таких, как ты. Хранителей, которые прячутся в работе, берут миссию за миссией, не давая себе передышки. Знаешь, чем это заканчивается?

— Чем? — спросил Алексей, хотя догадывался.

— Они ломаются, — тихо сказал Амир. — Совершают ошибку в критический момент, потому что внутри пусто, выгорело всё. Или остаются в прошлом навсегда, не в силах вернуться в реальность, где ничего не осталось… Или кончают с собой. Большая часть, потерявших семью из-за темпоральных изменений, не доживают и пяти лет после потери.

— Утешительно, — Алексей попытался отшутиться. — Значит, у меня ещё есть время впереди.

— Не шути, — жёстко оборвал Амир. — Я серьёзно. Ты мне небезразличен, Алексей. Я не хочу потерять тебя. — Он положил руку Алексею на плечо. — После возвращения из этой миссии — обязательный курс психотерапии. Настоящий, глубокий, не формальная галочка. И отпуск. Длительный. Минимум полгода без новых заданий. Обещай.

Алексей хотел возразить, сказать, что не нуждается в терапии, что справится сам. Но, глядя в обеспокоенные глаза Амира, понял, что тот не отстанет.

— Обещаю, — сказал он. — После миссии — терапия и отпуск. Слово Хранителя.

— Хорошо, — Амир убрал руку, но не отводил взгляда. — И ещё. В этой миссии будь особенно осторожен. Архитектор не просто опасен — он гениален. Он на порядок опытнее твоего прошлого противника — Вельта. Он будет на три хода впереди тебя, просчитает твои действия, использует твои слабости… А твоя главная слабость сейчас — отчаяние. Человек, которому нечего терять, идёт на неоправданный риск. Не делай этого. Помни: даже если тебе кажется, что твоя жизнь больше ничего не стоит — она важна для тех, кто работает с тобой. Для меня, Ярославы. Для всего Корпуса.

— Я постараюсь вернуться живым, — пообещал Алексей, улыбнувшись.

Но про себя подумал: «Если Вельт сумел убедить меня посеять семена изменений в Киевской Руси ради коррекции временной линии — и в итоге я лишился семьи, то чего тогда ожидать от Архитектора?»

— Этого достаточно, — кивнул Амир. — Пока достаточно. — Он развернулся, собираясь уходить, но обернулся на полпути: — И, Алексей... ты справишься. С миссией и с болью.

Просто дай себе время. Не торопи заживление. Некоторые раны затягиваются годами. Но они затягиваются. Не полностью, остаётся шрам. Но боль становится терпимой.

— Надеюсь, — тихо ответил Алексей.

Амир ушёл, растворившись в ночи. Алексей постоял ещё немного, потом вернулся в базу, в свою комнату, в постель, которая была слишком узкой и слишком жёсткой.

Но в эту ночь кошмары не пришли. Он спал без сновидений, и проснулся с ощущением, что хотя бы немного отдохнул.

Маленькая победа. Но победа.

Последний день был самым тяжёлым физически. Воронцов гонял их с Ярославой до изнеможения — отработка боевых приёмов, фехтование, рукопашный бой, действия в ограниченном пространстве, в темноте, против нескольких противников одновременно.

Алексей дрался, пока не кончились силы. Пока мышцы не превратились в желе. Пока руки не отказывались держать оружие. И даже тогда Воронцов не давал пощады:

— Ещё! В реальном бою враг не даст тебе отдышаться! Будешь уставшим — будешь мертвым! Двигайся!

К концу дня он еле дошёл до раздевалки и рухнул на скамью, не в силах даже раздеться. Всё тело было одной сплошной болью. Синяки наслаивались на синяки. Мозоли на ладонях кровоточили, несмотря на бинты. Мышцы горели так, что хотелось выть.

— Как ты? — Ярослава опустилась рядом на скамью, не менее измученная. На её лице расцветал синяк, Воронцов не делал скидок на пол.

— Живой, — выдохнул он. — Пока.

— Завтра прыжок, — сказала она, массируя ушибленное плечо. — Готов?

Алексей задумался. Готов ли он? Физически — да, настолько, насколько можно подготовиться за пять дней. Ментально — знания загружены, языки впечатаны в мозг, культура изучена. Но эмоционально?

— Не знаю, — честно ответил он. — Но неважно. Готов или нет — иду. Выбора нет.

— Выбор всегда есть, — возразила Ярослава. — Можешь отказаться. Скажешь, что не готов психологически, тебя отстранят, пошлют кого-то другого.

— И этот кто-то, возможно, провалит миссию, — покачал головой Алексей. — Ольга права. Я лучше всего подхожу для этой работы. Потому что мне терять нечего. Потому что могу рискнуть всем, не боясь оставить сирот. — Усмешка. — Удобно быть мёртвым внутри. Появляется свобода действий.

— Ты не мёртвый, — тихо сказала она. — Раненый. Это разница.

— Большая?

— Огромная, — твёрдо ответила она. — Мёртвый не чувствует боли. А ты чувствуешь. Очень сильно. Это значит, что ты всё ещё жив. Всё ещё способен любить, пусть и тех, кого нет. — Она встала, протянула руку. — Пошли. Душ, ужин, сон. Завтра в восемь утра — финальный брифинг. А послезавтра в это же время мы будем в девятом веке, Лёша. Среди варягов и славян, в эпохе, когда рождалась Русь.

Он взял её руку, и она помогла подняться. Вместе, поддерживая друг друга, они побрели к душевым. Два израненных воина, готовящиеся к битве, которая произойдёт через тысячу лет в прошлом.

Вечером, уже в своей комнате, Алексей раскладывал снаряжение для финальной проверки. Всё было разложено на кровати — каждая вещь на своём месте, каждая выверена и аутентифицирована специалистами.

Льняная рубаха до колен, грубая, небелёная, с вышитыми оберегами по вороту и рукавам — солярные символы и стилизованные изображения Велеса. Холщовые штаны, перехваченные обмотками из кожаных ремней. Кожаные сапоги, сшитые точно по технологиям IX века, уже

разношенные и искусственно состаренные. Шерстяной плащ, тёмно-зелёный, с капюшоном, застёгивающийся на плече бронзовой фибулой с характерным для эпохи орнаментом.

Кожаный пояс с бронзовой пряжкой, к которому крепились нож в деревянных ножнах, обтянутых кожей, и кожаный мешочек с монетами — несколько арабских дирхемов, византийский милиарисий, пара кусочков рубленого серебра. Достаточно денег для странника, но не настолько много, чтобы привлекать грабителей.

Посох из крепкого дуба, на вид обычная палка странника, но внутри скрывался смертоносный клинок из специального сплава, который мог разрезать даже кольчугу. Активировался скрытым механизмом — нужно было повернуть набалдашник определённым образом и нажать.

И, наконец, сумка лекаря — большая, кожаная, с множеством отделений. Внутри — инструменты, тщательно воссозданные по археологическим находкам: бронзовые иглы для зашивания ран, ножи для хирургии, щипцы, скальпели. Мешочки с травами — зверобой, тысячелистник, подорожник, мята, валериана, десятки других, каждый подписан значками, понятными только ему. Глиняные сосуды с мазями. Бинты из льняной ткани. Нитки из овечьих кишок для швов.

Алексей методично проверял каждый предмет, сверяясь со списком. Всё на месте. Всё идеально. Команда подготовки поработала на славу — даже самый придирчивый археолог не нашёл бы анахронизмов.

В открытое окно лился ночной воздух, прохладный, пахнущий лесом. Где-то очень далеко протяжно завыл волк — одинокий зов в ночи, эхо его собственной тоски.

Алексей лёг на кровать поверх одеяла, не раздеваясь, сложив руки на груди. Лежал с открытыми глазами, глядя в потолок, где тени создавали движущиеся картины.

Он закрыл глаза и попытался заснуть. Сон пришёл под утро — короткий, беспокойный, полный обрывков кошмаров и призрачных видений.

А в восемь утра зазвонил будильник, вытаскивая его из забытья в реальность последнего дня перед прыжком.

Финальный брифинг был коротким и чётким. Ольга, команда подготовки, Ярослава. Голографическая карта девятого века, плывущая в воздухе над проектором. Последние инструкции, предостережения, пожелания удачи.

Алексей слушал вполуха, машинально кивая. Информация уже намертво засела в мозгу после пяти дней интенсивного программирования. Он мог процитировать летописи наизусть, говорить на древнерусском во сне, различать пятьдесят типов мечей по форме клинка и навершию, знал имена богов и духов, мог определить статус любого человека по одежде, украшениям и причёске.

— Алексей! Не спать! — Резкий голос Ольги вернул его в реальность. — Ты слышишь? Это критически важно!

— Да, — соврал он автоматически. — Конечно. Следить за эмоциями, не только за прямыми действиями агентов. Выявлять цепочки событий, ведущие к изменению истории.

Она прищурилась, явно не веря, но продолжила:

— Повторяю для ясности: у вас с Ярославой будет небольшой отрезок времени на адаптацию и выявление агентов до прибытия Рюрика. Это критическая фаза. Вы должны обеспечить его безопасность и успешное принятие власти. — Её глаза сузились, и голос стал жёстче стали. — Любой ценой. Я подчёркиваю: любой ценой. Если Рюрик погибнет или будет изгнан в первые месяцы правления — каскад изменений сотрёт Россию из истории. Миллионы людей никогда не родятся. Целая цивилизация исчезнет. Вы понимаете масштаб ответственности?

— Понимаем, — ответила за обоих Ярослава. — Мы не подведём.

— Архитектор будет действовать через местных, — продолжила Ольга. — Кто-то из старейшин, кто-то из воевод, возможно, даже жрецы-волхвы — они могут быть под его влиянием,

сами не подозревая об этом. Он мастер манипуляций. Вплетается в естественные конфликты, усиливает их, направляет в нужное русло. — Она обвела взглядом собравшихся. — Никому нельзя доверять полностью. Даже тем, кто кажется союзником. Проверяйте каждое слово, каждое действие. Ищите несоответствия, анахронизмы, знания, которых не должно быть у человека девятого века.

— Понятно, — кивнул Алексей. — Параноидальная бдительность двадцать четыре на семь.

— Именно, — без тени иронии ответила Ольга. — Это не паранойя, если они действительно хотят тебя убить. — Она взглянула на часы. — Всё. У вас четыре часа до прыжка. Отдыхайте, приведите себя в порядок, проверьте снаряжение последний раз. В 14:00 — сбор в лаборатории темпоральных перемещений. Будьте готовы на сто процентов, физически и ментально.

Она помолчала, и взгляд её смягчился — насколько мог смягчиться взгляд этой железной женщины:

— И... возвращайтесь живыми. Оба. История не даёт второго шанса, но вы нам ещё нужны. Для будущих миссий. И просто... нужны.

Это было максимально близко к проявлению чувств, на которое была способна Ольга Савельева. Алексей и Ярослава кивнули, благодарные за эти слова больше, чем она могла знать.

Следующие четыре часа тянулись мучительно медленно. Алексей попытался отдохнуть, но сон не шёл. Лежал на кровати, считая трещины на потолке, слушая, как за окном шумит лес, чувствуя, как нарастает напряжение перед прыжком.

В половине второго он поднялся, принял душ, облачился в одежду девятого века. Ткань была грубой, непривычно жёсткой после современной одежды. Сапоги натирали — нужно было их разносить, но времени не было. Пояс с непривычной тяжестью ножа и мешочка с монетами давил на талию.

Без пяти два он вышел из комнаты с сумкой через плечо и посохом в руке. В коридоре его ждала Ярослава — тоже уже в костюме эпохи, в длинном льняном платье с вышивкой, с платком на голове, с кожаной торбой, набитой янтарём и стеклянными бусами.

— Ну что, — сказала она с кривой улыбкой. — Готов к путешествию на тысячу лет назад?

— Готов ли кто-нибудь к такому? — ответил он. — Но пойдём. Нас ждут.

Они пошли по коридору к лаборатории темпоральных перемещений, и с каждым шагом Алексей чувствовал, как нарастает странное волнение — смесь страха и предвкушения, тревоги и любопытства. Сердце билось чаще, дыхание учащалось, ладони вспотели.

«Каждый раз, как первый, — думал он. — Страх перед неизвестным не проходит. Интересно, привыкну ли я когда-нибудь к этому?»

Двери лаборатории раздвинулись с тихим шипением, впуская их в огромный зал, где готовилась магия, неотличимая для древнего человека от чуда богов.

И Алексей сделал шаг навстречу прошлому, оставляя настоящее позади.

ГЛАВА 3. ВНЕДРЕНИЕ

Лаборатория темпоральных перемещений располагалась в самом сердце базы «Исток», на глубине пятидесяти метров под землёй. Алексей и Ярослава спускались в лифте, который нырял вниз бесшумно, словно падал в колодец, вырытый в толще скальных пород. Только мигающие цифры на панели — 15, 20, 25, 30 — напоминали, что это не свободное падение, а контролируемый спуск.

Уши заложило от перепада давления. Алексей сглотнул, чувствуя, как барабанные перепонки щёлкают, восстанавливая равновесие. Рядом Ярослава стояла неподвижно, будто вырезанная из гранита, глядя на закрытые двери лифта невидящим взглядом. Только пальцы, судорожно сжимающие ручку торбы, выдавали напряжение.

— В какой раз прыгаешь? — спросил он, просто чтобы нарушить давящую тишину.

— Двенадцатый, — ответила она, не поворачиваясь.

— А я третий, — Алексей попытался улыбнуться. — Значит, ты опытнее. Может, мне стоило передать тебе руководство миссией?

— Опыт не делает это легче, — возразила она спокойным тоном. — Каждый раз страшно. Просто по-разному. В первый раз боишься, что не вернёшься. Потом — что вернёшься не тем, кем ушёл. А после нескольких прыжков начинаешь бояться, что вернёшься, а возвращаться уже не захочется. — Она наконец обернулась, и в глазах её Алексей увидел тоску. — Потому что там, в прошлом, можешь быть кем-то другим. А здесь — только самим собой...

Лифт остановился с едва ощутимым толчком. Цифра на панели светилась холодным синим: -50. Двери разъехались, впуская их в мир, где наука и магия сплелись в неразличимый узел.

Зал был огромным — метров пятьдесят в диаметре, с куполообразным потолком, уходящим вверх, теряющимся в полумраке. Стены — гладкие, металлические, испещрённые светящимися линиями непонятных схем, которые пульсировали в ритме, похожем на сердцебиение. В воздухе стоял запах озона, металла и чего-то ещё — тонкого, почти неуловимого, что заставляло волосы на затылке подниматься дыбом и кожу покрываться мурашками.

В центре зала возвышалась платформа — «Врата Времени», так её называли технические специалисты, хотя официальное название было гораздо более длинным и нечитаемым набором аббревиатур.

Вокруг неё суетились десятки техников в белых комбинезонах, проверяя показания приборов, вводя данные в консоли, выкрикивая команды и отчёты. Над всем этим возвышался главный инженер — доктор Кирилл Соболев, легенда, человек, построивший три четверти всех темпоральных врат на Земле и Марсе.

Он заметил входящих и поднял руку в приветствии:

— А, наши путешественники! — голос его был на удивление молодым для человека, которому, по слухам, было за семьдесят. — Прошу, прошу, не стесняйтесь! Врата почти готовы. Ещё минут двадцать на финальную калибровку — и можете отправляться в своё увлекательное путешествие на тысячелетие назад!

Он говорил с энтузиазмом ребёнка, демонстрирующего новую игрушку, потирая руки и переминаясь с ноги на ногу. Алексей не мог не улыбнуться — этот человек действительно любил свою работу, несмотря на все её опасности и моральные противоречия.

— Доктор Соболев, — кивнул он в приветствии. — Надеюсь, на этот раз обойдётся без сюрпризов?

— О, сюрпризы — неотъемлемая часть темпоральных путешествий! — рассмеялся Соболев, подводя их к платформе. — Время — капризная дама, понимаете ли. Никогда не знаешь

наверняка, как она себя поведёт. Но мы сделали всё возможное, чтобы минимизировать риски. Погрешность прибытия — не более трёх часов по времени и пятидесяти километров по пространству. Для прыжка на тысячу лет — это фантастическая точность!

— Три часа и пятьдесят километров? — переспросил Алексей. — Это считается фантастической точностью?

— Вы не представляете, каково это было двадцать лет назад! — Соболев всплеснул руками. — Погрешность доходила до недели и трёхсот километров! Люди прыгали в средневековую Москву, а прибывали в лес за сотню вёрст и неделей раньше. Приходилось пешком добираться, надеясь, что волки не съедят по дороге. — Он погладил глянцевую поверхность платформы с почти отеческой нежностью. — А эта красотка — шестое поколение врат. Квантовая стабилизация, нейтринное сканирование темпорального потока, компенсаторы парадоксов. Чудо инженерии!

— Она безопасна? — полушутя спросила Ярослава, с сомнением поглядывая на пробегающие по центру платформы электрические разряды.

— Настолько, насколько вообще может быть безопасным путешествие во времени, — честно ответил Соболев, и энтузиазм в голосе сменился серьёзностью. — Летальность последних ста прыжков — ноль процентов. Серьёзные травмы при перемещении — два процента, в основном из-за неудачного места прибытия. Временная дезориентация — стандартные три-пять минут, проходит без последствий. — Он посмотрел им в глаза. — Я не стану врать и говорить, что это абсолютно безопасно. Риски есть. Всегда есть. Но они управляемы. И мы делаем всё, чтобы вернуть вас живыми.

Техник у консоли выкрикнул что-то на специальном жаргоне, и Соболев оживился:

— О! Калибровка завершена раньше срока! Отлично, отлично. — Он повернулся к Алексею и Ярославе. — Проходите на платформу. Встаньте в центр круга, там, где светится маркер. Держитесь за руки — физический контакт помогает синхронизировать квантовые поля ваших тел, снижает вероятность рассинхронизации при прыжке.

Алексей и Ярослава поднялись на платформу, их сапоги глухо стучали по поверхности. В центре, как и сказал Соболев, светился бледно-голубой круглый маркер. Они встали на него, повернувшись лицом друг к другу, и взялись за руки.

Пальцы Ярославы были холодными, несмотря на тёплый воздух лаборатории. Алексей чувствовал, как они слегка дрожат — она боялась, хотя и не показывала виду. Он сжал её ладони крепче, пытаясь передать уверенность, которой сам не чувствовал.

— Всё будет хорошо, — прошептал он. — Мы справлялись и с более сложными миссиями.

— Я знаю, — кивнула она, и губы дрогнули в попытке улыбнуться. — Просто каждый раз думаю: а вдруг это последний? Вдруг что-то пойдёт не так, и я застряну там, в небытие, в переходе между временами, без возможности вернуться?

— Тогда мы застрянем вместе, — попытался пошутить Алексей. — По крайней мере, не будет скучно.

На этот раз она улыбнулась по-настоящему — коротко, но искренне.

Вокруг платформы засуетились техники, подключая последние кабели, проверяя показания приборов. Соболев занял место у главной консоли, надел специальные очки с множеством линз и светофильтров, начал вводить команды.

— Запускаю протокол активации! — объявил он громким голосом, который разнёсся по всему залу. — Всем персоналом покинуть опасную зону! Зелёный уровень допуска и ниже — за защитные барьеры!

Зашипели гидравлические приводы, и из пола по периметру платформы поднялись прозрачные панели — силовые щиты, защищающие персонал от темпорального излучения, кото-

рое вот-вот начнут генерировать Врата. Техники спешно отходили за барьеры, бросая последние проверочные взгляды на мониторы.

— Инициализация темпорального поля! — выкрикнул Соболев, нажимая последовательность кнопок на консоли.

Врата ожили.

Платформа начала испускать низкий гул — не звук в обычном смысле слова, а вибрацию, которую чувствовали не уши, а всё тело, до костей, до зубов, которые начали противно ныть, как во время гриппа.

Алексей почувствовал, что волосы на голове и руках встали дыбом. Статическое электричество? Или что-то более сложное, связанное с тем, как Врата искривляли саму ткань пространства-времени вокруг себя?

— Установление пространственно-временных координат! — голос Соболева звучал напряжённо, глаза были прикованы к экрану, где мелькали цифры и графики. — Целевая точка: 59°59′ северной широты, 32°17′ восточной долготы. Временной маркер: 15 июня 862 года от Рождества Христова, 07:00 по местному солнечному времени!

Гул нарастал, становился почти невыносимым. Алексей чувствовал, как вибрация проникает через подошвы, заставляет резонировать кости, органы, сам мозг в черепной коробке. Хотелось закричать, чтобы заглушить этот ужасный звук, но он знал — это бесполезно.

— Активация квантовых стабилизаторов! — ещё одна команда, ещё один переключатель.

Платформа под ногами стала расплываться, казалось, что путешественники во времени стоят на дискообразном облаке. Алексей смотрел вниз, и не мог отвести взгляд — в центре платформы формировалось что-то, какая-то структура, одновременно там и не там, видимая и невидимая. Как будто пространство складывалось само в себя, создавая дыру в реальности, ведущую в другое место, другое время.

— Начинаю обратный отсчёт! — Соболев перевёл рычаг в финальную позицию. — Тридцать секунд до прыжка! Путешественники, приготовьтесь! На десятой секунде принять капсулу с темпоральным стабилизатором!

Ярослава сжала руки Алексея так крепко, что стало больно. Он сжал в ответ, глядя ей в глаза, видя там тот же страх, что и у себя, но также и решимость. Они вместе. Что бы ни случилось — вместе.

— Двадцать секунд!

Гул стал оглушающим. Вибрация — невыносимой. Алексей чувствовал, как кровь бьётся в висках в такт пульсации Врат, как сердце ускоряется, подстраиваясь под ритм машины, разрывающей время.

— Пятнадцать! Открыть контейнер с капсулой!

Свет внутри кольца стал таким ярким, что больно смотреть. Но Алексей не закрывал глаза. Смотрел в это сияние, в эту дыру в реальности, которая вела на тысячу лет назад, и готовился шагнуть.

— Десять! Принять капсулу!

— Капсула принята! — отрапортовала Ярослава.

— Капсула принята! — повторил он.

— Шесть!

Где-то на краю сознания он слышал голоса техников, выкрикивающих параметры, подтверждающих стабильность поля. Но это казалось далёким, нереальным, словно происходило в другом мире.

— Пять!

Последние секунды растягивались, становились вечностью. Время замедлялось, искажалось, готовясь вывернуться наизнанку.

— Четыре!

Воздух в легких мгновенно заледенел, а пространство вокруг начало терять объём и цвет.

— Три!

Гул Врат стирал остатки мыслей, вымывая из головы и страх, и память. Оставалось только звенящее, оглушительное спокойствие.

— Два!

Свет стал невыносимым. Вибрация — разрывающей. Алексей чувствовал, как тело начинает растворяться, превращаться в поток энергии, готовый метнуться через тысячелетие.

— Один!

— ПРЫЖОК!

Реальность взорвалась.

Алексей почувствовал, как его вырывает из настоящего с силой, которая должна была разорвать тело на части. Мир вокруг исчез — не просто стал тёмным или светлым, а исчез, перестал существовать. Не было ни верха, ни низа, ни света, ни тьмы. Была только мерцающая пустота, в которой он летел, падал, взмывал — направление потеряло смысл.

Время текло вокруг него — он видел его движение, ощущал, как проносятся годы, десятилетия, столетия. Мелькали образы: города, растущие и разрушающиеся; люди, рождающиеся и умирающие; войны, эпидемии, революции, взлёты и падения цивилизаций. Тысяча лет истории пронеслась за секунды — или за вечность, он не мог сказать.

Тошнота накатила призрачной волной, хотя желудка — как и всего телесного — больше не существовало. Сознание кружилось в вихре несуществующего головокружения, лишенное якоря физической формы. Он превратился в чистую мысль, стремительно несущуюся сквозь искривленный тоннель времени, теряя фрагменты собственной сущности с каждым мгновением этого безумного полета.

«Я умираю, — осознал он с парадоксальной ясностью и странным, почти отрешенным спокойствием. Словно наблюдал за собственным распадом со стороны. «Рассыпаюсь на элементарные частицы в бесконечном темпоральном потоке, становясь частью самой ткани мироздания».

Но потом, так же внезапно, как началось, всё закончилось.

Реальность вернулась — обрушилась на него всей беспощадной тяжестью материального мира. Гравитация впилась в каждую клетку, как невидимые крючья. Вес собственного тела стал невыносимым откровением. Твёрдая земля под ногами ощущалась чужеродно-конкретной после вечности в небытии. Воздух ворвался в лёгкие обжигающим потоком, заставив захлебнуться первым судорожным вдохом. Сердцебиение — оглушительный барабан в грудной клетке — отсчитывало секунды возвращения. И наконец, боль — всепоглощающая, кристально ясная, пронзительно живая — доказательство того, что он снова существовал в физическом измерении.

Каждое ощущение было одновременно мучительным и восхитительным — доказательством того, что распад прекратился, что он снова стал целым, пусть и израненным возвращением.

Алексей рухнул на колени, и тело его отозвалось болью от удара о твёрдую поверхность. Желудок вывернуло наизнанку, и он согнулся пополам, судорожно хватая ртом воздух, пытаясь не потерять сознание.

Рядом раздался слабый стон — Ярослава, тоже на коленях, бледная как мел, с закрытыми глазами. Она дышала часто и поверхностно, прижав руки к животу.

— Ты... цела? — выдавил Алексей сквозь тошноту.

— Да... Кажется... — прошептала она. — Господи, как же мерзко. Каждый раз думаю, что привыкну. И каждый раз — нет.

Они несколько минут просто сидели, приходя в себя, позволяя телам адаптироваться к новому времени, новому месту. Тошнота постепенно отступала. Головокружение проходило. Возвращалась способность думать.

Наконец Алексей поднял голову и огляделся.

Лес.

Густой, дикий, первобытный. Высокие сосны и ели, стволы которых терялись в вышине. Мхи и лишайники, покрывающие камни и поваленные деревья. Папоротники, ростом по пояс. Грибы всех размеров и форм. Земля под ногами — мягкая, покрытая толстым слоем прелой хвои и листвы.

Воздух был другим — чистым, без малейшей примеси выхлопных газов, промышленных выбросов. Пахло хвоей, влажной землёй, грибами, древесиной, разлагающейся листвой. Природными, живыми запахами.

Звуки тоже были другими. Шелест ветра в кронах. Птичьи голоса — множество, десятки разных, создающих постоянный фоновый гомон. Где-то далеко стучал дятел — мерно, методично. Шуршание в кустах — какой-то мелкий зверёк. Жужжание насекомых.

Ни единого антропогенного звука. Ни гула моторов, ни гудков, ни музыки из динамиков, ни человеческих голосов. Только лес, живущий своей жизнью, равнодушный к двум пришельцам из будущего.

— Мы на месте, — сказала Ярослава, медленно поднимаясь на ноги.

Она пошатнулась, вынужденная опереться о шершавую кору ближайшей сосны. Её пальцы впились в древесину, как будто этот контакт мог подтвердить реальность происходящего.

— Девятый век, — выдохнула она с трепетом в голосе. — Господи, я всё ещё не могу поверить, что это работает.

— Работает, — эхом отозвался Алексей, медленно поднимаясь на ноги и методично проверяя снаряжение.

Пальцы скользили по каждому предмету точными, выверенными движениями — результат тренировок в капсуле полного погружения.

— Всё при мне, — констатировал он, окидывая внимательным взглядом незнакомый лес, где каждое дерево казалось древнее самого времени. — Вопрос: где именно мы? Старая Ладога должна быть где-то рядом, если расчёты были верны.

Он вытащил из потайного кармана сумки детектор локации — внешне обычный камень с вкраплениями слюды, но при правильной активации показывающий координаты. Провёл пальцем по гладкой поверхности в определённой последовательности, и камень тускло замерцал, отображая в голографической проекции, видимой только владельцу, карту местности.

— Семьдесят два километра от точки выхода, — объявил он, изучая карту. — Погрешность оказалась больше, чем обещал Соболев. Хотя, учитывая, что мы прыгнули на тысячелетие, это и правда точность.

— Сколько идти до Ладоги? — спросила Ярослава, оглядываясь по сторонам и пытаясь определить направление по солнцу.

— Пешком — дня три, если не сбиваться с курса, — Алексей убрал детектор. — Но лучше выйти к реке и найти попутную ладью. По воде доберёмся быстрее.

— Река... — Ярослава сверилась с собственным детектором, который у неё был замаскирован под амулет. — Волхов в восьми километрах к западу. Идём туда?

— Идём.

Они двинулись сквозь лес, который был живым не таким, как современные леса. Не прирученным, не контролируемым, не прореженным санитарными вырубками и туристическими тропами. Диким, настоящим, опасным.

Здесь водились волки — большие, голодные стаи. Медведи, способные одним ударом лапы переломить человеку хребет. Рыси, росомахи, кабаны-секачи. Лес девятого века был не местом для прогулок, а полем боя за выживание, где человек был далеко не на вершине пищевой цепочки.

— Держи нож наготове, — предупредил он Ярославу. — И если увидишь зверя — не беги. Стой на месте, старайся надуться и выглядеть больше, — пошутил он.

— Я помню инструктаж, — усмехнулась она, но всё же проверила нож в ножнах на поясе. — Хотя, честно говоря, надеюсь, что эти знания не пригодятся.

Они шли осторожно, стараясь не шуметь, но и не крадучись — в лесу подозрительна любая крайность. Тропы не было, приходилось продираться сквозь заросли, обходить поваленные деревья, перепрыгивать через ручьи. Сапоги промокли уже через полчаса, вода хлюпала между пальцами. Одежда то и дело цеплялась за ветки.

Алексей чувствовал, как современный человек в нём протестует против этих условий — слишком холодно, слишком сыро, слишком неудобно, слишком опасно. Хотелось вернуться в тёплый номер с душем и мягкой постелью, в мир, где хищники живут в зоопарках за решётками, а не бродят свободно в трёх шагах от тебя.

Но он подавлял эти мысли, заставлял себя адаптироваться. «Ты в девятом веке. Здесь другие правила. Здесь выживает сильнейший». Воронцов готовил его к этому — физически и психологически. Теперь нужно было применять навыки на практике.

Через два часа пути лес начал редеть. Деревья стояли дальше друг от друга, кроны пропускали больше света. Появилась трава, кустарник. А потом, сквозь стволы, блеснула вода.

— Волхов, — выдохнула Ярослава с облегчением.

Они вышли на берег реки и остановились, просто глядя на открывшийся вид.

Река была широкой — метров двести, не меньше. Течение мощное, быстрое, несущее серо-зелёную воду к озеру. Берега поросли ивняком и ольхой. Где-то вдали перекликались птицы. На противоположном берегу паслись олени — целое стадо, штук двадцать, совершенно не обращающие внимания на людей.

— Красиво, — тихо сказал Алексей.

— Да, — согласилась Ярослава. — И страшно. Осознавать, насколько мы здесь одни. Ближайшее поселение — в десятках километров. Помощь не придёт. Если что-то пойдёт не так — справляемся сами или умираем.

— Утешительная мысль, — усмехнулся он. — Пойдём вдоль берега. Нужно найти место, откуда проходят ладьи, и попытаться остановить попутную.

Они двинулись против течения, в направлении Ладоги, идя по узкой тропе, протоптанной, вероятно, дикими животными, приходящими на водопой. Солнце стояло уже высоко — близился полдень. Желудок напомнил о себе голодным урчанием, и Алексей с досадой понял, что не поел перед прыжком. Слишком нервничал.

— Голодна? — спросил он у Ярославы.

— Очень, — кивнула она. — Но еды у нас нет. В расчёте на быстрое прибытие ничего не взяли, кроме запаса на крайний случай.

— Придётся потерпеть, — Алексей поправил сумку на плече. — Или попытаться что-то найти по дороге. Ягоды, грибы...

— В июне? — скептически хмыкнула она, но тут же задумалась. — Хотя... сейчас середина месяца, кое-что найти можно. Первые лисички и подберезовики уже должны проклюнуться в низинах, земляника начинает краснеть на солнечных полянах. А из зелени — молодая крапива, сныть, щавель... На болотистых участках морошка поспевает. Если повезёт, даже побеги орляка найдём — из них похлёбку неплохую можно сварить.

Они шли ещё с час, и Алексей уже начал всерьёз задумываться о том, чтобы развернуть аварийный паёк из сумки — искусственно состаренную, но вполне современную еду, — когда Ярослава резко остановилась, подняв руку.

— Слышишь? — прошептала она.

Алексей прислушался и уловил звук, не характерный для леса. Всплески вёсел. Скрип дерева. Голоса — мужские, грубые, перекрикивающиеся на незнакомом, но узнаваемом языке.

Древнескандинавский.

— Ладья, — выдохнул он. — Варяги.

Они быстро пошли на звук, стараясь не шуметь, и через несколько минут вышли к изгибу реки, откуда открывался обзор на фарватер.

Лодка шла вверх по течению, десятка полтора гребцов на вёслах работали синхронно, мощными, экономичными движениями, преодолевая сопротивление реки. Судно было длинным — метров двенадцать — типичный варяжский кнорр, торговый вариант, без вооружения и воинской раскраски.

На корме стоял широкоплечий мужик с рыжей бородой до груди, в кожаном жилете и холщовых штанах, управляющий рулевым веслом. На носу — ещё один варяг, помоложе, зорко всматривающийся вперёд, высматривающий мели и камни.

Посреди судна лежали тюки и бочки — товар, вероятно. Меха, янтарь, что-то ещё. Обычная торговая экспедиция с севера на юг.

— Окликать? — шепнула Ярослава.

— Давай, — кивнул Алексей, делая глубокий вдох и готовясь использовать с таким трудом вбитый в мозг древнескандинавский язык.

Он вышел на открытое место на берегу, поднял руку и крикнул по скандинавски, с акцентом, специально ломая язык:

— Hei! Heyrið! Ferðamenn erum vér, villumsk! Takið okkr með yðr! *(Эй! Слушайте! Мы путники, заблудились! Возьмите нас с собой!)*

Реакция была мгновенной. Кормчий рявкнул команду, гребцы остановили судно. Носовой варяг выхватил лук — длинный, явно боевой — и натянул тетиву, целясь прямо в Алексея. Ещё трое схватились за топоры, изготовившись к бою.

— Стой, где стоишь! — рявкнул кормчий на славянском. — Руки на виду! Оружие бросить! Или стрела в горло!

Алексей медленно, демонстративно открыл руки, показывая, что ничего не держит. Посох положил на землю. Нож на поясе оставил — снимать его означало бы показать беззащитность, что в этой эпохе было ошибкой.

— Мы не враги! — крикнул он. — Я лекарь, она — торговка янтарём! Заблудились в лесу!

Кормчий прищурился, изучая их оценивающим взглядом, видевшего всё и вся. Затем сказал что-то одному из гребцов — тот кивнул и направил судно к берегу.

— Подходите к воде! — приказал кормчий. — Медленно! Никаких резких движений! И чтоб руки видны были!

Алексей и Ярослава послушно подошли к кромке воды. Кнорр причалил, и трое варягов спрыгнули на берег — крепкие, жилистые мужики, каждый с топором в руке, с глазами, которые видели смерть и не боялись её.

Один — самый крупный, со шрамом через всё лицо ото лба до подбородка — подошёл к Алексею, грубо развернул, быстрыми, опытными движениями ощупал, проверяя на скрытое оружие. Нашёл нож, но не забрал — кивнул одобрительно. Мужчина без ножа в этом времени был как без штанов.

Второй осмотрел Ярославу — бесцеремонно, но без похоти, чисто профессионально, проверяя на оружие. Она стояла неподвижно, стиснув зубы, терпя унижение, понимая, что сопротивление будет ошибкой.

Третий разворошил их вещи — сумку лекаря, торбу Ярославы. Достал несколько склянок с травами, понюхал, поморщился. Вытащил янтарные бусы, поднёс к свету, оценивающе хмыкнул. Нашёл монеты, пересчитал, свистнул, показывая товарищам.

— Серебро, — объявил он кормчему. — Немного.

Кормчий спрыгнул на берег одним плавным движением, несмотря на свою внушительную комплекцию. Подойдя, он встал перед Алексеем. Ростом они были почти равны, но северянин был как вековой вяз — плечи шириной в два обхвата, грудь как дубовый щит, руки, привыкшие укрощать и весло, и меч. На открытых предплечьях и обветренном лице читалась летопись выживания — десятки шрамов разной длины и глубины, каждый — свидетельство встречи со смертью, из которой он вышел победителем. Светло-серые, почти прозрачные глаза смотрели холодно и цепко, оценивая пришельца с той бесстрастной внимательностью, с какой охотник изучает незнакомого зверя, решая — добыча или угроза.

— Лекарь, говоришь? — спросил он на славянском, медленно, растягивая слова. — Откуда?

— С юга, — ответил Алексей. — Учился в Корсуни у греков, потом у арабов на Волге. Теперь иду на север, предлагаю услуги.

— Далёкие края, — повторил кормчий задумчиво. — Что делал там?

— Лечил болезни, сращивал кости, резал раны, — Алексей говорил ровно, без дрожи в голосе, держа взгляд. Показать страх перед такими людьми — значит, позволить им почувствовать себя хозяевами положения. — Учился у лучших. Греческие врачи знают много, чего не знают северные знахари.

Кормчий кивнул, потом резко выхватил нож из-за пояса. Алексей напрягся, готовясь отпрыгнуть, но варяг, красуясь перед своими товарищами своей храбростью, полоснул себя по предплечью — быстро, точно, не глубоко, но достаточно, чтобы кровь потекла.

— Лечи, — приказал он, протягивая окровавленную руку.

Испытание. Проверка. Если он действительно лекарь — докажет. Если нет — обманщик, а с такими здесь разговор короткий.

Алексей кивнул, опустился на колени, открыл сумку. Достал чистую льняную ткань, флакон с настойкой зверобоя, иглу и нить. Всё медленно, демонстративно, чтобы варяги видели каждое движение и не заподозрили подвоха.

— Это будет жечь, — предупредил он, смачивая ткань настойкой.

— Стерплю, — коротко бросил кормчий.

Алексей промыл рану — варяг даже не поморщился, хотя зверобой на спирту жёг как огонь. Осмотрел края — ровные, чистые, не нужно зашивать. Просто стянул специальным узлом бинтом, аккуратно, мастерски.

— Готово, — объявил он, поднимаясь. — Меняй повязку через день. Если покраснеет или загноится — промой ещё раз вот этим. — Протянул маленький флакончик с настойкой. — И не мочи три дня.

Кормчий осмотрел повязку, подвигал рукой. Кивнул одобрительно:

— Умеешь, — признал он. — Не обманываешь. Хороший лекарь найдёт работу в Альдейгьюборге *(Ладога, примеч. авт.)*.Там всегда кто-то болен или резан.

Он повернулся к команде:

— Берём их! Попутчиками будут! — Затем снова к Алексею: — Плата — всё то серебро, что у вас нашли. Согласен?

Грабёж, конечно. Но у Алексея не было выбора. Идти пешком три дня по дикому лесу или заплатить втридорога за быстрое и относительно безопасное путешествие?

— Согласен, — кивнул он. — Половину сейчас, половину по прибытии.

Кормчий расхохотался — громко, от души:

— Хитёр! Ладно, по рукам! Я Рёгнвальд, конунг этого кнорра! — Он протянул руку, и Алексей пожал её — крепко, как равный.

— Лечец, — представился он. — А это Яра, торговка янтарём. Моя спутница.

— Красивая спутница, — оценил Рёгнвальд, окинув Ярославу взглядом, в котором не было похоти, только мужское любование. — Береги. Таких в Альдейгьюборге заберут быстро.

— Попробуют, — усмехнулась Ярослава, и в голосе прозвучала сталь. — Только я и сама себя беречь умею.

— О, дерзкая! — Рёгнвальд рассмеялся ещё громче. — Мне нравится! Ладно, по местам! Уходим!

Алексей и Ярослава забрались в лодку, устроились среди тюков с мехами. Варяги оттолкнулись от берега, сели на вёсла, и судно снова двинулось вверх по течению, преодолевая сопротивление реки мощными, синхронными гребками.

Алексей откинулся на тюк, закрыл глаза и впервые с момента прыжка позволил себе расслабиться. Они на месте. В девятом веке. Среди настоящих варягов, на кнорре, плывущем по реке, которая существует и в его времени, но течёт совершенно иначе.

Судно скользило по Волхову, и Алексей, прикрыв глаза от яркого солнца, вслушивался в ритм вёсел и голоса гребцов. Они переговаривались между собой на древнескандинавском — быстро, с жаргоном и диалектными особенностями.

Говорили о товаре, который везут на юг — меха белки и куницы, моржовую кость, янтарь. О ценах, которые можно выторговать у купцов на Волге. О женщине одного из гребцов, которая, по слухам, утешалась с соседом, пока муж в плавании. Обычные разговоры простых людей, только облечённые в слова тысячелетней давности.

— Эй, лекарь! — окликнул его Рёгнвальд с кормы, перекрывая плеск волны. — Сказываешь, у ромеев науку перенимал?

— Было дело, — Алексей приоткрыл один глаз, щурясь на солнце. — В Корсуни три зимы провел.

— А не брешут ли, будто греки живых людей пластают, чтобы хвори выгонять? — В голосе варяга недоверие мешалось с жутью. — Чрево вскрывают, руками в нутро лезут?

— Не брешут, — подтвердил Алексей. — Да только когда иного пути к жизни нет. Коли внутри кость дробленая или гниль завелась — надобно отворить плоть, вычистить скверну да жилами сшить.

Гребцы переглянулись, и один — отрок, едва обросший первым пухом на подбородке — опасливо качнул головой:

— Ведовство это, не иначе. Плоть живую кромсать — богов гневить. Душа в ту дыру и утечет, как вода из разбитой крынки.

— Коли жилами крепко стянуть — не утечет, — возразил Алексей. — Но правда твоя — затея лихая, не всякий сдюжит. Оттого и берусь за нож лишь тогда, когда смерть уже за плечом стоит и в затылок дышит.

— Разумно молвишь, — кивнул Рёгнвальд, налегая на весло. — А с ранами гнилыми как ладишь? Был у меня побратим, Торольв. Словил наконечник в икру в малой сшибке. Рана — тьфу, комар укусил, затянулась вмиг. А через седмицу ногу раздуло, почернела она, смрадом мертвечины пошла. Знахарь выл, мол, духи темные в крови гнездо свили. Ногу отсечь порывался.

— И что, ссек кость? — спросил Алексей, хоть и ведал наперед, чем такие речи кончаются.

— Отхватил по самое колено, — Рёгнвальд зло сплюнул в набежавшую волну. — Торольв три дня орал так, что чайки дохли. На четвертую зарю отмучился — душа отлетела. — Варяг

помрачнел. — Знахарь потом баял, мол, поздно железо приложили. Хворь уже внутрь проползла, к самому сердцу подобралась и там гнездо свила.

Алексей кивнул, вспоминая курс исторической медицины. Гангрена — бич эпохи, когда не знали антисептиков. Любая рана могла стать смертным приговором, если инфекция попадала в кровь. Ампутация часто была единственным выходом, но смертность после неё достигала восьмидесяти процентов — от кровопотери, шока, вторичной инфекции.

— Не духи это, — промолвил Алексей, взвешивая каждое слово. — Гниль обычная. Она в донной грязи таится, в затхлой воде живет, на немытых руках сидит. Коли в рану попадет — вмиг плоть изнутри изгложет. — Он вынул из калиты костяную склянку. — Здесь зверобой настоян. Коли сразу после сечи рану омыть — не зацветет она, не почернеет.

Гребцы примолкли, слушая с опаской, но и с жадным любопытством. Рёгнвальд поскреб бороду:

— Стало быть, не духи злые?

— Не духи, — подтвердил Алексей. — Хотя кудесники скажут: что гниль, что дух — всё одно лихо, под разными именами ходит. — Он примирительно добавил: — Я с волхвами о корне хворей не ряжу. Опасно супротив тех идти, кто богам в уши шепчет. Но я ведаю, от чего плоть целеет. Коли рану крепким зельем омыть — затянется. Коли тряпицу чистую приложить — заживет. Коли руки лекаря от грязи отмыты — беда обойдет.

— Чистота… — пробормотал Рёгнвальд. — Ромейская хитрость. Слыхал я, будто они в купели лазят каждый божий день. Неужто правда?

— Истинная правда, — усмехнулся Алексей. — В больших градах у них палаты каменные с горячей водой — бани. Там тело парят, кожу скребницами правят, песок да пот сгоняют.

— Так и силу мужскую смыть недолго, коли в воде тереться без меры, — проворчал Рёгнвальд, покрепче перехватывая весло. — Слыхивал я, ромеи те изнежились совсем, в заморских благовониях утопли. Воину лишняя чистота ни к чему — честный пот да кровь вражья кожу дубят, крепче брони делают.

Гребцы согласно заухали, подхватывая ритм.

— Тело парить — дело доброе, — подал голос отрок с кормы. — У нас бани жаркие, камнем калёным дух вышибают. Но чтоб каждый день... Так и кожа слезет, как с гадюки старой.

Алексей лишь молча улыбнулся. Он понимал: для этих людей грязь была привычна, как кора на дереве, а излишняя забота о теле казалась бабством. Но зерно сомнения было брошено — теперь каждый из них, получив царапину, нет-нет да и вспомнит про «греческую склянку» с целебным зверобоем.

Ярослава, сидящая рядом, тихо усмехнулась — только он один расслышал. Она понимала его дилемму: современный человек, вооружённый знаниями будущего, но вынужденный осторожничать, чтобы не вызвать подозрений.

— Скоро ли Ладога? — спросила она, перекрывая шум речной волны.

— К закату причалим, — отозвался Рёгнвальд, не оборачиваясь. — Коли встречный ветер в лоб не ударит и пороги без беды минем.

— Пороги? — Алексей подался вперед, вглядываясь в речную гладь.

— Есть там место лихое, где камни спины кажут, а вода кипит, — пояснил варяг. — Кнорр там вести надобно чутко. Один неверный взмах весла — и кости кораблю переломает, брюхо о камни вспорет. Но мы те воды не раз утюжили, знаем, где тропа протоптана.

Он не преувеличивал. Через час лодка подошла к участку, где река становилась бурной, пенилась вокруг торчащих камней. Рёгнвальд встал в полный рост на корме, зорко всматриваясь в воду, выискивая безопасный фарватер. Гребцы затихли, слушая его команды.

— Лево! Два гребка! — рявкнул он. — Право! Табань, табань!

Судно метнулось влево, обогнуло камень, который Алексей увидел только в последний момент — чёрный валун под водой, о который разбилась бы в щепки любая ладья. Ещё манёвр, ещё — и они проскочили пороги, вырвались на спокойную воду.

Гребцы выдохнули с облегчением. Один даже перекрестился — нет, не христианским крестом, а жестом, который Алексей не сразу понял. Потом сообразил: знак молота Тора. Благодарность богу-громовержцу за благополучный проход.

— Хорошо прошли, — одобрительно сказал Рёгнвальд. — Тор с нами. — Он посмотрел на Алексея. — Ты каким богам молишься, Лечец?

Опасный вопрос. Очень опасный. Неправильный ответ мог всё испортить.

— Многим, — осторожно ответил Алексей. — В разных землях — разные боги. У греков молился Асклепию, богу врачевания. У арабов чтил Аллаха, единого бога пустынь. Здесь, на севере — Велесу кланяюсь, он покровительствует странникам и торговцам. — Он сделал паузу. — Лекарь должен уважать богов той земли, где лечит. Иначе боги разгневаются, и лечение не поможет.

Умный ответ. Показывающий уважение к местным верованиям, но и объясняющий его широкие познания контактами с разными культурами.

Рёгнвальд медленно кивнул:

— Мудрые слова. Боги сильны в своих землях. Тор — наш, северный. Перун — ваш, славянский. Говорят, они одно дело делают — громом бьют врагов. — Он задумчиво посмотрел на небо, где плыли белые облака. — А христианский бог, которому греки молятся — он слабый. Один, без товарищей. Как один может против многих?

— Христиане говорят, что их бог сильнее, потому что один управляет всем, — осторожно ответил Алексей, вспоминая, что в 862 году христианизация Руси ещё не началась — до Владимира больше века. — Но я не спорю о силе богов. Это дело опасное.

— Разумно, — согласился Рёгнвальд и переключился на команды гребцам.

Ярослава тихо выдохнула рядом с Алексеем:

— Хорошо ответил. Я уж испугалась, что влепишь чего-нибудь про монотеизм.

— Я тоже испугался, — прошептал он в ответ. — Религия здесь — не философский вопрос. Это вопрос идентичности и выживания. Неправильно сказать — могут за богохульство убить.

— Или за колдовство, — добавила она. — Твои медицинские знания балансируют на грани. Слишком продвинутые для эпохи.

— Знаю, — кивнул он. — Поэтому объясняю всё через греков и арабов. Списываю на чужеземную мудрость. Пока работает.

Они замолчали, наблюдая за проплывающими мимо берегами. Лес становился гуще, древнее — вековые деревья-исполины поднимали свои могучие кроны к небу. Дубы, чьи стволы не могли обхватить и трое мужчин, сосны, пронзавшие небо золотистыми стрелами, разлапистые ели, сумрачные в своей величественной неподвижности. Нетронутая природа дышала первозданной силой, напоминая о временах, когда человек был лишь гостем в этих землях, а не хозяином.

Между стволами то и дело мелькали тени лесных обитателей — стройные олени с ветвистыми рогами, настороженно поднимавшие головы при звуке весел, семейство кабанов с полосатыми поросятами, деловито роющих мягкую подстилку из хвои и прошлогодних листьев. А однажды на излучине реки они увидели огромного бурого медведя — матёрого хозяина леса, который стоял по брюхо в воде на отмели и с поразительной ловкостью выхватывал из речного потока серебристых лососей, стремящихся вверх по течению. Мощные лапы с когтями длиной с человеческий палец взметали фонтаны брызг, а из пасти доносилось довольное урчание.

Гребцы заметили медведя и загомонили, показывая друг другу. Один выхватил лук, но Рёгнвальд рявкнул:

— Руки прочь! Медведь в воде — зверь заветный, сам Одинов глаз за нами присматривает! Кто сталь в него всадит — тот на весь род проклятие примет, до седьмого колена не отмоется!

Лучник послушно опустил оружие. Медведь, не обращая на людей внимания, поймал крупную рыбину и с хрустом разгрыз её пополам, кровь потекла по шерсти.

— Красиво, — прошептала Ярослава, зачарованно глядя на зверя. — И страшно. Такой мощный и дикий...

— Здесь всё дикое, — тихо ответил Алексей. — Мы попали в мир, где человек — гость, а не хозяин. Где природа сильнее цивилизации. Привыкай.

Солнце клонилось к горизонту, когда впереди, на повороте реки, показались первые признаки человеческого жилья. Дым — тонкие струйки, поднимающиеся из десятков очагов. Потом — частокол, деревянные стены поселения, тёмные от времени и копоти. Ладьи, пришвартованные к деревянным причалам — десятки, разных размеров и форм.

Ладога.

Альдейгьюборг варягов. Любша словен. Один из древнейших городов, который переживёт тысячелетие и будет стоять в веке двадцать первом, хоть и под другим названием — Старая Ладога, тихий посёлок в Ленинградской области, где приезжие фотографируются на фоне древних церквей и крепостных стен.

Но в 862 году это был живой, шумный, космополитический торговый узел, где встречались миры и культуры, где славянские и скандинавские языки смешивались, где пахло дымом, рыбой, дёгтем, человеческим потом и деньгами.

— Вот она, — выдохнул Рёгнвальд, и в голосе его послышалась хозяйская гордость. Он уверенно правил кнорр к одному из причалов. — Альдейгьюборг. Столица северов. Здесь ты купишь всё — от франкской стали до ромейского паволока. Сбудешь всё — от клыка моржового до девки-славянки. Но здесь же и оставишь всё — коли кости криво лягут или язык за зубами не удержишь.

Он засмеялся, и в смехе звучало искреннее удовольствие человека, вернувшегося домой после долгого путешествия.

Судно причалило. Гребцы закрепили его канатами, начали выгружать тюки. Рёгнвальд спрыгнул на деревянный настил причала, протянул руку Алексею:

— Давай остаток платы, Лечец. По уговору.

Алексей отсчитал серебро — тяжелые арабские дирхемы и византийские милиарисии с потертыми профилями давно умерших императоров. Последняя половина его запаса перекочевала в мозолистую ладонь кормчего. Болезненно много, но договор есть договор. Монеты исчезли где-то в складках кожаного пояса северянина так быстро, что казалось, их и не было вовсе.

В этой эпохе, где письменных контрактов не существовало, а законы хранились лишь в памяти старейшин, нарушить данное слово означало гораздо больше, чем просто потерять деньги. Это значило потерять репутацию — единственную валюту, которая ценилась дороже серебра и меха. Человек без имени, без чести становился изгоем, и для него не было места ни в торговом караване, ни среди простых землепашцев. А без покровительства рода или дружины в этом мире острых мечей и долгой памяти не выжить никому, даже пришельцу из будущего.

Рёгнвальд прикинул вес серебра на мозолистой ладони и довольно крякнул:

— Добро. Любо мне с теми рядить, кто веса не убавляет и слова не ломает. — Он обрушил весомую ладонь на плечо Алексея, чуть не вбив того в причал. — Коли нужда в угле прижмет — кликни на пристани дом Рёгнвальда Рыжего. Первую ночь за так пущу, по праву гостя, а там — за монету, но без обиды.

— Благодарствую, — Алексей крепко сжал его предплечье. — Может, и свидимся еще у твоего очага.

Они с Ярославой сошли на берег, и под ногами заскрипело старое, скользкое от влаги дерево настила. Вокруг кипела жизнь — грузчики таскали мешки и бочки, торговцы зазывали покупателей, дети носились между взрослых, визжа и хохоча, собаки рылись в мусоре, выискивая объедки.

Запах ударил в ноздри — смесь рыбы, дёгтя, дыма, немытых тел, человеческих и животных экскрементов, разлагающихся отбросов. Канализации не существовало, все нечистоты просто выливались на улицу или в реку. Гигиена была понятием незнакомым.

Алексей почувствовал, как желудок подкатил к горлу. Рядом Ярослава закашлялась, прижав платок к носу:

— Господи, как же воняет...

— Привыкнем, — пробормотал он, стараясь дышать ртом. — Вспомни инструктаж. Через несколько дней обоняние адаптируется, перестанешь замечать.

— Несколько дней этой вони... — простонала она. — Радостная перспектива.

Но деваться было некуда. Они двинулись вглубь поселения, протискиваясь сквозь толпу, стараясь не наступать на кучи мусора и не слишком близко подходить к канавам, где текла жидкость подозрительного цвета.

Ладога 862 года разительно отличалась от того, что Алексей видел в виртуальных реконструкциях. Реальность была более грязной, вонючей, хаотичной.

Дома стояли беспорядочно, без видимого плана — кто где захотел, там и поставил. Между ними вились узкие, кривые проходы, больше похожие на тропы, чем на улицы. Деревянные срубы, потемневшие от времени и дыма, с маленькими окнами, закрытыми бычьими пузырями вместо стекла. Крыши — дранка, береста, местами просто дёрн.

Между домами — загоны для скота. Свиньи рылись в грязи, куры носились под ногами, коза, привязанная к столбу, задумчиво жевала чей-то башмак.

Люди были одеты просто — льняные и холщовые рубахи, штаны, обмотки на ногах, кожаные или лыковые лапти. Только богатые носили сапоги, украшения, окрашенную одежду. Большинство — серые, немытые, оборванные.

Но взгляды были острые, настороженные. Каждый встречный оценивал пришельцев — кто такие, откуда, сколько у них денег, стоит ли грабить? Алексей чувствовал эти взгляды на себе, как прикосновения, и непроизвольно проверял нож на поясе.

— Куда идём? — тихо спросила Ярослава.

— Искать Михаила и Елену, — ответил он так же тихо. — Михаил должен быть в кузнице на южном краю поселения. Пойдём туда.

Они свернули в сторону, которую Алексей определил как юг по положению солнца, и углубились в лабиринт узких проходов между домами. Дважды сворачивали не туда, возвращались, спрашивали дорогу у встречных.

Один старик — сгорбленный, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, как кора древнего дерева, — показал направление искривлённым пальцем:

— Кузница-то? Туда правь, — он махнул рукой в сторону подола, где река шумит. — Сам по звону сыщешь. Михайло с первой зари у горна потеет, молотом так чеканит, что во всех концах отзывается.

Они пошли дальше, и действительно, через несколько минут услышали звон — ритмичный, мерный, звук молота по наковальне. Следуя за звуком, вышли к небольшой, но крепкой постройке на краю Ладоги.

Кузница.

Из открытых дверей валил дым и жар. Внутри, освещённый красным заревом горна, работал человек — широкоплечий, мускулистый, с голым торсом, мокрым от пота, в кожаном фартуке. Он держал щипцами раскалённую заготовку на наковальне и методично бил молотом — удар, поворот, удар, поворот — выковывая что-то.

Алексей узнал его по фотографии из досье. Михаил. Хранитель под прикрытием. Союзник.

Они остановились в дверях, не решаясь войти. Кузнец заметил их краем глаза, но продолжал работать, не прерывая ритма. Закончил деталь — какое-то кольцо — опустил в ведро с водой. Шипение, облако пара.

Только тогда он выпрямился, вытер пот со лба тыльной стороной ладони и посмотрел на них в упор. Глаза — серые, умные, настороженные.

— Чего принесло? — буркнул он недружелюбно.

— Ищем кузнеца Михайло, — отозвался Алексей, в точности выговаривая заученные слова пароля. — Слава о нем по всей Ладоге идет. Мол, такой он мастер, что скует и то, за что другие и браться боятся.

Михаил с минуту мерил его взглядом, будто клинок на излом проверял, потом произнёс условленный отзыв:

— Сковать-то справлю. Смотря какой заказ несешь.

Он подошёл ближе, и голос понизился до шёпота, неслышного для случайных ушей:

— Слава богам, дождался. Думал, так и сгинем с Еленой вдвоем.— Он оглянулся, проверяя, нет ли слушателей, потом жестом пригласил внутрь: — — Заходите. Речи поведем в сумерках, когда лишние глаза закроются. А пока… — Он возвысил голос, чтобы слышали на улице: — Что купить хочешь, добрый человек? Нож ли, топор, иль меч добротный?

— Нож надобен, — ответил Алексей, принимая игру. — Чтобы сталь добрая: и в деле не подвела, и в бою не надломилась.

— Скую, — кивнул Михаил. — К третьему дню поспеет.

— По рукам.

— Вот и ладно. А теперь ступайте, ищите, где голову преклонить. — Он приглушил голос: — Идите к Рыбакам, от пристани на восход три избы отсчитайте, там еще баня на отшибе стоит. Скажете — от Михаила пришли. Елена впустит, место на лавке даст. Там и потолкуем впотьмах, когда лишний люд по лавкам затихнет.

— Ладно, — кивнул Алексей. — Доброго тебе здоровья.

Они вышли из кузницы, и Ярослава, дождавшись, пока отойдут подальше, прошептала:

— Он сильно взволнован. Что-то случилось?

— Узнаем вечером, — ответил Алексей. — Пойдём искать Елену.

Дом нашли без труда — действительно, третий от пристани, рядом с баней, из которой валил густой пар, окутывавший округу запахом берёзовых веток. Строение выделялось среди других избушек — двухэтажное, с крепкими стенами из отёсанных брёвен, уложенных так плотно, что, казалось, между ними не протиснулся бы даже шквалистый зимний ветер.

Алексей постучал в дверь — массивную, дубовую, с железными накладками.

Дверь открылась, и на пороге появилась женщина лет сорока, в льняном платье и переднике, с платком на голове. Лицо простое, усталое, но глаза — живые, умные, изучающие.

— Чего ищете? — спросила она, не спеша открывать дверь шире.

— Кузнец Михайло прислал, — ответил Алексей. — Сказал, приветишь гостей, не обидишь углом. — Он выдержал короткую паузу и произнёс фразу, предназначенную только для её ушей: — Видать, гроза будет — птицы к самой воде припали.

Елена на мгновение замерла. Её цепкий, оценивающий взгляд скользнул по их лицам, после чего она так же обыденно отозвалась:

— Пусть льёт, земля давно влаги просит.

Она отступила, пропуская их в дом. Алексей и Ярослава вошли, и дверь закрылась за ними с глухим стуком, отсекая уличный шум.

Внутри было на удивление чисто и уютно. Земляной пол, густо посыпанный свежими опилками. Очаг в центре, где варился котёл с чем-то, пахнущим рыбой и капустой. Лавки вдоль

стен. Стол, грубый, но прочный. Лучина в углу, освещающая помещение тусклым, дрожащим светом.

Елена подошла к двери в дальнюю комнату, приоткрыла, заглянула:

— Дуня, я занята. Постереги братьев, чтобы не шалили.

Детский голос что-то ответил. Елена закрыла дверь и повернулась к ним. На глазах Алексея её лицо неуловимо изменилось — крестьянская суровость сошла, как смытая краска. Усталость, колоссальное напряжение и страх, которые она годами скрывала перед домашними, проступили наружу. Плечи её опустились.

— Хранители? — тихо спросила она на чистом современном русском.

— Да, — кивнул Алексей, переходя на родной язык и чувствуя облегчение — наконец-то можно говорить нормально. — Алексей, полевой агент. Это Ярослава, моя напарница. Прибыли из 2027 года, миссия по защите призвания варягов.

Елена закрыла глаза, и по лицу потекли слёзы. Она всхлипнула, прижала ладони к лицу:

— Дождалась... Думала, стерли моё имя из памяти. Четыре лета я здесь векую, четыре года проклятых, как в могиле заживо зарыта. Ни души кругом, кому довериться можно, ни слова родного. Совсем одна, будто брошенная собака на цепи.

Ярослава быстро подошла, обняла её за плечи:

— Всё хорошо. Мы здесь. Ты не одна. Держись.

Елена кивнула, вытирая слёзы, пытаясь взять себя в руки:

— Извините. Я просто... устала. Очень устала. Прикрытие, постоянная игра, жизнь в роли, дети, муж, который умер полгода назад от лихорадки, и я не могла спасти, потому что лекарства кончились, а новые неоткуда взять...

— Твой муж был местным? — мягко спросил Алексей.

— Да. Часть прикрытия. Вдовец-рыбак, хороший человек, зажиточный. Женился на мне — нужна была хозяйка дому, мать детям. Я согласилась, чтобы легенда работала. — Голос дрогнул. — Не любила его. Но привыкла. Он был добрым. А потом умер, и я осталась одна с тремя чужими детьми на руках, с хозяйством...

Она снова заплакала, но уже тише, без истерики. Ярослава держала её, поглаживая по спине, что-то шептала успокаивающее.

Алексей смотрел и чувствовал, как внутри всё сжимается от сочувствия. Четыре года в прошлом. Четыре года в роли, без возможности быть собой. С чужой семьёй, чужой жизнью, которая стала слишком настоящей. И никакой надежды на возвращение — до завершения миссии.

— Елена, — сказал он тихо. — Мы тебя вытащим. После миссии. Обещаю. Ты вернёшься домой.

Она подняла красные от слёз глаза:

— Домой? У меня нет дома. Там, в будущем, я потеряла семью. А здесь создала новую, и она тоже не настоящая. Куда мне возвращаться? К чему?

Вопрос, на который не было ответа.

Алексей промолчал, и Ярослава тоже. Что сказать человеку, потерявшему всё дважды?

Елена вытерла слёзы, выпрямилась, взяла себя в руки:

— Простите. Не должна была срываться. Профессионализм, всё такое. — Она вздохнула. — Чаю хотите? Настоящего, не местного пойла. У меня есть запас с последнего сброса.

— Сброса? — не понял Алексей.

— Раз в полгода нам сбрасывают контейнер с припасами, — пояснила Елена, доставая из тайника в стене термос — явно современный, замаскированный под деревянный бочонок. — Лекарства, чай, кофе, средства гигиены. Минимум, но хоть что-то родное. — Она разлила чай в глиняные кружки. — Последний сброс был два месяца назад. Следующий — через четыре.

Они сели за стол, и Алексей с наслаждением сделал глоток горячего, крепкого чая. Вкус цивилизации. Вкус дома, которого нет.

— Расскажи, что здесь происходит, — попросил он. — Михаил сказал, что говорить небезопасно. Значит, ситуация напряжённая?

Елена кивнула, помрачнев:

— Очень напряжённая. И ухудшается с каждым днём. — Она отпила чай, сложила руки на столе. — Агенты «Нового пути» здесь. Минимум трое, может, больше. Мы с Михаилом выявили одного — он под именем Гордята, славянский воевода, из знатного рода кривичей. Влиятельный, харизматичный, собирает вокруг себя недовольных.

— Недовольных чем? — спросила Ярослава, машинально поправляя выбившуюся из-под платка прядь волос.

— Варяжским присутствием, — Елена осмотрелась по сторонам, будто сами стены могли подслушивать их разговор. — Тем, что они слишком усилились, берут дань, контролируют все торговые пути как свою собственность.

Она понизила голос до шёпота, едва различимого сквозь потрескивание горящих в печи поленьев:

— Два года назад была попытка изгнать варягов. Восстание старейшин. — В её глазах промелькнула тревога, словно даже сейчас говорить об этом было небезопасно. — Варягов прогнали за море, запретили брать дань. Но без них начался настоящий хаос.

Елена аккуратно отставила кружку с чаем, поднялась с лавки и подошла к печи, чтобы помешать варево деревянной ложкой, отполированной годами использования до блеска. Огонь бросал причудливые тени на её лицо, подчеркивая скулы и придавая глазам глубину колодцев.

— Междоусобицы, грабежи на дорогах, племена грызутся за контроль над торговым путём, как голодные волки за добычу. — Её голос звучал ровно, но пальцы, сжимавшие ложку, побелели от напряжения. — Словене против чуди, весь против карелы, кривичи теснят мерю... и даже варяжские роды обнажают мечи друг против друга у самых стен Ладоги.

Она вздохнула, стряхивая капли с ложки обратно в котёл. Пряный аромат трав и кореньев наполнил избу, смешиваясь с запахом дыма и свежесрубленного дерева.

— И вот теперь часть старейшин, самая влиятельная, склоняется к тому, чтобы призвать варягов обратно. — Елена обернулась к Алексею, и в её взгляде читалось понимание сложности происходящего. — Не всех подряд, а конкретного конунга — Рюрика из рода Скьёльдунгов. Говорят, он справедливый, сильный, сможет навести порядок. Его дружина невелика, но слово его — как камень: твердо и нерушимо.

— И Гордята против этого? — уточнил Алексей, невольно подавшись вперёд.

— Гордята и его люди — категорически против. Они агитируют за то, чтобы справиться самим, без чужаков. Собирают молодых воинов, недовольных старейшинами, говорят, что призвание варягов — это предательство, что славяне должны править сами. — Елена поднесла кружку к губам, вдохнула аромат черного чая и сделала глоток, на мгновение прикрыв глаза от удовольствия. — Проблема в том, что формально они правы. Призвать иноземного князя — это отказаться от самостоятельности. Но без сильной власти — хаос, который хуже.

Алексей задумался, перебирая информацию. Картина становилась яснее — и сложнее. «Новый путь» работал не грубо, не пытался убить Рюрика. Они действовали тоньше — создавали политическую оппозицию его призванию, опирались на законные обиды и страхи местных.

— Когда планируется отправка посольства к Рюрику? — спросил он.

— Через две недели. Вече назначено на новолуние. — Елена посмотрела на него серьёзно. — Там решится: призывать или нет. Голоса разделились почти поровну. Несколько влиятельных старейшин ещё колеблются. От них зависит исход.

— И Гордята будет давить на них, — догадалась Ярослава. — Склонять к отказу.

— Уже давит, — подтвердила Елена. — И очень успешно. Один из колеблющихся, старейшина Радим, уже перешёл на его сторону. Ещё двое-трое — и призвания не будет. — Она посмотрела на Алексея с надеждой. — Вы должны переломить ситуацию. Обеспечить, чтобы вече проголосовало за призвание. Любой ценой.

Любой ценой. Знакомые слова. Именно их говорила Ольга.

— Мы сделаем что сможем, — пообещал Алексей. — Но нужно понимать: если Гордята и его люди — агенты «Нового пути», они действуют не случайно. У них есть план. Многоуровневый, с резервными вариантами. Архитектор их координирует. — Он посмотрел на Елену. — Ты видела признаки его присутствия? Кто-то слишком умный, слишком знающий, слишком успешный в манипуляциях?

Елена задумалась:

— Гордята. Он слишком хорош. Слишком точно бьёт в болевые точки. Знает, кого и как склонить, какие аргументы использовать. — Она нахмурилась. — Хотя может, он просто талантливый политик.

— Или Архитектор, — сказал Алексей. — Нужно проверить. Я должен встретиться с ним, поговорить, оценить.

— Опасно, — предупредила Елена. — Если он поймёт, кто ты...

— Он не поймёт, — Алексей похлопал себя по лицу. — Биомодификация. Я выгляжу как южанин. И прикрытие крепкое — странствующий лекарь, обучавшийся у греков и арабов. Никаких связей с Хранителями.

— Надеюсь, — вздохнула Елена. — Потому что если что-то пойдёт не так, миссия провалится. А с ней — вся российская история.

За окном сгущались сумерки. В дальней комнате раздался детский плач, и Елена вздрогнула:

— Младший проснулся. Мне нужно покормить его. — Она встала. — Располагайтесь. Вечером придёт Михаил, обсудим детали. А пока — отдыхайте. На себе знаю — прыжок из будущего выжимает все силы.

Она ушла в дальнюю комнату, оставив их вдвоём. Алексей и Ярослава переглянулись.

— Она на грани, — тихо сказала Ярослава. — Ещё немного — сломается.

— Согласен, — кивнул Алексей. — Четыре года под прикрытием — это слишком долго. Особенно здесь, в таких условиях. — Он отпил остатки чая, и тот показался горьким. — Мы должны закончить миссию быстро. И вытащить её отсюда.

— А если она не захочет? — спросила Ярослава. — Слышала, что сказала? «Куда мне возвращаться?» У неё здесь дети. Чужие, но она их воспитывает. Привязалась.

— Тогда это её выбор, — Алексей поставил кружку на стол. — Мы не можем заставить. Можем только предложить.

Они помолчали, каждый думая о своём. Алексей смотрел на пляшущее пламя лучины в углу и думал о том, как легко потеряться между временами. Как легко забыть, кто ты на самом деле, когда роль становится реальностью.

ГЛАВА 4. В СЕРДЦЕ ЛАДОГИ

Ночь рухнула на Ладогу тяжким, душным пологом. Без огней, без живого дыхания город слеп, погружаясь в вязкую темень. Лишь кое-где в узких бойницах окон дрожали рыжие капли света — там догорали лучины или сальные светильцы.

Серебро почти полной луны обливало тесовые крыши и бревенчатые стены, вырезая из мрака резкие, колючие тени. Дорога к реке поблескивала под мертвенным сиянием, точно чешуя огромного змея. На улицах — ни души. После заката Ладога становилась чужой: в путанице кривых переулков, где верхние венцы срубов почти сходились над головой, прятались не только тати и пьяная голь, но и сама ночная жуть, в которой легко было сгинуть без следа.

Алексей стоял у окна, глядя на тёмный силуэт Ладоги, и прислушивался к звукам ночного города. Где-то лаяла собака — протяжно, тоскливо. Из соседнего дома доносились голоса — мужской и женский, ругань на славянском, затем звук удара и женский вскрик. Потом тишина. Алексей стиснул кулаки, но заставил себя не вмешиваться. Не его дело. Не его время. Здесь бьют жён, и это норма, часть быта, которую он не имел права менять.

За спиной, в дальней комнате, Елена укладывала детей спать — он слышал её голос, напевающий колыбельную. Мелодия была странной, чужой, режущей слух непривычными интервалами, но в ней была какая-то первобытная красота.

Ярослава сидела за столом, перебирая свои припасы — янтарные бусы, стеклянные браслеты, несколько серебряных фибул. Легенда прикрытия требовала, чтобы у неё был товар для торговли, и её снабдили аутентичными изделиями девятого века, неотличимыми от тех, что делали прибалтийские мастера той эпохи.

— Красивые, — заметил Алексей, глядя, как свет лучины играет на янтаре. — Настоящие?

— Настоящие, — кивнула она, поднося к свету крупную бусину медового цвета. — Балтийский янтарь, возраст — около сорока миллионов лет. Внутри видишь? Застывшее насекомое. Такие ценятся особенно высоко — считается, что в них заключена душа древнего существа, даёт владельцу защиту. — Она аккуратно положила бусину обратно. — Я могу продать это всё за хорошие деньги. Мы будем обеспечены серебром на весь срок миссии.

— Если Гордята не убьёт нас раньше, — мрачно заметил Алексей.

— Оптимизм — твоя сильная сторона, — усмехнулась Ярослава.

— Реализм, — поправил он. — Мы пришли сюда мешать планам очень опасных людей, которые готовы убить, чтобы изменить историю. Не стоит об этом забывать.

Она кивнула, и улыбка исчезла с лица:

— Я помню. Поэтому держу вот это под рукой. — Она достала из-под платья нож — небольшой, но смертоносный, в деревянных ножнах на тонком кожаном ремешке. — И спать буду с ним.

— Разумно.

Они замолчали, погрузившись в свои мысли. Алексей вернулся к окну, продолжая изучать темноту снаружи. Глаза постепенно привыкали, и он начал различать детали — силуэты домов, деревянный частокол на окраине, дальний блеск реки в лунном свете.

Небо сияло первозданной красотой. В современном мире лунное серебро терялось в уличном освещении, в световом загрязнении городов. Здесь же Луна царила безраздельно, заливая мир холодным чистым сиянием. Небо было усыпано звёздами — тысячами, десятками тысяч, Млечный Путь протянулся широкой светящейся рекой через весь небосвод. В этом величественном свете Ладога преображалась: бревенчатые стены домов отливали серебром, река Волхов блестела расплавленным металлом, а тени от частоколов и построек казались

вырезанными из чёрного бархата. Такую луну славяне называли хлебной — когда она висела над городом как огромный круглый каравай, обещая урожай и достаток, если боги будут милостивы.

— Смотри, — тихо позвал он Ярославу, кивая на небо.

Она подошла, встала рядом, и они несколько минут молча смотрели на звёздное великолепие.

— Красиво, — прошептала она. — И страшно. Понимаешь, что мы под этим же небом, но на сотни лет раньше. Те же звёзды, та же луна. Но совершенно другой мир.

— Да, — согласился Алексей. — Иногда это ощущение накрывает. Дезориентация. Ты знаешь, что находишься в прошлом, но мозг отказывается это принимать полностью. Всё кажется... нереальным. Как очень детальный сон.

— Пока кто-нибудь не ударит, — добавила она. — Или пока не почувствуешь запах. Тогда понимаешь — это реально. Слишком реально.

Их разговор прервал стук в дверь — тихий, условный, три коротких, два длинных, ещё один короткий. Елена вышла из дальней комнаты, кивнула:

— Это Михаил.

Она открыла дверь, и в дом вошёл кузнец. Он успел помыться — волосы были влажными, на нём была чистая льняная рубаха вместо закопчённой рабочей одежды. Но усталость в глазах никуда не делась.

— Добрый вечер, — поздоровался он, закрывая за собой дверь на засов. — Извините, что заставил ждать. Хотел убедиться, что никто не следит. — Он прошёл к столу, неловко опустился на лавку. — Можно воды? Устал как собака.

Елена принесла кувшин и деревянную кружку. Михаил жадно выпил, вытер губы тыльной стороной ладони:

— Итак. Вы из будущего, координаторы миссии?

— Полевые агенты, — уточнил Алексей. — Алексей, руководитель операции. Ярослава, второй агент. Прибыли сегодня утром, прыжок из 2027 года.

— 2027-й, — повторил Михаил с лёгкой завистью. — Для меня прошло четыре года, а там — всего несколько месяцев, наверное?

— Три с половиной месяца с момента вашей отправки, — подтвердил Алексей. — Новая технология якорей синхронизации. Мы вернёмся практически в то же время, из которого ушли. Погрешность — часы, максимум день-два.

— Счастливые вы, — вздохнул Михаил. — А я застрял здесь на долгие зимы. Когда срок мой выйдет, мне уже пятый десяток пойдет, а прошло бы всего полгода. Тело постарело, жизнь прошла, а мир почти не изменился. — Он покачал головой. — Простите. Затмение нашло. К делу надо воротиться.

Он придвинулся ближе к столу, понизив голос, хотя в доме, кроме них и спящих детей, никого не было:

— Всё куда чернее, чем в той весточке, что я подавал прежде, — голос Михаила стал сухим и жестким. — «Новый путь» оскалился, почуял волю. Троих их псов я выследил верно, ещё на двоих тень падает.

— Троих? — переспросил Алексей. — Елена говорила об одном — Гордяте.

— Гордята — здесь верховодит, он — зачинщик. Но с ним работают ещё двое. — Михаил достал из-за пазухи церку (вощеную дощечку) с процарапанными именами. — Первый — Вацлав, торговец из западных славян, моравов. Торгует франкским железом, мехом, янтарем. Человек домовитый, в силе, умеет умаслить нужных людей. Через него Гордята справляет всё дело.

— Торговец-агент, — кивнул Алексей. — Хорошее прикрытие. Объясняет наличие денег, возможность путешествовать, контакты с разными людьми.

— В точку, — согласился Михаил. — Второй — Ольвир, варяг. Но не простой наёмник, а ярл, при нем дружина в двадцать мечей. Числится у старейшин, бережет Ладогу от набегов. А на деле — верные люди Гордяты. — Он посмотрел на Алексея серьезно. — Эти двадцать — тертые бойцы. Могут любого сжить со свету, и никто слова не пикнет. Для всех они — стража, законная защита.

— Понятно, — Алексей делал мысленные заметки. — То есть у «Нового пути» здесь есть политический лидер, финансовый спонсор и военная сила. Полноценная структура для захвата власти или, в данном случае, для блокирования призвания Рюрика.

— Именно так, — подтвердил Михаил. — И дело своё они знают крепко. Последние две седмицы Гордята на каждом торжище смуту сеет против призвания. Мутит народ, твердит, дескать, варяги — чужаки хваткие, в ярмо славян запрягут, в холопов обратят. Позором клеймит: мол, негоже иноземцу кланяться, когда можно своего князя из местных родов на стол посадить.

— И кого он предлагает? — спросила Ярослава. — У славянских родов должны быть достойные кандидаты.

Михаил горько усмехнулся:

— В том и беда. Достойных в достатке, да каждый мнит себя первее прочих. Ни один не поклонится соседу, честь рода не уронит. — Он постучал пальцем по столу. — Местный люд единой руки не знает. Есть старейшины — главы родов, за ними последнее слово в семье. Есть воеводы — их кличут на время сечи или похода. Но чтобы один князь над всеми, да чтобы власть сыну передал — того здесь испокон веков не видывали. Не ложится это им на душу, не по их правде такая власть.

— Поэтому и хотят призвать варяга, — медленно произнёс Алексей, понимая логику. — Чужака, который не связан ни с одним родом, не задолжал никому, не имеет местных амбиций. Нейтральная фигура, которая может встать над всеми.

— Истинно так, — одобрительно кивнул Михаил. — Рюрик — чужак, и в том его сила. Ни один старейшина не почтет за позор поклониться ему. Это не в споре за первенство уступить — это ряд (договор) ради общего мира. Не обидно пойти под варяга, коли он никому здесь не кум и не сват. Это добрый уговор, чтобы распрю унять и по правде жить.

— Но Гордята представляет это как предательство, — добавила Елена, которая всё это время молча слушала. — Как отказ от самостоятельности, как трусость. И многие, особенно молодые воины, слушают его. Потому что он говорит то, что они хотят услышать: «Мы сами справимся, нам не нужны чужаки».

— Популизм, — фыркнул Алексей. — Одинаков во все эпохи. Скажи людям то, что они хотят услышать, и они пойдут за тобой, даже если это ведёт в пропасть.

— Красиво сказано, — заметил Михаил. — Да только беда глубже. Дело в том, что Гордята... — он помедлил, подбирая слова, — ... в чем-то истину говорит. Как Рюрик сядет, так воле местной конец придет. Варяжский род реально всю местную знать под себя помнет, на вторые роли отодвинет. Это не добровольное сотрудничество равных — это начало завоевания, пусть и замаскированное под приглашение.

Тишина сделалась вязкой, липкой — не продохнуть.

— Но без этой силы, — продолжил Михаил тише, — не собрать земли в единый кулак. Так и останутся роды врозь, пока не пожрут друг друга в кровавых распрях или не станут добычей для тех, кто сильнее. Козары с юга, греки из Царьграда, франки с заката — все так и смотрят, как бы эти земли под себя подмять да данью обложить. — Он посмотрел на Алексея. — Не за правду мы стоим. Мы за то, чтобы земля уцелела. Путь этот тяжкий, на крови замешан, да только иного не дано.

Слова эхом отозвались в душе Алексея. Он и сам думал об этом — о моральной двусмысленности их миссии. Защищать становление государства через захват власти иноземцами. Обеспечивать призвание, которое по сути было началом оккупации.

— Наша задача не судить, — сказал он, повторяя слова Ольги. — Наша задача — сохранить то, что было. Даже если это было неправильно с моральной точки зрения.

— Удобно так думать, — Михаил усмехнулся без веселья. — Я и сам себе это каждое утро твержу. Помогает душой не покривиться от того, что творю. Чтобы совесть не загрызла, когда одно думаешь, а другое делаешь.

Они помолчали. Елена встала, принесла ещё воды, разлила по кружкам. Села обратно, обхватив свою кружку обеими руками, словно грелась, хотя в доме было тепло от очага.

— Что говорят местные о самом Рюрике? — спросила Ярослава. — Его происхождение, характер, намерения?

Михаил пожал плечами:

— Немного. Он конунг из рода Инглингов, из знатной северной крови. Не из тех, кто над всеми властвует, — таких там в каждом фьорде по двое, — а из младших сородичей. Воин бывалый, водил дружину в набеги на фризов и земли франков. О нём молва идет — муж правый, но крут на руку, измены и самовольства не спустит. — Он задумался. — По нраву, если верить варяжским гостям на торжищах, он человек с умом, зря мечом не машет. Не за славой пустой гонится. А значит, смекнет: призвание в наши земли — это верный стол и сытое кормление. Это лучше, чем всю жизнь грызться за каждый клочок скалы в северных фьордах, где земля камнем родит, а зимы вечны.

— То есть он согласится прийти? — уточнил Алексей.

— Коли дойдут до него послы да предложат добрый ряд — согласится, и сомневаться нечего, — кивнул Михаил. — Не в его воле заминка. Весь сказ о том — пойдут ли послы вообще. Через две седмицы вече примет решение. И вот тут «Новый путь» бьет в самое сердце.

Он развернул на столе второй кусочек деревянной дощечки, на котором были процарапаны имена:

— Вот те, кто на вече слово молвить будут, — Михаил коснулся дощечки. — Всего двадцать три старца — главы самых сильных родов ильменцев да кривичей, да еще нарочитые мужи от чуди, веси и мери. За призвание сейчас девять голосов. Против — восемь. Еще шестеро в раздумье, на две стороны смотрят. — Он обвёл пальцем несколько имен. — Эти шестеро — корень дела. Куда они склонятся, туда и всё вече пойдет. И Гордята их сейчас в оборот взял, со всех сторон обложил.

Алексей изучал список, пытаясь запомнить имена. Славянские — Радим, Вышата, Добрыня. Финно-угорские — Калев, Элтса, Юмала. Незнакомые, чуждые, но от них зависела судьба цивилизации.

— Какие аргументы использует Гордята? — спросил он.

— Под каждого ключ подобран, — ответил Михаил. — Радиму, что кичится древностью колена своего, в уши льет: «Деды твои и прадеды искони сами себе хозяевами были, неужто ты память их осквернишь, под варяга легши?» Вышате, у которого сына в стычке с находниками убили, на рану сыплет: «Ты убийц крови своей в дом звать собрался? На стол их посадишь?» А Добрыне, что на торгах разжился, обещает куш еще жирнее, коли заморских гостей отвадить. Мол, без варягов весь барыш наш будет, некому в карман лезть.

— А финно-угорским старейшинам? — спросила Ярослава.

— Тем и проще, — вздохнул Михаил. — Им в уши льют: «Славяне с варягами споются, а вас в тень задвинут, под дань тягостную подвяжут». И те опасаются, ясное дело. Да только правда в другом. Пройдет время, и все в одну братчину сольются, где каждому свое место найдется. Чудь, весь да меря со своим укладом останутся, и язык дедов не забудут, но пойдут в одной связке. Одни со славянами породнятся, кровь смешают, другие особняком стоять будут,

но под общей рукой. Торг да общая беда свяжут всех крепче, чем само родство. — Он помолчал. — Здесь искони так: не под пяту друг друга гнать, а миром стоять против лиха. Иначе в этих лесах не выжить.

Алексей кивнул, делая выводы:

— Значит, задача — склонить колеблющихся старейшин к призванию варяга или хотя бы ослабить влияние Гордяты.

— В точку, — подтвердил Михаил. — Да только задача потяжелее, чем на первый взгляд. Гордята не первый месяц землю рыл: где мздой купил, где страхом прижал, где верных людей по всем углам расставил. У нас же — две седмицы в запасе и слава перекати-поля. Мы здесь — люди без роду, без племени, пришлые. С чего бы старейшинам слушать заезжего костоправа да девку с янтарем?

Вопрос был справедливым. Алексей погрузился в раздумья, взвешивая возможности.

— Нужно создать репутацию, — медленно произнёс он. — Я лекарь. Буду лечить людей, помогать, завоёвывать доверие. Если вылечу кого-то из старейшин или их близких — получу доступ, смогу говорить, влиять. Яра торговка. Будет торговать, общаться, слушать сплетни, выявлять слабые места в позиции Гордяты.

— А я? — спросила Елена.

— Ты — наш оплот, надёжный тыл, источник сведений, — ответил Алексей. — Ты здесь четыре года, тебя знают, тебе доверяют. Ты можешь говорить с людьми без опаски. Быть нашими глазами и ушами там, куда нам не проникнуть.

Она кивнула, и в глазах промелькнула благодарность за то, что её не отодвинули в сторону, что она всё ещё нужна.

— Но главное, — продолжил Алексей, — нужно выявить, кто из троих агентов — Архитектор. Или он вовсе четвёртый, затаившийся. Архитектор — разум всего замысла. Обезвредим его — рухнет всё построение.

— Как нейтрализуем? — прямо спросил Михаил. — Убьём?

Вопрос повис в воздухе. Алексей чувствовал, как все смотрят на него, ждут ответа.

Убийство. Они обычно не говорили об этом открыто, но все знали — иногда это единственный выход. Когда агент «Нового пути» слишком опасен, слишком влиятелен, слишком близок к успеху. Когда другие методы исчерпаны.

— Если потребуется, — ответил он наконец, и голос прозвучал ровно, без эмоций. — Но это крайняя мера. Убийство влиятельного человека может вызвать цепь событий, которые мы не контролируем. Междоусобицу, кровную месть, хаос. — Он посмотрел на Михаила. — Сначала попытаемся дискредитировать, скомпрометировать, лишить влияния. Если не получится — тогда да. Устраним.

Михаил медленно кивнул:

— Ладно. С малого начнем. Завтра ты, Алексей, в город подашься. Покажи, на что горазд, поищи, кому помощь лечца надобна — враз слух пойдет. Яра — на торг, янтарем своим торговать да со всяким людом языками зацепляться. Я, как по обычаю, у наковальни встану. Мужики, пока мечи куются, всё нутро нараспашку держат, все тайны выкладывают. Елена — в доме останется, гостей встречать. Пусть с бабами лясы точит, женская молва быстрее ветра летит. — Он встал, потянулся, и суставы хрустнули. — А теперь — на боковую. День впереди долгий, до потёмок не присядем.

Они разошлись по своим углам. Михаил ушёл к себе — оказалось, у него была комната в этом же доме, Елена сдавала ему угол за небольшую плату, часть их совместного прикрытия. Ярославе постелили на лавке у очага. Алексею — в соседней комнате, на охапке соломы, накрытой грубой холстиной.

Он лёг, натянул на себя шерстяное одеяло — колючее, пахнущее овцой и дымом — и попытался заснуть. Но сон не шёл. В голове крутились мысли, планы, сомнения.

Через деревянную стену было слышно, как Елена шепчет что-то детям — видимо, один проснулся, испугался темноты. Её голос был мягким, успокаивающим, материнским. И Алексей с болью вспомнил, как сам так же успокаивал Василису, когда ей снились страшные сны. Как брал на руки, качал, пел колыбельные, которые сам выдумывал на ходу.

Он закрыл глаза, сжал кулаки, заставил себя дышать ровно. Постепенно мысли замедлились, поплыли, потеряли чёткость. Он провалился в беспокойный сон, полный обрывочных образов: Гордята с лицом, скрытым тенью; Рюрик, входящий в Ладогу с дружиной; кровь на снегу; горящие дома; крики; тишина.

Проснулся он от петушиного крика — резкого, пронзительного, бьющего прямо в мозг. Серый рассветный свет сочился сквозь щели в стене. В доме было холодно — очаг за ночь почти погас, остались только угли.

Алексей сел, потянулся, чувствуя, как ноет спина после ночи на жёсткой соломе. Современное тело, за неделю привыкшее к ортопедическим матрасам, протестовало против условий девятого века. Но ничего, привыкнет. Или сломается. Третьего не дано.

Ярослава уже проснулась, сидела на лавке, заплетая волосы в тугую косу. Увидев, что он проснулся, кивнула:

— Доброе утро. Как спалось?

— Отвратительно, — честно ответил он. — Ты?

— Так же. Лавка твёрдая, одеяло кусается, храп Михаила через стену как бензопила. — Она усмехнулась. — Романтика средневековья.

Елена вышла из дальней комнаты, уже одетая, с уставшим лицом:

— Доброе утро. Каши сварила, хлеб есть вчерашний. Быстро ешьте и уходите — людям любопытно, кто у меня ночевал. Чем меньше болтовни, тем лучше.

Они поели быстро — овсяная каша на воде, без соли и масла, кислый ржаной хлеб, вода. Еда была безвкусной, пресной, но горячей и сытной. В этой эпохе не гнались за вкусом — важна была калорийность, способность насытить и дать силы.

Михаил появился, когда они заканчивали. Он выглядел более бодрым, чем вечером:

— Ну что, товарищи по несчастью, готовы окунуться в реалии девятого века?

— Готовы, — Алексей встал, проверяя снаряжение. Сумка лекаря, посох, нож на поясе. Всё на месте. — Куда посоветуешь идти в первую очередь?

— На торг, — ответил Михаил. — Там собирается народ с утра. Увидишь поселение в действии, сориентируешься. И, может, найдёшь первых пациентов. — Он подошёл к двери, приоткрыл, выглянул наружу. — Чисто. Идите. И да помогут вам боги — все, в которых верите.

— Или не верите, — добавила Ярослава, накидывая на плечи дорожный плащ.

Они вышли на улицу, и Ладога ударила им в лицо утренней жизнью.

Поселение просыпалось шумно, деловито, без романтики. Женщины выносили из домов помои, выливая их прямо на улицу — жёлто-коричневая жижа растекалась по земле, создавая зловонные лужи. Мужчины запрягали лошадей в телеги, осыпая их древнеславянской бранью, который был на удивление похож на современный — люди во все эпохи ругались одинаково, меняясь только слова.

Дети носились между взрослыми, гоняя палками обруч или играя в какие-то свои игры. Собаки дрались за кость, рыча и огрызаясь. Свиньи рылись в мусоре, хрюкая довольно. Куры кудахтали, разбегаясь из-под ног редких прохожих.

Воздух был густым от запахов — дым, рыба, человеческий пот, навоз, моча, гниющие отбросы, и над всем этим — солёный речной запах Волхова.

Алексей и Ярослава шли по улице, стараясь не наступать в лужи и кучи навоза, привлекая любопытные взгляды. Чужаки всегда заметны, особенно в небольшом поселении, где все друг друга знают в лицо.

— Откуль будете? — окликнула их старуха, сидевшая на пороге своей избы и выковыривавшая из скорлупы лесные орехи.

— С полудня (юга), бабушка, — ответил Алексей, останавливаясь. — Из самой Корсуни идем, дорога долгая была, через пороги да перекаты.

— Ишь, за море к грекам занесло, — прошамкала старуха, недоверчиво прищурившись. — Чё ищете в Ладоге? Аль тут мёдом намазано?

— Я лекарь, — Алексей приподнял сумку, в которой глухо звякнули снадобья. — Хвори выгоняю, кости правлю, раны зашиваю. А это, — он кивнул на Ярославу, — торговка янтарём. «Солнечный камень» на серебро менять пришла.

— Лекарь, стало быть? — Старуха оценивающе оглядела его. — Ведунья у нас своя имеется, Малуша. Старая, злая, зато силу знает. С ней не поспоришь.

— Зачем спорить, — улыбнулся Алексей. — У хвори зубов много, на всех хватит.

— Это правда, — вздохнула старуха. — Сын мой, Ратмир, ногу об бревно раздробил месяц назад. До сих пор прихрамывает, по хозяйству не помощник. Малуша говорит — кость неправильно «схватилась», так теперь и вековать хромым.

— Глянуть можно, — предложил Алексей. — Если криво срослось — перешибить придётся, по-новому уложить да в лубки забить. Покричит, зато к зиме на обе ноги встанет.

— Ломать кости заново, — старуха покачала головой. — Ратмир не согласится, побоится.

— Если передумает — скажи, где меня можно найти, — Алексей махнул старухе рукой, и они с Ярославой двинулись дальше по узкой улочке, петлявшей между приземистыми домами.

Навстречу им шли группы варягов — рослые, светловолосые, с заплетенными в косички бородами, в хорошо выделанных кожаных куртках и штанах, с боевыми топорами за широкими поясами. Они переговаривались на своем гортанном наречии, громко смеялись, дружески толкали друг друга в плечи, довольные удачной торговлей.

Алексей и Ярослава обогнали медленно бредущих славянских торговцев — те, сгорбившись под тяжестью, тащили на спинах мешки с зерном, от которых шел сладковатый запах свежемолотой ржи. Чуть поодаль шагал финн-охотник — смуглый, скуластый, с раскосыми глазами, перебрасывая с плеча на плечо вязанку соболиных шкур, поблескивающих глянцевым мехом в лучах утреннего солнца.

Они миновали женщину средних лет, которая вела за руку девочку лет десяти, одетую в платье голубого цвета с красной вышивкой по подолу — такую одежду могли позволить себе только в богатых семьях, где не жалели серебра на привозные красители и тонкую работу искусных мастериц.

И вот, наконец, улочка расширилась, деревянные постройки расступились, и перед ними раскрылась просторная торговая площадь, гудящая сотнями голосов.

Это была неровная утоптанная земля размером с футбольное поле, окружённая со всех сторон деревянными постройками — лавками, складами, мастерскими. В центре площади стояли ряды деревянных столов и прилавков, за которыми торговцы раскладывали товар, зазывая покупателей.

Шум стоял невообразимый. Десятки голосов кричали одновременно на разных языках — славянском, скандинавском, финском, тюркском, даже арабском. Торговались, ругались, смеялись, клялись богами, обвиняли друг друга в мошенничестве.

Пахло всем сразу — рыбой свежей и вяленой, мехами, дёгтем, кожей, железом, пряностями, потом, грязью, дымом от готовящейся на углях еды.

Товар был разнообразным до невероятности. На одном прилавке лежали франкские мечи — длинные, с широкими клинками, с надписями на латыни вдоль долов. На другом — меха: соболь, куница, белка, медведь. На третьем — янтарь всех оттенков, от бледно-жёлтого до насыщенно-коричневого. Дальше — арабское серебро, византийские шёлка, стеклянные бусы, керамика, соль, мёд, воск.

Алексей остановился на краю площади, просто наблюдая, впитывая атмосферу. Это было живое сердце торгового пути из варяг в греки. Здесь встречались север и юг, восток и запад, смешивались культуры и языки, заключались сделки, которые меняли судьбы.

И где-то здесь, среди этой толпы, были агенты «Нового пути», которые хотели всё это уничтожить, стереть из истории, заменить на другую реальность.

— Впечатляет, — тихо сказала рядом Ярослава. — Видеть это вживую, а не в виртуальной реконструкции.

— Да, — согласился Алексей. — И пугает. Понимаешь, что от нас зависит, будет ли всё это существовать дальше или исчезнет.

— Тогда нужно не облажаться, — решительно сказала она. — Иди, ищи пациентов. Я пойду продавать янтарь, слушать, о чём говорят. Встретимся вечером у Елены.

— Договорились. Будь осторожна.

— И ты.

Они разошлись. Ярослава направилась к рядам с украшениями и тканями, где торговали в основном женщины. Алексей пошёл вглубь площади, высматривая место, где можно было бы устроиться.

Нашёл свободное пространство у края, недалеко от лавки, где торговали керамикой. Поставил сумку на землю, воткнул посох рядом, чтобы обозначить место, и громко, на древнеславянском с лёгким южным акцентом, объявил:

— Люди добрые! Лекарь я, странствующий! Учился у греков в Корсуни, у арабов на Волге! Лечу раны, вправляю кости, изгоняю хворь из тела! Первого пациента — даром, чтобы видели мастерство! Кто страждет — подходи!

Несколько человек обернулись, оглядели его с любопытством. Но никто не подходил. Недоверие к чужаку, к незнакомцу, который вдруг объявился и предлагает лечить.

Алексей повторил своё объявление. Потом ещё раз. Народ слушал, но не реагировал.

И тут из толпы вышел мужчина — лет сорока, крепкого сложения, с перевязанной грязной тряпкой рукой. Лицо серое от боли.

— Ты лекарь, говоришь? — спросил он хрипло.

— Да, — кивнул Алексей. — Что с рукой?

— Порезался три дня назад, — мужчина размотал тряпку, и Алексей едва сдержал гримасу.

Рана на предплечье — глубокая, рваная, уже начинающая гноиться. Края воспалённые, красные, распухшие. Из самой раны сочится желтоватая жидкость с примесью крови. Запах — сладковато-гнилостный, характерный для начинающейся инфекции.

Без лечения — через неделю гангрена, потом ампутация или смерть.

— Больно? — спросил Алексей, осторожно ощупывая края раны.

— Ага, — сквозь зубы процедил мужчина. — И жар идёт, ночью не спал, лихорадило.

Инфекция уже в крови. Нужно действовать быстро.

— Лечить буду, — объявил Алексей. — Но больно будет. Очень больно. Терпеть сможешь?

— Смогу, — твёрдо ответил мужчина. — Только вылечи. Мне работать надо, семью кормить.

— Хорошо. Сядь здесь, на землю. Руку положи на мою сумку, чтобы не двигалась.

Мужчина послушно сел. Вокруг начала собираться толпа — человек двадцать, любопытных, желающих посмотреть на работу чужеземного лекаря. Алексей не обращал на них внимания, полностью сосредоточившись на пациенте.

Достал из сумки флакон с крепким настоем зверобоя на спирту, чистую ткань, острый нож, щипцы, иглу с ниткой из овечьих кишок.

— Сейчас буду промывать, — предупредил он. — Жечь будет адски. Кричи, если надо. Не стыдно.

— Давай, — мужчина закусил губу.

Алексей щедро полил рану настойкой. Мужчина взвыл — настолько резко вскрикнул, что Алексей вздрогнул. Но продолжил промывать, смывая гной, кровь, грязь, очищая рану до живого мяса.

Потом взял нож — тонкий, острый, стерилизованный в кипятке перед выходом — и начал вырезать мёртвую, некротизированную ткань по краям раны. Это было необходимо — оставить гниль означало дать инфекции распространиться дальше.

Мужчина кричал. Вокруг толпа ахала, кто-то отворачивался, кому-то становилось плохо. Но Алексей работал быстро, точно, с уверенностью хирурга, который знает, что делает.

Вырезал мёртвое. Промыл снова. Наложил швы — аккуратные, частые, с равными промежутками, как учили на курсах. Перевязал чистым бинтом, смоченным в травяном настое.

— Готово, — объявил он, вытирая руки. — Повязку менять каждый день. Промывать вот этим, — протянул маленький флакон с настойкой. — Если покраснение не спадёт через три дня или усилится — приходи снова. И не мочи рану неделю.

Мужчина смотрел на перевязанную руку с изумлением:

— Ты... ты ведун?

— Нет, что ты, — усмехнулся Алексей. — Просто лекарь, который учился у добрых мастеров. — Он поднялся. — Ступай. И помни — первое врачевание даром. Коли придёшь снова — плата будет.

— Спасибо, лекарь, — мужчина поднялся, неловко поклонился. — Велес тебе в помощь. И пусть боги хранят твои руки.

Он ушёл, а толпа зашумела, обсуждая увиденное. Алексей слышал обрывки разговоров:

— Видел, как резал? Без дрожи в руках!

— Говорит, у греков учился. Греки знают, что мы не знаем.

— Может, правда ведун? Обычный лекарь так не сделает.

Хорошо. Первый пациент успешно обработан, репутация начинает создаваться. Теперь появятся и другие.

И действительно, через несколько минут к нему подошла женщина с ребёнком лет пяти на руках. Мальчик плакал, держась за ухо:

— Лекарь, помоги! Ухо болит третий день, не спит, кричит. Знахарка говорит — злой дух в ухо забрался, окуривала дымом, не помогло.

Алексей осмотрел ребёнка. Классический средний отит — воспаление среднего уха. Без антибиотиков вылечить сложно, но можно облегчить состояние.

Закапал в ухо тёплое масло с экстрактом ромашки. Дал матери травяной сбор для питья — противовоспалительный. Объяснил, как прогревать сухим теплом.

— Через два дня станет легче, — пообещал он. — Если не поможет — приходи снова.

Потом был старик с болью в суставах — артрит, неизлечимый, но можно облегчить мазями и компрессами. Потом девушка с гнойным нарывом на пальце — вскрыл, промыл, забинтовал. Потом, потом, потом.

К полудню он принял двенадцать человек. Слава о странствующем лекаре, который творит чудеса, начала расползаться по Ладоге.

И Алексей знал — это только начало. Впереди было две недели, за которые нужно было завоевать доверие торжища, получить доступ к влиятельным людям, переломить ход истории.

Работа, которая определит судьбу цивилизации.

Солнце стояло в зените, когда Алексей решил сделать перерыв. Руки устали от постоянной работы, спина ныла от непривычной позы — приходилось склоняться над каждым паци-

ентом, сидящим на земле. Запасы некоторых трав в сумке заметно уменьшились. Нужно было пополнять или экономить до следующего сброса припасов.

Он поднялся, потянулся, разминая затёкшие мышцы, и огляделся по сторонам. Торговая площадь по-прежнему кипела жизнью, но характер её изменился. Утренняя спешка сменилась неторопливым полуденным торгом. Многие торговцы сидели в тени своих навесов, потягивая квас или брагу, лениво переговариваясь с покупателями.

Ярославу он заметил у дальнего ряда, где торговали тканями и украшениями. Она сидела на низкой скамейке рядом с пожилой женщиной в богатой одежде, явно из знатного рода — льняное платье хорошей выделки, окрашенное в дорогой красный цвет, серебряные фибулы на плечах, бусы из настоящего стекла. Ярослава что-то рассказывала, женщина слушала, кивала, смеялась.

«Работает, — подумал Алексей с одобрением. — Налаживает контакты, завоёвывает доверие. Через таких знатных женщин можно выйти на их мужей — старейшин, влиятельных людей».

Желудок напомнил о себе голодным урчанием. Алексей вспомнил, что ел последний раз утром, и то впопыхах. Нужно было найти что-нибудь съестное.

Он пошёл вдоль рядов, высматривая торговцев едой. Нашёл невысокого славянина с лотком, на котором лежали лепёшки — плоские, пресные, испечённые на углях.

— Почём лепёшка? — спросил Алексей.

— Две куны, — ответил торговец, оценивающе оглядывая его. Куна — мелкая денежная единица — шкурка куницы.

Алексей достал из кошелька две мелкие монеты — византийские фоллисы, которые здесь охотно принимали. Торговец взял, прикусил одну зубами, проверяя подлинность, кивнул удовлетворённо и протянул лепёшку.

Она была тёплой, грубой, жёсткой, с привкусом золы от углей. Но съедобной. Алексей жевал, запивая водой из своей фляги, и наблюдал за площадью.

Движение народа создавало постоянный фоновый гул — голоса, смех, ругань, скрип телег, лай собак, ржание лошадей. Над всем этим стоял густой запах немытых тел, дыма, готовящейся еды, речной воды, конского навоза.

И вдруг гул изменился. Стал тише, настороженнее. Люди начали расступаться, освобождая проход через центр площади.

Алексей повернулся, чтобы посмотреть, что вызвало такую реакцию.

Через площадь шла группа мужчин — человек десять. Впереди — высокий славянин лет тридцати пяти, в богатой одежде: льняная рубаха с вышивкой по вороту и рукавам, штаны из хорошей шерсти, сапоги из мягкой кожи, подпоясанный широким поясом с серебряной пряжкой. На поясе — меч в ножнах, украшенных серебряными накладками, и длинный нож. Плащ из дорогой ткани, скреплённый на плече массивной фибулой с чернением.

Лицо было властным, красивым суровой северной красотой — резкие скулы, прямой нос, твёрдый подбородок, светлые глаза под тёмными бровями. Волосы русые, длинные, убранные назад и перехваченные кожаным шнуром. Борода аккуратно подстрижена.

Вид человека, привыкшего командовать и быть услышанным.

За ним шли воины — крепкие мужики в кольчугах и кожаных панцирях, с топорами и мечами, с круглыми деревянными щитами за спинами. Варяжская дружина, но под командой славянина.

Алексей почувствовал, как внутри всё сжалось в тугой узел. Интуиция, наработанная годами полевой работы, подсказывала: это он. Гордята. Агент «Нового пути». Возможно — сам Архитектор.

Группа прошла через площадь, не останавливаясь, направляясь к северному краю, где стояло крупное здание — больше похожее на небольшую крепость, чем на дом. Массивные брёвна, двухэтажная конструкция, башня на углу, частокол вокруг.

— А это кто таков? — как бы невзначай бросил Алексей, обращаясь к стоявшему рядом мужчине, неспешно жующему лепёшку, хотя ответ уже знал наперёд.

— Гордята Вацлавич, из рода кривичей, — отозвался тот, отряхивая крошки с бороды. — Знатный воевода, богатырь душой и казной. Влиянием своим половину веча держит. Сказывают, в жилах его течёт кровь самого Вацлава, что княжил у западных славян. — Он склонился ближе и понизил голос до шёпота. — Силён он. За ним люди идут как за огнём в ночи. Ратует, чтоб славяне землями своими сами правили, без чужаков-варягов.

— И ты согласен с ним? — осторожно спросил Алексей.

Мужчина пожал плечами:

— Не знаю. С одной стороны — он прав. Зачем нам варяги? Пусть воюют в своих землях, а мы сами справимся. С другой... — он замялся, подбирая слова. — Без сильной власти у нас усобицы, грабежи, хаос. Каждый род тянет на себя. Нужен кто-то, кто встанет над всеми, наведёт порядок. А кто? Если из своих — опять грызня. Кого ни выбери — остальные не согласятся.

— Поэтому и зовут варяга, — догадался Алексей. — Чужака, который ни одному роду не обязан.

— Говорят, так, — кивнул мужчина. — Вече через две недели решит. Призывать Рюрика или нет. Старейшины голосовать будут. — Он посмотрел на Алексея. — А ты кто таков?

— Лекарь из Корсуни.

— Правда, что ль? — мужчина поднял брови в удивлении.

— Во истину, — подтвердил Алексей. — Долго шёл на север. Слышал, что в Ладоге торговля богатая, люди достаточные, работа для лекаря найдётся.

— Найдётся, — согласился мужчина. — Больных много, а толковых лекарей мало. Знахарка Ядвига старая, руки дрожат. Монах Феодор есть, но он только молитвами лечит да травами простыми.

Мужчина хотел что-то ещё сказать, но его окликнули с другого конца площади — женский голос, властный и нетерпеливый. Он вздохнул:

— Жена зовёт. Работать надо. Ещё увидимся, лекарь.

Мужчина кивнул и ушёл. Алексей допил воду из фляги, задумчиво глядя на дом Гордяты. Нужно было познакомиться с этим человеком, поговорить, оценить. Понять, кто он на самом деле — просто талантливый местный политик или агент из будущего.

Но как подойти? Просто прийти и представиться? Слишком прямолинейно, вызовет подозрения. Нужен предлог, естественный повод для встречи.

«Буду ждать, — решил Алексей. — Рано или поздно появится возможность. Или создам её сам».

Он вернулся к своему месту на краю площади, где оставил сумку и посох, и снова начал принимать пациентов. Слух о чужеземном лекаре распространялся, и людей становилось всё больше.

К середине дня он вылечил уже двадцать человек. Раны, нарывы, боли в животе, детские болезни — весь спектр того, с чем сталкивался человек девятого века, живущий в антисанитарии, без медицины, полагающийся только на собственный иммунитет и везение.

Некоторые случаи были простыми — промыть рану, наложить бинт, дать травяной сбор. Другие — сложнее. Одной женщине пришлось удалять гнилой зуб — без анестезии, просто щипцами, быстро и жёстко, пока она кричала и извивалась. Мужчине с вывихнутым плечом — вправлять сустав, резким точным движением, через боль и сопротивление мышц.

Каждый раз, работая, он чувствовал себя на своём месте. Не Хранителем, играющим роль. А настоящим лекарем, помогающим людям, облегчающим страдания.

«Может, в этом смысл, — мелькнула мысль. — Не в защите истории, не в выполнении миссий. А в помощи конкретным людям здесь и сейчас. Даже если они жили тысячу лет назад. Даже если они давно мертвы в моём времени. Здесь, в этом моменте, они живы. И я могу им помочь».

Солнце клонилось к закату, когда к нему подошёл человек, который выделялся из толпы.

Невысокий, плотного сложения, с круглым лицом и маленькими умными глазками. Одет богато, но без излишеств — добротная шерстяная одежда, хорошие сапоги, серебряная цепь на шее. В руках — посох путника, но не простой, а украшенный резьбой.

— Ты лекарь, что из Корсуни пришёл? — спросил он на славянском с лёгким западным акцентом.

— Да, — Алексей поднялся навстречу. — А ты?

— Вацлав я, — представился тот. — Торгую мехами, оружием, янтарём. Слышал о тебе — говорят, руки золотые, лечишь то, что другие не могут. — Он оценивающе оглядел Алексея. — Нужен мне хороший лекарь. Для дела важного.

Алексей напрягся. Вацлав — второй агент «Нового пути», по данным Михаила. Купец, через которого Гордята финансируется.

— Какое дело? — спросил он нейтрально.

— У Гордяты Вацлавича, воеводы, дочь хворает, — объяснил Вацлав. — Третий день лихорадка, кашель, слабость. Знахарка лечила — не помогло. Монах молился — толку нет. Гордята готов хорошо заплатить тому, кто вылечит. — Он сделал паузу. — Серебром. Много серебра.

Ловушка или возможность? Алексей не мог решить. С одной стороны, это шанс попасть в дом Гордяты, увидеть его вблизи, может быть, поговорить. С другой — слишком удобно. Слишком вовремя.

Но отказаться означало упустить возможность, которая может не представиться снова.

— Приду, — решил он. — Когда нужно?

— Сейчас, — коротко ответил Вацлав. — Девочке плохо, Гордята волнуется. Идём.

— Сейчас не могу, — Алексей указал на нескольких человек, сидящих в ожидании своей очереди. — Люди ждут, обещал помочь. Дай закончить — приду.

Вацлав нахмурился, явно недовольный отказом, но кивнул:

— Хорошо. Но быстро. Дом Гордяты знаешь?

— Видел. Большой, на северном краю площади.

— Тот самый. Приходи, как освободишься. Скажешь охране, что Вацлав звал. Пропустят.

Он развернулся и ушёл, и Алексей проводил его взглядом, думая. Это могло быть началом чего-то большого — или ловушкой, из которой не выбраться.

Но выбора не было. Миссия требовала идти на риск.

Он быстро принял оставшихся пациентов, собрал вещи и направился к дому Гордяты. Солнце уже касалось горизонта, окрашивая небо в оттенки красного и оранжевого. Длинные тени легли на улицы Ладоги.

У ворот дома стояли двое охранников — варяги в кольчугах, с секирами наперевес. Они преградили Алексею путь, скрестив оружие:

— Стой! Кто такой?

— Лекарь Лечец. Вацлав звал, дочь Гордяты лечить.

Охранники переглянулись. Один кивнул:

— Жди.

Он скрылся за воротами. Второй стоял, не сводя с Алексея настороженного взгляда. Несколько минут тянулись мучительно долго.

Наконец первый вернулся:

— Проходи. Оружие оставь.

— Нож при мне, — возразил Алексей. — Лекарю он нужен. Для работы.

— Оружие оставь, — повторил охранник жёстче. — Или не войдёшь.

Спорить было бессмысленно. Алексей расстегнул пояс, снял нож в ножнах, протянул охраннику.

Алексей прошёл через ворота во двор. Большой, вымощенный деревянными плахами, с несколькими постройками — главный дом, баня, амбар, конюшня. Во дворе сновали слуги, готовили ужин на очаге под навесом, таскали воду из колодца.

К нему подошёл мужчина лет пятидесяти, в простой, но чистой одежде — управляющий или старший слуга:

— Лекарь?

— Да.

— Следуй за мной.

Они вошли в главный дом. Внутри было на удивление просторно и богато для этого времени. Деревянный пол, покрытый коврами — не простыми тряпками, а настоящими восточными коврами, привезёнными откуда-то издалека. Стены украшены оружием — мечами, щитами, копьями. Очаг в центре большой залы, над ним — котёл на цепи. Лавки вдоль стен, стол массивный дубовый.

Богатство, демонстрация власти и статуса.

Управляющий провёл его через залу к лестнице, ведущей на второй этаж. Поднялись. Узкий коридор, несколько дверей. Одна была открыта, оттуда доносился детский кашель — надрывный, болезненный.

— Здесь, — управляющий указал на открытую дверь.

Алексей вошёл в небольшую комнату, освещённую несколькими лучинами. На широкой лавке, застеленной мехами, лежала девочка лет восьми. Лицо красное от жара, волосы мокрые от пота, глаза блестящие от лихорадки. Она кашляла, тело сотрясалось от спазмов.

Рядом сидела женщина лет тридцати, в богатом платье, с заплаканным лицом. Мать, очевидно. И стоял Гордята.

Он повернулся, услышав шаги, и колючие светлые глаза впились в Алексея:

— Ты лекарь?

— Да, господин, — Алексей поклонился, как того требовал этикет эпохи. — Лечец я, из Корсуни. Вацлав звал, сказал, дочь твоя хворает.

— Хворает, — глухо подтвердил Гордята. — Третий день. Лихорадка, кашель, не ест, не пьёт. Знахарка лечила — хуже стало. — В голосе прорывалась боль, которую он с трудом сдерживал. — Вылечи её. Сколько нужно серебра — скажи. Всё отдам, только вылечи.

Алексей подошёл к лавке, опустился на колени рядом с девочкой. Осторожно коснулся лба — горячий, почти обжигающий. Прощупал лимфоузлы на шее — увеличенные. Послушал дыхание — хриплое, с булькающими звуками в лёгких.

Пневмония. Воспаление лёгких, скорее всего бактериальное. Без антибиотиков смертность — около пятидесяти процентов. С антибиотиками — почти нулевая.

У него они были в аптечке. Из будущего, в виде раствора в глиняных флакончиках, спрятанные в сумке среди обычных настоек и снадобий. Использовать их — рискованно. Слишком эффективны, могут вызвать подозрения.

Но и не использовать — значит, дать ребёнку умереть. А это означало потерять доверие Гордяты, упустить возможность влияния.

Решение нужно было принимать быстро.

— Могу вылечить, — сказал он, поднимаясь. — Но нужно время. Три дня, может, больше. И лекарства мои — дорогие, редкие, привезённые из дальних земель.

— Сколько? — коротко спросил Гордята.

— Десять гривен серебра, — назвал Алексей сумму, которая была значительной, но не запредельной для богатого человека.

Гордята даже не поморщился:

— Будет. Половину сейчас, половину когда вылечишь.

— Согласен, — кивнул Алексей. — Но есть условие. Я остаюсь здесь, в твоём доме, пока девочка не выздоровеет. Рядом с ней. Днём и ночью. Лечение требует постоянного присмотра.

Гордята задумался, изучая Алексея взглядом, в котором читалась холодная оценка. Человек, привыкший взвешивать риски, просчитывать ходы.

— Хорошо, — согласился он наконец. — Останешься. Дам комнату, еду, всё, что нужно. Но если она умрёт... — голос стал тише, жёстче, — ...ты не выйдешь из этого дома живым.

— Понял, — Алексей держал взгляд. — Но она не умрёт. Обещаю.

Обещание, которое он не имел права давать. Но дал. Потому что нужно было завоевать доверие. Потому что это был шанс.

— Начинай, — Гордята сделал шаг назад, освобождая место. — Делай, что нужно.

Алексей достал из сумки современную аптечку, спрятанную в деревянном ящичке, неотличимом от тех, что делали местные мастера. Внутри — флаконы с антибиотиками, жаропонижающими, противовоспалительными. Всё замаскировано под обычные травяные настойки.

Взял антибиотик широкого спектра эффективный против большинства бактериальных инфекций. Отмерил детскую дозу в деревянную ложку, разбавил водой.

— Это лекарство из арабских земель, — объяснил он, обращаясь к матери. — Очень сильное. Убивает хворь в теле. Нужно давать три раза в день, каждый день, пока не закончится. Даже если девочке станет лучше — продолжать давать. Понятно?

Мать кивнула, вытирая слёзы:

— Понятно. Буду давать.

— Открой рот, солнышко, — ласково сказал Алексей девочке.

Она послушно открыла, и он влил лекарство. Девочка поморщилась — горькое — но проглотила.

— Хорошая девочка, — похвалил он. — Сейчас ещё дам питьё, чтобы жар сбить.

Жаропонижающее — парацетамол в сиропе. Тоже из современной аптечки. Девочка выпила, скривилась, но не выплюнула.

— Теперь она должна спать, — сказал Алексей, поднимаясь. — Сон — лучшее лекарство. К утру жар спадёт, станет легче. Но лечение нужно продолжать три дня минимум.

— Будет так, как ты сказал, — Гордята положил тяжёлую руку ему на плечо. — Спасибо, лекарь. Если вылечишь — буду должен. А я долги плачу.

Обещание, которое стоило многого. Алексей кивнул:

— Постараюсь.

Гордята вышел из комнаты, жестом приказав управляющему остаться. Тот подошёл к Алексею:

— Тебе выделят комнату напротив. Если что нужно — зови, я рядом. Ужин принесут позже.

— Спасибо.

Управляющий тоже вышел, оставив Алексея наедине с девочкой и её матерью. Женщина смотрела на него с благодарностью и надеждой:

— Ты правда можешь вылечить?

— Могу, — уверенно ответил он. — Видел такие хвори много раз. Знаю, как лечить. Главное — не прерывать лечение, давать лекарства вовремя.

— Буду давать, — пообещала она. — Только бы выздоровела. Она у меня одна. Двое других умерли малыми. Если и эта... — голос сломался.

Алексей молча сжал её руку — жест утешения, понимания. В этой эпохе детская смертность была чудовищной. Из пяти рождённых до взрослого возраста доживали один-два. Болезни, голод, несчастные случаи выкашивали детей безжалостно.

Но эту он спасёт. Потому что может. Потому что у него есть знания и средства из будущего.

И потому что, спасая её, он получит доступ к её отцу — человеку, который, возможно, был Архитектором, мозгом операции «Нового пути».

Работа и милосердие сплелись в неразличимый узел. И Алексей не мог сказать, что важнее.

Ночь в доме Гордяты была беспокойной. Алексей спал урывками в выделенной ему комнате — маленькой, но чистой, с настоящей ложем, а не соломой на полу. Роскошь по меркам эпохи.

Несколько раз за ночь он вставал, проверял девочку. Мать дремала рядом, не уходя ни на минуту. Он мерил температуру — прикладывая ладонь ко лбу, других способов не было. Слушал дыхание. Давал пить воду с мёдом.

К утру жар действительно спал. Девочка спала спокойнее, дыхание стало ровнее, кашель реже. Антибиотики работали.

Когда рассвело, в комнату вошёл Гордята. Выглядел он так, будто не спал всю ночь — лицо осунувшееся, глаза красные, но взгляд острый, изучающий.

— Какова она? — спросил он тихо, чтобы не разбудить дочь.

— Отлегло, — ответил Алексей. — Жар отступил, грудью дышит ровно, не хрипит. Еще две зари покоя да лечебного питья — и на ноги встанет, словно и не хворала.

Гордята подошёл к лавке, осторожно коснулся лба дочери. Убедился, что он действительно холоднее. На лице мелькнуло облегчение — короткое, быстро скрытое, но Алексей успел заметить.

Человек. Не монстр, не бездушный агент из будущего. Отец, переживающий за дочь. Человек, способный любить, бояться, страдать.

И это делало задачу сложнее. Проще было бы бороться с врагом-чудовищем. Но враг оказался человеком, у которого были свои причины делать то, что он делал.

— Благодарствуй, — коротко обронил Гордята, выпрямляясь. Мозолистая ладонь легла на плечо Алексея — не придавила, но веско признала силу. — Зря я на тебя волком смотрел. Истинно, знающий ты муж.

— У мастеров справных знания перенимал, — отозвался Алексей, не отводя глаз.

— Пойдем, преломим хлеба, — Гордята прищурился, и в зрачках его вспыхнуло живое, колючее любопытство, — покуда дочка в забытьи. Потолкуем. Любо мне послушать, чем мир дышит. Ты по дорогам пыль пообббивал, много диковин зрел.

Приглашение, которое было одновременно и допросом. Гордята хотел узнать больше о незнакомом лекаре, который вдруг появился в городе. Естественная осторожность. Или подозрение?

Они спустились в большую залу. За столом уже сидели несколько человек — Вацлав-торговец, двое варяжских воинов из дружины, пожилой славянин с лицом, изборождённым шрамами.

Гордята сел во главе стола, жестом указав Алексею место справа от себя — почётное, для уважаемого гостя:

— Ешь. В моём доме гостя не обидят.

Хозяин придвинул к Алексею большое блюдо с пареной репой и куском запеченного сига. В горнице пахло дымом и свежевыпеченным хлебом. Воевода плеснул в две деревянные чаши густого овсяного кваса.

— Сказывали заезжие гости, — начал Гордята, ломая горбушку, — будто у ромеев в Царьграде стены медью обшиты, а по морю бегают лодки, что огнем плюются. Врут, поди? Как можно воду пламенем жечь?

Алексей помедлил, вспоминая учебники истории и химические формулы, спрятанные за личиной греческого знания.

— Не врут, воевода. Зрят они в корень земных сил. Есть у них «морской огонь» — варят его из смолы черной, серы да селитры. Такую ярь водой не зальешь — она на волнах плавает и дерево ест, аки голодный волк. А стены… Стены каменные, да высоки так, что облака за зубцы цепляются.

Гордята замер с куском хлеба у рта. В глазах его отразилось суеверное почтение — и тайный страх.

— Огонь, что на воде живет… — пробасил он. — Страшно то, лекарь. Коли такая сила на Ладогу пойдет — прахом всё в одну зарю обернется. А рыцари их? Слыхал, будто куют они коней в железо с копыт до ушей, и всадники в стальных коконах сидят, мечом не достать?

— Бывает и так, — кивнул Алексей, пригубив квас. — Только конь под таким железом быстро выдыхается, а в лесу славянском такому всаднику и вовсе хода нет — меж сосен завязнет, точно жук в смоле. Сила их в поле чистом велика, а здесь, в дебрях, один твой лучник из кустов десятерых таких «железных» положит.

Гордята хлопнул ладонью по столу и коротко, одобрительно хохотнул:

— Любо! Вижу, зорко ты глядел, лекарь. Не только хвори зрил, но и к силе присматривался. Добро это.

Они ели некоторое время молча. Потом Гордята спросил, как бы невзначай:

— Молвишь, в Корсуни обретался. А допрежь того? Чьего корня будешь?

— С юга я, — уклончиво отозвался Алексей. — Из краев, где солнце кости греет, а море синью слепит. Батюшка с матушкой рано в сырую землю легли. Взял меня на выучку ромейский знахарь, выкормил, ремеслу наставил.

Сказ был ладный, шитый крепкой нитью — поди проверь, коли берега те за тридевять земель остались.

— И потянула тебя нелегкая на север? — прищурился Гордята. — Чудно то для южного мужа.

— Мир поглядеть охота была, — повел плечом Алексей. — Учитель мой говаривал: добрый лекарь должен всякие земли выходить, всякие племена вызнать да всякие хвори пересилить. Иначе ум твой — как колодец узкий: глубоко зрит, да кругом не видит.

— Мудро мыслил твой старик, — веско качнул головой воевода. — И я того же чина держусь. Велик свет под богами, негоже на одном пепелище вековать да мнить, что всё ведаешь. — Он приложился к ковшу. — Сам я немало дорог стоптал. У франков хаживал, у саксов сталь на сталь пробовал, на Волге-реке с булгарами торг вел, у ромеев в Царьграде дивам дивился.

— И какую же правду в тех краях высмотрел? — спросил Алексей, чуя, что беседа к самому корню подходит.

— Что сила — в одном кулаке, — отчеканил Гордята, и голос его налился свинцом. — Франк потому крепок, что под конунгом своим в единую стаю сбился. Булгар потому силен, что хан у них — голова всему телу. У ромеев — царь-кесарь. А мы, словени? — Он обрушил кулак на стол, так что чаши подпрыгнули. — Врассыпную живем. Каждое племя — само по себе. Каждый род в свою нору гребет. И что с того? Всякий нас щиплет. Варяг из-за моря грабит, хазарин данью душит… Нет в нас лада, оттого и чести мало.

— Потому и кличут варяга на стол, — осторожно закинул удочку Алексей. — Слыхал я, вече про Рюрика скоро зарок положит.

Лицо Гордяты потемнело, точно грозовая туча на солнце набежала:

— Кликать-то кличут. Да только кривда это. Беда великая, что на всех нас черным саваном падет.

— Отчего так? — Алексей изобразил искреннее любопытство. — Коли нужен вождь крепкий, а свои промеж собой лада не найдут — чем чужак плох?

— Тем, что чужаку до боли нашей дела нет! — В голосе Гордяты полыхнула ярая страсть, вера в свою правду. — Он о себе печься станет, о гриднях своих, о корне варяжском. Мы для него — жила, из которой соки тянуть можно. Опутает данью, аки паук муху. Отнимет лучшие пашни да выгоны для своих псов. Подмять под себя хочет мужей именитых, волю нашу в пыль втереть. — Он впился взглядом в Алексея. — Ты в Царьграде бывал? Зрел, как там кесари правят? Кесарь — бог, а прочие — прах под копытами его коня. Такое же ярмо и здесь куется, коли Рюрика на порог пустим.

— Но без твердой руки — свара без конца, — возразил Алексей, нарочно подливая масла в огонь. — Сами друг друга перегрызете, татям на радость. Ты же сам молвил — сила в одном кулаке.

— Своих в кулак сбить надо, не пришлых! — Гордята рявкнул так, что пламя свечи метнулось в сторону, но тут же усмирил гнев. — Да, вождь надобен. Но из нашего корня! Словенин должен словенами рядить. Найдем в своих родах мужа крепкого, правого, пред кем иные колено склонят.

— Кого? — в лоб спросил Алексей, не давая воеводе уйти в красивые речи. — Назови имя. Знаешь хоть одного, кому все роды без драки поклонятся?

Гордята осекся. В полумраке избы Алексей увидел, как по лицу воеводы полоснула тень — горькая, злая беспомощность. Ответа не было.

— Сыщем... — выдавил он наконец, но голос прозвучал глухо, без прежней стали. — Сговоримся. Как-нибудь. Но хоть попытать долю должны, прежде чем шею под варяжское ярмо подставлять.

— Пытали уже, — подал голос Вацлав, всё это время тенью сидевший в углу. — Две зимы пытали. И что с того? Кровь ручьями, пепелища да вдовьи слезы. Род на род с ножом идет, племя племени ворогом стало. Допытались до того, что тех самых варягов, коих взашей погнали, теперь назад на коленях зовете.

Гордята резко развернулся к купцу, впиваясь в него зрачками:

— И ты туда же? Под варяжскую пяту захотел?

— Я за лад в доме и сыть в закромах, — отрезал Вацлав. — Коли варяг мир принесет — пусть будет варяг. Мне ладьи снаряжать да торг вести надобно, а в усобице торг мертв.

— Торг! — Гордята сплюнул под ноги с лютой ненавистью. — Ты волю народную за пригоршню серебра сбыть готов!

— А ты готов народ в бесконечной резне утопить ради гордыни своей! — хлестко парировал Вацлав, и в голосе его лязгнуло железо. — Тебе честь воеводская дороже, чем жизни тех, кто за твоей спиной прячется!

Напряжение в воздухе стало почти физическим. Варяжские воины за столом переглянулись, руки потянулись к оружию.

Алексей молчал, наблюдая. Отношения между Гордятой и Вацлавом выглядели интересными. Формально союзники — оба против призвания варягов. Но Вацлав явно вел свою игру, и Алексей пока не мог разгадать какую.

«Или они действительно разные агенты с разными целями? Или это спектакль для меня, чтобы выглядеть естественно?»

Слишком рано было делать выводы.

Гордята разрядил напряжение, махнув рукой:

— Ладно! Лаялись, лаемся и впредь грызться станем. У всякого своя корысть, своя правда в горсти зажата. Вече рассудит, чей крик выше. — Он посмотрел на Алексея. — А ты

что скажешь, Лечец? Ты человек пришлый, ни к какому корню не привязанный. Твой взгляд чист — как по совести-то будет?

Опасный вопрос. Очень опасный. Неправильный ответ мог всё испортить.

Алексей медленно отпил квасу, давая себе время подумать:

— Я лекарь, — вымолвил он наконец, и голос его прозвучал негромко, но твердо. — Не моё дело — в вечах кричать да ряды вязать. Моё дело — плоть латать, а не землю кроить… Но коли ты пытаешь, воевода...

Он поставил чашу на дубовые стол и обвел присутствующих зорким взглядом:

— Тело не сдюжит, коли части его меж собой грызться станут. Не бывать ладу, когда рука супротив ноги идет, а сердце с печенью в сваре. Всему глава нужна, что волю единую правит. А чьей крови та глава будет — исконной али заморской — плоти неведомо. Ей одно надобно: чтоб голова та по уму судила, Правду блюла да к смерти всё тело не привела.

Гордята прищурился, и в его глазах на миг блеснула сталь. Он долго молчал, перекатывая в пальцах резную чашу, словно взвешивал слова лекаря на невидимых весах.

— Умно баешь, лекарь, — выдохнул он, и голос его прозвучал низко, с едва уловимым рокотом. — Складно плетешь. Рука с ногой, сердце с печенью… Только вот какая беда: если голова телу чужая, она и боли его не чует. Чужая голова станет жрать в три горла, пока ноги в кровь сбиты, а руки — в путах. Ей плевать, что печень сохнет, лишь бы княжий венец на макушке не качался.

Он резко подался вперед, обдав Алексея кислым запахом кваса и старого железа:

— Говоришь, «не важно»? — Гордята сухо, лающе хохотнул. — Еще как важно! Своя голова, какая бы дурная ни была, по одной земле с ногами ходит. А заморская… Она сегодня здесь, а завтра — за море укатила, оставив за собой пепелище да выжженное нутро…

Воевода грузно поднялся, и лавка под ним скрипнула.

— Пора мне. Заботы обступили, — обронил он, поправляя перевязь меча. — Ты дочку выхаживай. В чём нужда возникнет — слово молви челяди, всё справят. — Он веско положил ладонь на плечо Алексея, чуть сжав пальцы. — Благодарствуй. За то, что деешь. Не забуду, в сердце зазубрину оставлю.

Гордята вышел размашистым шагом, и верные люди потянулись следом, точно тень за хозяином. Алексей остался один за широким дубовым столом. Он медленно допивал квас, глядя на пустые чаши и прикидывая в уме, какую бурю сулят этой земле думы воеводы.

Гордята искренен. Слишком искренен для агента под прикрытием. Он действительно верит в то, что говорит. Считает призвание варягов ошибкой, предательством.

«Значит, он или невероятно хороший актёр, или...»

Или не Архитектор. Простой талантливый политик, которого «Новый путь» завербовал, используя его искренние убеждения.

Что делало ситуацию ещё сложнее. Как бороться с человеком, который искренне верит, что делает правильно?

Алексей допил квас и поднялся из-за стола. Нужно было вернуться к девочке, продолжить лечение. И думать. Много думать о том, как выполнить миссию, не разрушив жизни тех, кто просто защищал свои убеждения.

Работа Хранителя. Грязная, противоречивая, но необходимая.

Он вздохнул и поднялся по лестнице на второй этаж, где лежала девочка, за жизнь которой он теперь отвечал.

ГЛАВА 5. ИГРА В ТЕНИ

Три дня Алексей провёл в доме Гордяты, не выходя за его пределы. Три дня, в течение которых он лечил девочку, наблюдал за домом изнутри, слушал разговоры, изучал людей.

Девочка выздоравливала быстро — к концу второго дня жар окончательно спал, кашель стал редким и непродуктивным, аппетит вернулся. Антибиотики сделали своё дело. Ещё день для закрепления результата — и можно было объявлять о полном выздоровлении.

Мать девочки — Милолика, как её звали — была благодарна до слёз. Она ходила за Алексеем, предлагая еду, питьё, всё, что могло понадобиться, называла его спасителем и благодетелем, клялась вечной благодарностью.

Гордята был сдержаннее, но Алексей видел в его глазах то же самое — облегчение, признательность, уважение. Когда девочка впервые за несколько дней поднялась с постели и попросила есть, Гордята стоял в дверях и смотрел на неё с таким выражением лица, что Алексей почувствовал укол совести.

«Я использую его любовь к дочери, — думал он. — Спас её, чтобы получить доступ, завоевать доверие, манипулировать им. Правильно ли это?»

Но он отгонял эти мысли. Миссия. Долг. История. Слова, которые оправдывали всё.

За три дня в доме Гордяты Алексей многое узнал.

Дом был центром активности. Постоянно приходили люди — старейшины, воины, торговцы, просители. Гордята принимал их в большой зале, выслушивал, давал советы, разрешал споры, раздавал поручения. Де-факто он выполнял функции правителя, хотя формально был всего лишь одним из влиятельных воевод.

Люди шли к нему, потому что доверяли. Потому что он был справедлив, честен, держал слово. Алексей наблюдал, как Гордята разбирал спор между двумя торговцами о разделе прибыли — выслушал обоих внимательно, задал уточняющие вопросы, вынес решение, которое удовлетворило обе стороны. Никаких взяток, никакого кумовства. Чистая справедливость по понятиям эпохи.

«Хороший лидер, — признавал Алексей. — Именно такие и нужны. Но он стоит на пути истории. И я должен ослабить его влияние».

Парадокс, который разрывал изнутри.

Вацлав тоже был частым гостем. Он и Гордята совещались часто, за закрытыми дверями, обсуждая что-то важное. Алексей не мог подслушать — двери были массивные, разговоры велись вполголоса. Но по обрывкам фраз, которые ему удавалось уловить, понял: они планировали агитационную кампанию перед вече.

Посещение ключевых старейшин, раздача подарков, обещания, убеждения. Классическая предвыборная работа, только в реалиях девятого века.

И работа давала результаты. Один из колеблющихся старейшин — Радим, тот самый, о котором говорил Михаил, — пришёл к Гордяте и объявил, что будет голосовать против призвания. Алексей был в зале, когда это происходило, делая вид, что перебирает травы в своей сумке.

— Ты прав, Гордята, — говорил Радим, седой мужчина лет шестидесяти с лицом, на котором было написано упрямство поколений. — Мои предки тысячу лет правили этими землями без чужаков. И я не предам их память, позвав варяга. Буду голосовать против.

— Мудрое решение, — кивнул Гордята, пожимая ему руку. — Род твой древний, уважаемый. Твой голос весом. Многие последуют за тобой.

— Надеюсь, — Радим помрачнел. — Хотя сторонников призвания много. Говорят, что без варяга порядка не будет.

— Порядок наведём сами, — твёрдо сказал Гордята. — Если захотим. Коли не убоимся тяжести сей.

Радим ушёл, а Гордята повернулся и встретился взглядом с Алексеем. На секунду их глаза сошлись, и Алексей увидел в них вопрос: «Ты слышал? Что думаешь?»

Алексей ничего не сказал, только кивнул нейтрально и вернулся к своим травам.

Вечером третьего дня девочка была уже почти здорова. Она сидела на лавке, ела кашу с мёдом, болтала с матерью, смеялась. Обычный ребёнок, вернувшийся к жизни после болезни.

Гордята переступил порог, глянул на дочь, и суровое лицо его осветилось, точно солнце из-за туч вышло:

— Ожила лебёдушка моя, — пробасил он негромко.

— Батюшка! — девчушка потянулась к нему всем телом. Гордята подхватил её, прижал к кольчуге, легко поднял, хоть и вытянулась она за лето.

— Ну, как ты? Не горит ли кровь, не ломит ли косточки? — спросил он, прижимаясь губами к её волосам.

— Легко мне, батюшка! Лекарь хворь прогнал, за руку меня из тьмы вывел. Он добрый!

— Добрый, — Гордята глянул на Алексея через плечо дочери. — И рука у него легкая, верная.

Он бережно поставил дочь на лавку, поправил на ней расшитую рубаху и шагнул к Алексею. Теперь в его глазах не было льда, только великая благодарность.

— Дочь мою от смерти отспорил, — произнес Гордята, подходя к массивному кованому ларю. — За такое никакой казны не жалко.

Гордята протянул весомую горсть монет, и серебро глухо звякнуло в его ладони:

— Благодарствую за подмогу, лекарь.

— Рад был пособить, — отозвался Алексей, пятясь к порогу. — Пойду я. Страждущие ждут, не гоже их томить.

— Погодь, — Гордята положил руку ему на плечо. — Оставайся в Ладоге. Хороший лекарь завсегда нужен. Я позабочусь, чтобы у тебя была работа и всё необходимое.

Предложение покровительства. Очень ценное в этой эпохе, когда без связей и защиты влиятельного человека можно было быстро оказаться на дне.

— Благодарю, — Алексей поклонился. — С радостью приму помощь.

Он подошёл к двери, крикнул:

— Зови Ольвира!

Через минуту в комнату вошёл варяг — высокий, широкоплечий, с рыжей бородой и шрамом через левую бровь. Тот самый Ольвир, о котором говорил Михаил — командир дружины, третий агент «Нового пути».

— Ольвир, — Гордята кивнул на лекаря. — Это Лечец, он дочь мою от смерти вырвал. Отныне он в моём роду, под моей рукой ходит. Скажи гридням: кто его пальцем тронет — со мной дело иметь будет. Услышал ли?

— Услышал, воевода, — Ольвир едва заметно склонил голову, не сводя с Алексея тяжёлого взгляда. Так охотник прикидывает вес зверя или воин примеряется к чужому мечу.

Они встретились глазами, и пространство между ними наполнилось незримым напряжением. Два агента из разных эпох, оказавшиеся по разные стороны баррикад, изучали друг друга. Каждый осознавал неизбежность: судьба столкнет их лицом к лицу, и только один сможет одержать верх.

— Быть по-твоему, — Ольвир первым отвел угрюмый взгляд. — Слово твое до дружины донесу.

Он вышел, и Алексей выдохнул. Не осознавая, задержал дыхание.

— Ольвир крут нравом, но в слове крепок, — промолвил Гордята. — Дружина его — волки Ладоги, злее их в сече нет. Коли он зарок дал, что ты под его рукой — никто и дыхнуть в твою сторону не посмеет. Можешь сон не сторожить.

— Благодарствую, — Алексей склонил голову. — Великую милость ты мне кажешь.

— Ты дочь мою из когтей смерти вырвал, — просто ответил Гордята. — Такое серебром не мерят.

Гордята хлопнул его по плечу и вышел, оставив его наедине с мыслями.

Алексей сел на лавку, сложил серебро в мешочек и закрыл глаза. Три дня в доме Гордяты дали много информации, но не дали главного — понимания, кто из троих агентов является Архитектором.

Гордята? Слишком искренен, слишком эмоционален. Не похож на хладнокровного манипулятора из будущего.

Вацлав? Возможно. Торговец-прагматик, спокойный, расчётливый. Но его позиция была противоречивой — формально поддерживал Гордяту, но в разговоре за завтраком звучал почти как сторонник призвания.

Ольвир? Воин, командир дружины. Идеальное прикрытие для агента — контроль над вооружённой силой, возможность физически устранять препятствия.

«Нужно больше данных, — решил Алексей. — Встретиться с Михаилом и Еленой, обменяться информацией, совместно проанализировать».

Он собрал свои вещи — сумку лекаря, посох, одежду, которую постирали и починили заботливые слуги Гордяты. Спустился, попрощался с Милоликой, которая снова плакала от благодарности, и вышел из дома.

У ворот охранник вернул ему нож. Алексей пристегнул его к поясу и направился через город к дому Елены.

Вечерело. Солнце садилось, окрашивая небо в багровые и фиолетовые тона. На улицах было немноголюдно — люди расходились по домам, готовились к ужину и ночи. Только изредка попадались запоздалые прохожие, торопящиеся к своим очагам.

Алексей шёл быстро, держась ближе к центру улицы, подальше от тёмных проходов между домами, где могли скрываться грабители. Рука инстинктивно лежала на рукояти ножа.

Дом Елены он нашёл без труда — успел запомнить дорогу. Постучал условным сигналом. Дверь открылась почти сразу, Елена выглянула, увидела его и облегчённо выдохнула:

— Наконец-то! Я волновалась. Три дня пропадал, ни слуху ни духу.

— Лечил дочь Гордяты, — пояснил Алексей, входя в дом. — Не мог выйти. Расскажу всё, но сначала — Яра и Михаил здесь?

— Яра да, Михаил ещё нет, — Елена закрыла дверь на засов. — Но скоро придёт. Он каждый вечер заходит, обмениваемся новостями.

В дальней комнате сидела Ярослава, перебирающая какие-то записи — берестяные грамоты с процарапанными на них пометками. Увидев Алексея, поднялась, подошла:

— Живой, здоровый, невредимый, — оценивающе оглядела она его. — Хорошо. А то я уж думала, что Гордята тебя в подвале держит.

— Держал, но в хорошем смысле, — усмехнулся Алексей. — Лечил дочь, завоёвывал доверие. Кажется, получилось. Он предложил мне покровительство и защиту.

— Защиту? — присвистнула Ярослава. — Ничего себе. Ты быстро работаешь.

Он сел за стол, принял кружку с квасом, которую протянула Елена.

— А у вас как дела? Что нового?

Ярослава вернулась к своим грамотам, взяла одну:

— Немало удалось. Продала половину янтаря, завела знакомства среди знатных жён старейшин. Женщины делятся тем, о чём мужья молчат на людях.

Быстро пробежав глазами записи, она продолжила:

— Перед вече всё накалилось. Голоса разделились почти поровну. Из шести колеблющихся старейшин двое уже примкнули к Гордяте. Остаются четверо решающих. Если хотя бы двое проголосуют за призвание — перевес будет у Рюрика. Если против — решение заблокируют.

— Куда ветер дует? — спросил Алексей. — Что с оставшейся четвёркой?

— Добрыня и Вышата склоняются к призванию, — она отложила один свиток и взяла другой. — Но опасаются, что варяг окажется тираном. Им нужна уверенность, что Рюрик будет чтить местные обычаи и не притеснит родовую знать.

Она развернула новую грамоту:

— Калев и Юмала, вожди финнов, стоят особняком. Боятся, что славяно-варяжский союз отодвинет их народ на обочину. Гордята обхаживает их, суля финнам больше влияния, если призвания не случится.

Алексей задумался, прикидывая варианты:

— Значит, ключевые фигуры — Добрыня и Вышата. Если убедим их, что Рюрик будет справедливым — они проголосуют за. Этого достаточно для перевеса.

— Проблема в том, как убедить, — вздохнула Ярослава. — Мы же не можем просто прийти и сказать: «Поверьте, он будет хорошим князем, мы из будущего знаем». Нужны аргументы, которые сработают здесь и сейчас.

— Репутация, — медленно произнёс Алексей. — Нужно, чтобы кто-то авторитетный поручился за Рюрика. Кто-то, кому Добрыня и Вышата доверяют.

— Кто? — спросила Елена, подсаживаясь к столу. — Кто достаточно авторитетен?

— Варяги, которые знают Рюрика лично, — предложил Алексей. — Торговцы, которые имели с ним дело. Если они выступят на вече, расскажут, что он честный, справедливый, держит слово — это может склонить чашу весов.

— Идея хорошая, — кивнула Ярослава. — Но где найти таких варягов? И как убедить их выступить?

— Рёгнвальд, — вспомнил Алексей. — Кормчий, который довёз нас до Ладоги. Он варяг, торговец, ходил по всей Скандинавии. Возможно, знает Рюрика или слышал о нём. Нужно с ним поговорить.

— Я могу, — вызвалась Елена. — Рёгнвальд часто бывает на пристани. Найду его, заведу разговор. Осторожно, без прямых вопросов. Узнаю, что он знает о Рюрике.

— Хорошо, — согласился Алексей. — Делай. А я...

Его прервал стук в дверь. Условный сигнал — три коротких, два длинных, один короткий. Михаил.

Елена открыла, и кузнец вошёл, усталый, закопчённый, пахнущий дымом и металлом. Сел за стол, принял воду, выпил залпом:

— Новости, — сказал он без предисловий. — Плохие. Архитектор активизировался. Сегодня днём было покушение.

Все вздрогнули.

— На кого? — резко спросил Алексей.

— На Вышату, — ответил Михаил. — Одного из колеблющихся старейшин. Его чуть не зарезали в бане. Напал какой-то бродяга, якобы случайно ворвался, спутал с кем-то. Вышата успел закричать, сбежались люди, нападавшего схватили. — Он помрачнел. — Допросили. Под пыткой сознался, что его подослали. Но кто — не знает. Деньги передали через посредника, лица не видел.

— Архитектор заметает следы, — процедила Ярослава. — Классический подход. Использовать одноразовых исполнителей, которые ничего не знают.

— Вышата жив? — спросил Алексей.

— Жив. Ранен, но не смертельно, — кивнул Михаил. — Порез на плече, кровопотеря. Я слышал, что его лечит знахарка Ядвига. Но он в шоке, напуган. Сидит дома, никого не принимает.

— Это плохо, — Алексей провёл рукой по лицу. — Напуганный человек может проголосовать как угодно. Или вообще не прийти на вече.

— Хуже того, — добавил Михаил. — Ходят слухи, что покушение организовали сторонники призвания варягов. Чтобы запугать тех, кто против. Гордята активно распространяет эту версию. Говорит: «Видите, до чего дошли? Уже убивать начали, чтобы протащить варяга на княжение».

— Грязная игра, — прошипела Ярослава. — Сначала организовать покушение, потом обвинить противников.

— Но эффективная, — признал Алексей. — Люди пугаются, начинают сомневаться. Кто знает, может, варяги действительно опасны, если их сторонники до убийств готовы дойти?

Он задумался, барабаня пальцами по столу. Ситуация усложнялась. Архитектор — кто бы он ни был — играл жёстко и грязно. Покушения, манипуляции, ложь. Классика тёмных операций.

— Нужно переломить ситуацию, — сказал он наконец. — И у меня есть идея. Рискованная, но может сработать.

— Какая? — спросила Ярослава.

— Я вылечу Вышату, — просто ответил Алексей. — Лучше, чем знахарка. Быстрее, эффективнее. Заодно поговорю, успокою, постараюсь убедить, что не люди Рюрика на него с ножом кидались, а те, кто стравить их хочет. Пусть засомневается в слове Гордяты.

— А если Вышата не примет тебя? — возразила Елена. — Ты же сказал, он никого не принимает.

— Примет, — уверенно сказал Алексей. — Потому что я приду от Гордяты. Скажу, что он послал меня лечить, заботится о здоровье уважаемого старейшины. Вышата не сможет отказать — это было бы оскорблением.

— Хитро, — усмехнулся Михаил. — Использовать имя Гордяты против него самого.

— Война — это обман, — процитировал Алексей древнего китайского стратега. — Мы воюем за историю. Все средства хороши.

— Когда пойдёшь? — спросила Ярослава.

— Завтра утром, — решил Алексей. — Сегодня уже поздно, темно, подозрительно выглядит. А утром — естественно. Лекарь пришёл по просьбе влиятельного покровителя.

Они обсудили детали, распределили задачи на следующий день. Елена искала варягов, знающих Рюрика. Ярослава продолжала работать с жёнами старейшин, собирать информацию. Михаил слушал разговоры в кузнице, выявлял настроения.

А Алексей шёл к Вышате — лечить, убеждать, переламывать ход событий.

К полуночи они разошлись. Алексей постелил на лавке плащ, лёг поверх него. Думал о завтрашнем дне, о Вышате, о вече, о том, как тонка грань между успехом и провалом.

«Если я не смогу убедить Вышату, — думал он, засыпая, — если Архитектор обыграет меня... история изменится. Россия исчезнет. Миллионы людей не родятся. И всё, что я знаю, всё, за что борюсь — превратится в пыль».

Давление было огромным. Но он привык. Жил с этим давлением каждый день с того момента, как потерял семью.

Что ещё одна миссия, ещё одна битва с судьбой?

Он закрыл глаза и провалился в беспокойный сон, где смешались лица — Лена, Гордята, девочка, которую он вылечил, Вышата, которого увидит завтра, и безликий Архитектор, который был везде и нигде одновременно.

Утро встретило его серым небом и моросящим дождём.

Алексей оделся в лучшую одежду — чистую рубаху, штаны без заплат, плащ. Проверил содержимое аптечки — всё на месте, включая запас антибиотиков и современных препаратов.

Вышел на улицу. Дождь накрапывал мелкий, надоедливый, превращающий улицы в месиво грязи. Алексей поднял капюшон и зашагал к дому Вышаты, который, по информации Михаила, находился на восточной окраине Ладоги.

Город просыпался медленно, недовольно, как просыпается человек после бессонной ночи. Люди выходили из домов с кислыми лицами, женщины выплёскивали помои прямо на улицу, не обращая внимания на прохожих.

Алексей шёл, думая о предстоящем разговоре. Как подойти к Вышате? Что сказать? Нужно было быть убедительным, но не слишком навязчивым. Осторожным, но решительным.

Дом Вышаты он нашёл без труда — один из самых больших на восточной окраине, с высоким частоколом и охраной у ворот. Двое воинов, славяне, с копьями и щитами, стояли под навесом, укрываясь от дождя.

Алексей подошёл, остановился на почтительном расстоянии:

— Доброе утро. Я Лечец, лекарь. Гордята Вацлавич послал меня к Вышате Радомировичу, справиться о здоровье и помочь, если нужно.

Охранники переглянулись. Один — старший, судя по более богатому вооружению — нахмурился:

— Господин никого не принимает. Велел не пускать.

— Понимаю, — кивнул Алексей. — Но я от Гордяты. Отказать ему — значит оскорбить. Передайте господину, что лекарь пришёл по просьбе Гордяты. Пусть сам решит — принять или нет.

Охранник поколебался, потом кивнул второму:

— Сходи, спроси.

Тот скрылся за воротами. Несколько минут тянулись долго. Алексей стоял под дождём, чувствуя, как вода просачивается сквозь плащ, стекает по спине. Холодно, мокро, неуютно.

Наконец второй охранник вернулся:

— Велел пропустить. Но оружие оставь.

Опять. Алексей начинал привыкать к этому ритуалу. Отстегнул нож, протянул охраннику.

Он прошёл через ворота во двор. Меньше, чем у Гордяты, но видно, что хозяин здесь живет состоятельный. Главный дом, баня, амбар. Слуги бегали под дождём, занимаясь хозяйством.

К нему подошёл мужчина средних лет, в простой одежде — управляющий:

— Следуй. Господин в горнице.

Они вошли в дом. Внутри было тепло, сухо, пахло дымом и варёным мясом. Поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж, прошли по коридору к двери в дальнем конце.

Управляющий постучал:

— Господин, лекарь пришёл.

— Войди, — прозвучал голос изнутри. Хриплый, усталый.

Алексей вошёл в просторную комнату. У окна стояла широкая лавка, на которой полулежал мужчина лет пятидесяти — крупный, с широкими плечами, но сейчас бледный, с лицом, искажённым болью. Левое плечо было перевязано грязной, пропитанной кровью тряпкой.

Вышата Радомирович. Один из ключевых старейшин, от голоса которого зависела судьба призвания.

— Ты от Гордяты? — спросил он, изучая Алексея подозрительным взглядом.

— Да, господин, — Алексей поклонился. — Он слышал о твоём несчастье и послал меня — лучшего лекаря в Ладоге, как он сказал — помочь, чем могу.

— Лучшего? — усмехнулся Вышата без веселья. — Хвалит тебя. Посмотрим, заслужено ли. Знахарка Ядвига лечила — толку мало. Рана болит, гноится, жар идёт.

— Могу посмотреть? — спросил Алексей, подходя ближе.

— Смотри.

Алексей осторожно размотал повязку. Рана на плече — резаная, глубокая, сантиметров десять длиной. Края воспалённые, из глубины сочится гной. Классическая картина начинающейся инфекции.

Без лечения — через неделю заражение крови и смерть.

— Плохо, — честно сказал Алексей. — Гниль в ране. Нужно чистить, промывать, зашивать заново. Будет очень больно, но иначе — хуже.

— Хуже — это как? — спросил Вышата.

— Хуже — это смерть, — прямо ответил Алексей. — Через неделю, может, две. Гниль пойдёт в кровь, поднимется жар, начнутся судороги, потом — конец.

Вышата побледнел ещё сильнее:

— Так плохо?

— Так плохо, — кивнул Алексей. — Но я могу вылечить. Если доверишь.

Старейшина долго смотрел на него, взвешивая. Потом кивнул:

— Лечи. Делай, что нужно. Только вылечи.

— Постараюсь.

Алексей достал из сумки всё необходимое. Настойка для промывания, нож для очистки раны, игла и нитки, бинты. И, скрытно, современный антибиотик — ампулу для инъекций, замаскированную под флакон с травяной настойкой.

— Сейчас будет больно, — предупредил он. — Терпи. Кричи, если надо.

Он начал промывать рану, и Вышата застонал, вцепившись в край лавки. Алексей работал быстро, методично — смывал гной, вырезал некротизированную ткань, очищал до здорового мяса.

Вышата кричал. Так громко, что Алексей был уверен — весь дом слышит. Но продолжал работать, не останавливаясь.

Когда закончил очистку, рана была чистой, кровоточащей, но без гноя. Алексей наложил швы — аккуратные, частые. Приложив к рубцу холстину, щедро пропитанную густой мазью из пчелиного воска и зверобоя, он туго перебинтовал плечо.

Затем лекарь достал из глубин своей сумки небольшой глиняный флакон, плотно запечатанный воском. Внешне посудина ничем не отличалась от тех, в которых местные травники хранили свои настои, но внутри скрывалась густая суспензия — мощный современный антибиотик широкого спектра.

Алексей сковырнул печать и осторожно отмерил лекарство в деревянную ложку.

— Выпей это, старейшина, — непререкаемым тоном произнес он, поднося ложку к губам Вышаты. — Зелье дюже горькое, но оно выжжет гниль, что уже успела прокрасться в кровь.

Вышата скривился, выдохнул, но послушно проглотил лекарство до последней капли. Современная химия вступила в бой с инфекцией, надежно скрытая под видом языческого снадобья.

— Готово, — объявил Алексей, закрепляя конец повязки. — Через день-два жар спадёт, боль уменьшится. Через неделю будешь здоров.

Вышата лежал, тяжело дыша, мокрый от пота:

— Ты... ты настоящий мастер. Знахарка так не умеет.

— У меня учителя были хорошие, — скромно ответил Алексей. — Греки. Они много знают о ранах и лечении.

Вышата кивнул, закрывая глаза:

— Спасибо. Гордяте передай — благодарен. Не забуду.

Момент истины. Сейчас или никогда.

— Господин, — осторожно начал Алексей, — могу спросить... кто напал? Поймали злодея?

Вышата открыл глаза, и в них мелькнула тень страха:

— Поймали. Бродяга какой-то, нищий. Говорит, деньги дали, велели зарезать. Кто дал — не знает, через посредника передали. Серебра столько, что за всю жизнь не заработал бы.

— И что думаешь — кто за этим стоит? — осторожно продолжил Алексей, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как простое любопытство.

Вышата помолчал, провел рукой по повязке на плече, потом глухо произнёс:

— Гордята говорит — варяги. Сторонники призвания. Хотят запугать тех, кто сомневается, чтобы на вече голосовали как надо им. — Он поморщился от боли. — Уверяет, что это только начало. Что будут убивать всех несогласных.

— А давно ты Гордяту знаешь? — осторожно спросил Алексей, будто между прочим.

— Да почитай, всю его жизнь, — по-простому ответил старейшина. — На моих глазах рос... — в голосе промелькнула печаль. — Последнее время отдалились, конечно. Он всё больше о власти думает, я — о торговле.

«Значит, Гордята не Архитектор, — мелькнула мысль. — И даже не агент. Возможно, им просто умело манипулируют».

— Сдаётся мне, не варяги то были, — тихо молвил Алексей, стараясь поймать взгляд раненого. — Тут дело хитрее заткано, нити в другие руки ведут.

Вышата отвёл глаза, пальцы его беспокойно теребили край холстины:

— Не ведаю. Не знаю уже, кому и верить. Может, варяжская сталь, а может, иная… Темно всё стало в Ладоге, враг за каждым кустом мерещится. Раньше-то всё яснее было, по совести… — он натужно вздохнул.

— А ты раскинь умом, — Алексей присел на край лавки, понизив голос до доверительного шёпота. — Кому на руку твой страх? Кому надобно, чтобы ты на вече носа не казал или кричал не то, что сердце велит? Кто в гору пойдёт, коли Рюрика от ворот завернут?

Вышата повернул голову, вглядываясь в лицо лекаря с внезапным пристрастием:

— О чём ты толкуешь?

— О том, что подмётные дела — старая забава, — ответил Алексей, понизив голос до шепота. — Сотворить лихо, а вину на соседа свалить — вот и вся корысть. Посуди сам: коли варяги хотят, чтобы ты на вече их сторону держал — к чему им тебя стращать? Напротив, им надобно тебя медом поить да дарами задабривать. А вот если кто иной хочет, чтобы ты против них кричал или вовсе дома отлёживался… — он замолчал на полуслове, давая мысли прорасти в голове собеседника.

Вышата замер, взгляд его стал колючим. Алексей видел, как в голове старейшины ворочаются тяжкие думы, как он сводит воедино обрывки речей, косые взгляды и давние обиды.

— Ты клонишь к тому, что… — начал он, но осекся, будто испугавшись собственного голоса.

— Я не клоню, — мягко молвил Алексей, накрыв ладонью здоровое плечо Вышаты. — Я лишь прошу: раскинь умом. Кому на руку твоя беда? Не верь первому встречному слову, каким бы складным оно ни казалось. Взвешивай всё сам, решай головой, а не испугом. — Он чуть сжал пальцы. — Ты муж мудрый, Вышата. Тебя медовыми речами вокруг пальца не обведешь. Ты зреть умеешь, где корень, а где гниль.

В глазах старейшины вспыхнуло понимание, будто пламя, разгорающееся от тлеющего уголька.

Вышата долго молчал, глядя в потолок, где плясали тени от лучины. Наконец, он неловко кивнул:

— Может, и твоя правда, — вздохнул он. — Приду на вече. Коли рана затянется — приду. И крикну так, как сердце велит. Не от страха, а по чести.

— Большего и не надобно, — Алексей поднялся, поправляя сумку с травами. — Поправляйся, старейшина. Приду через два рассвета, погляжу, как плоть срастается. А станет худо — зови не медля, подсоблю.

— Добрый ты муж. Редкость в наши дни, — Вышата слабо сжал его ладонь и устало откинулся на взбитое сено.

Алексей уже взялся за кольцо у двери, но обернулся, словно припомнив что-то маловажное:

— Скажи, Вышата, сын Радомира... Не слыхал ли ты прежде о старейшине по имени Гостомысл?

Раненый мучительно нахмурился, перебирая в памяти имена: — Гостомысл? Не припомню такого среди старейшин. Знавал я одного тесляра с таким именем... Плотник от бога, карбасы ладил на диво. А чтоб старейшина, в наших краях — нет, не слыхал, — устало произнес Вышата.

Алексей кивнул и неслышно прикрыл за собой дверь. Чувство выполненного долга грело изнутри — семя сомнения брошено в благодатную почву. Вышата начнёт думать, складывать факты и, возможно, придёт к верному выводу о том, чьих рук это ночное покушение. Это был лишь крошечный шаг, но в войне за историю побеждают именно такими, незаметными шагами.

Он спустился вниз, забрал нож у хмурой охраны и шагнул за ворота усадьбы.

К этому времени, как назло, спустился дождь, лил хлестко, превращая немощеные улицы Ладоги в реки чавкающей, непролазной грязи. Алексей плотнее запахнул плащ, морщась от сырости. Глядя на эту суровую, лишенную всякой романтики реальность, он вдруг с поразительной ясностью вспомнил стерильную, залитую искусственным светом лекционную комнату на базе «Исток».

«А как же Гостомысл? — спросил он тогда профессора Плохова, вспоминая школьные учебники. — Разве не он инициатор призвания Рюрика?»

Шагая по колено в грязи, Алексей будто наяву услышал, как Игорь Владимирович фыркнул — так, что очки едва не слетели с его носа.

«Ах, Гостомысл! Мой любимый исторический фантом! — профессор тогда театрально развел руками перед голографической картой. — Красивая, очень красивая легенда. Мудрый старец, вещий сон про дочь Умилу, из чрева которой растёт великое дерево... Волхвы толкуют: власть перейдёт к её сыну, то есть к Рюрику. Романтично, символично, легитимно. Одна проблема: этого никогда не было».

Алексей перепрыгнул через глубокую лужу. Да уж, никакой Умилы и мудрых старцев. Только суровые мужики с топорами и старейшины, пытающиеся спасти свою власть.

В памяти всплыл вопрос Ярославы: «Откуда тогда взялась легенда?» И безапелляционный ответ историка: «Из Иоакимовской летописи, которую никто в глаза не видел, кроме историка Татищева в восемнадцатом веке. В «Повести временных лет» — нашем главном источнике — о Гостомысле нет ни единого слова. Ноль. Как будто его не существовало. Классическая легитимирующая сказка, созданная через триста-четыреста лет, когда потомкам Рюрика понадобилось доказать, что они не захватчики, а законные наследники по завещанию местного князя».

Очередной порыв холодного ветра хлестнул Алексея по лицу. Он вспомнил, как с недоверием спросил тогда Плохова: «То есть в 862-м году я его точно не встречу?»

Голос профессора в голове Алексея звучал с лёгкой, снисходительной усмешкой: «Вполне могли быть расхожие байки о каком-нибудь мудром старце. Но встретить живого человека, который представится: «Я Гостомысл, и вот моё официальное завещание о передаче власти варягам»? Нет. Извините. В девятом веке люди ещё не знали, что им полагается верить

в легенды, которые сочинят только в четырнадцатом. Запомните: нет никакого мудрого старца-благословителя. Только жёсткая политическая реальность: наёмники, превращающиеся в господ».

Алексей свернул в узкий проулок, стряхивая воду с лица. Плохов был абсолютно прав. Здесь не было места красивым сказкам со страниц учебников. Здесь пахло дымом, кровью, навозом и страхом.

Здесь делалась настоящая, непричесанная история.

ГЛАВА 6. ШАНТАЖ

Два дня пролетели в лихорадочной активности. Алексей работал не покладая рук — лечил людей на торговой площади днём, по вечерам встречался с Михаилом, Еленой и Ярославой, обмениваясь информацией, корректируя планы. Ночами почти не спал, ворочаясь на жёсткой лавке, прокручивая в голове варианты, сценарии, возможные ходы противника.

Ярослава добилась значительного прогресса. Через жён старейшин она вышла на самого Добрыню — богатого торговца мехами, прагматика до мозга костей. Встреча произошла случайно, по видимости — на торговой площади, где Ярослава продавала янтарь, а Добрыня выбирал товар для очередного каравана на юг.

Разговорились. Ярослава упомянула, что янтарь её — прибалтийский, лучший, что у неё есть связи с торговцами в Хедебю и Бирке, что может организовать поставки больших партий. Добрыня заинтересовался. Пригласил в дом обсудить детали сделки.

И там, за кружкой медовухи, разговор естественным образом соскользнул на политику. Добрыня жаловался, что торговля последние два года страдает из-за нестабильности. Варягов прогнали, а порядок не установился. Грабежи на торговых путях, междоусобицы, нет сильной власти, которая защитила бы купцов.

— Рюрик мог бы навести порядок, — промолвила Ярослава, опустив глаза, словно высказывая случайную мысль. — Говорят, князь он справедливый: торговлю бережёт, разбойников карает, купеческому люду защита.

— Так молва гласит, — Добрыня погладил седеющую бороду. — Да кто проверит истину? Может, только красивые сказы, а на деле — такой же хищник, как все северяне.

— А если бы удостовериться? — Ярослава подняла взгляд. — Отправить доверенных людей, поговорить с ним напрямую, договор заключить? Чтобы не кота в мешке звать, а знать, на что идём.

Добрыня сощурился, обдумывая предложение:

— Мысль здравая. Но кого послать? И чем убедить других старейшин, что обещания не пустой звук?

— Найдите варягов, кто Рюрика лично знает, — она подалась вперёд. — Купцов, что с ним торговали. Пусть на вече старейшинам правду скажут.

Добрыня медленно кивнул, и в глазах его мелькнул огонёк интереса:

— Дельно говоришь. Над этим стоит поразмыслить.

Он не дал обещаний, но семя сомнения было посеяно. Ярослава ушла от него с чувством, что работа сделана хорошо.

Елена тоже не сидела сложа руки. Она нашла Рёгнвальда Рыжего — того самого кормчего, который привёз Алексея и Ярославу в Ладогу. Его ладья всё ещё стояла у причала, команда занималась мелким ремонтом и подготовкой к следующему рейсу.

Елена подошла к нему под предлогом закупки мехов для перепродажи. Рёгнвальд узнал её — вдову Рыбакова, уважаемую женщину, — и охотно согласился поговорить.

Торговались, обсуждали цены, качество товара. А после, точно невзначай, Елена обронила:

— Поговаривают, Рюрика из рода Скьёльдунгов на княжение кличут. Знавал ли ты его в походах?

Рёгнвальд встрепенулся, глаза его блеснули:

— Как не знать! Добрый конунг. Рука тяжелая, да сердце правое. Шесть зим назад вместе Варяжское море утюжили, соль глотали. После в Хедебю торговали: я у него куницу брал для земель франкских. Расплатился он честно, звонким серебром, локтя не обрезал. — Он поскреб

густую бороду. — Коли его посадят — я бы под такой рукой пожил. Всяко лучше нынешней смуты будет.

— А на вече молвить об этом сможешь? — прямо спросила Елена. — Люду поведать, каков Рюрик в деле?

Рёгнвальд насупился:

— К чему мне это?

— Народ в сомнении мечется, — пояснила Елена. — Чураются звать пришлого, не ведая, каков он в меду и в сече. Коли ты, муж почтенный, скажешь, что Рюрик — вождь достойный, за тобой и другие потянутся.

— Хм… — варяг крепко задумался. — Оно конечно, можно. Да только что мне за прибыль с тех речей?

Елена вынула из калиты несколько серебряных гривен:

— Это тебе на почин. Коли выйдешь в круг, коли крикнешь за Рюрика — получишь вдвое больше.

Рёгнвальд сгреб монеты, взвесил их на мозолистой ладони и коротко кивнул:

— По рукам. Выйду. Правду скажу — Рюрик конунг справный, с таким не пропадем.

Ещё один союзник. Ещё один голос в пользу призвания.

Михаил работал по-своему. В кузнице к нему заходили разные люди — воины точить мечи, охотники чинить ножи, крестьяне заказывать топоры. И каждый что-то рассказывал, делился новостями, сплетнями.

Михаил слушал, запоминал, анализировал. И через эти разрозненные обрывки информации начал складывать картину.

Ольвир и его дружина активизировались. Последние два дня они патрулировали Ладогу, демонстрируя силу, показывая, что контролируют город. Останавливали подозрительных, допрашивали, запугивали.

Формально — защита от беспорядков перед важным вече. Фактически — давление, создание атмосферы страха.

Вацлав разъезжал по окрестным поселениям, встречался со старейшинами малых родов, которые тоже имели право голоса на вече. Раздавал подарки, обещал торговые льготы, убеждал голосовать против призвания.

А Гордята выступал публично. На площади, на пристани, везде, где собирался народ. Говорил страстно, убедительно, о славянской гордости, о том, что чужаки поработят, о том, что нужно решать проблемы самим.

И люди слушали. Многие кивали, соглашались. Молодые воины особенно — им нравилась идея показать силу, не кланяться варягам.

«Он хорош, — докладывал Михаил на вечером. — Очень хорош. Речь его как мед течет, а в глазах — сила непомерная, за которой люди сами в огонь прыгнут. Если он Архитектор — то лучшего агента под прикрытием я в жизни не встречал, как ни зорко глядел. А коли нет — то просто вождь от бога, коих мало, да только лихое время ему выпало».

— Мы до сих пор не знаем точно, кто Архитектор, — вздохнула Ярослава. — Гордята, Вацлав или Ольвир. Или кто-то четвёртый, кого мы ещё не выявили.

— Времени на выявление нет, — жёстко сказал Алексей. — Вече завтра. Нужно действовать, исходя из того, что знаем. Блокировать всех троих, не давать им манипулировать процессом.

— Как? — спросил Михаил.

Алексей разложил на столе план, который обдумывал последние два дня:

— Завтра на вече будут присутствовать двадцать три старейшины с правом голоса, плюс множество наблюдателей — воины, торговцы, жители Ладоги. Голосование открытое, каждый старейшина объявляет свою позицию вслух. — Он обвёл пальцем несколько имён на списке.

— По нашим подсчётам: девять старейшин точно за призвание, восемь точно против. Шестеро колеблются. Из колеблющихся двое — Радим и ещё один — уже перешли на сторону Гордяты. Итого против призвания — десять голосов.

— Нужно одиннадцать для блокирования решения, — подсчитала Ярослава. — Значит, если хотя бы один из оставшихся четырёх колеблющихся проголосует против — призвания не будет.

— Именно, — кивнул Алексей. — И наоборот — если все четверо проголосуют за — будет перевес в пользу призвания. Счёт — тринадцать за, десять против.

— Четверо еще на перепутье, — Михаил прищурился, перебирая в уме имена. — Вышата — его ты делом и словом приручил. Добрыня — к нему Ярослава ключик подбирает. Остаются двое чухонцев — Калев да Юмала. Кто к ним подход искать будет?

— Я попробую, — вызвалась Елена. — У меня есть знакомая среди финских женщин, жена одного из их воинов. Через неё выйду на старейшин, поговорю.

— Хорошо, — согласился Алексей. — Работай осторожно. Финны настороженные, чужакам не доверяют. Но если получится убедить хотя бы одного...

— Попытаюсь, — пообещала Елена.

Они обсудили детали, распределили последние задачи. План был рискованный, с множеством неизвестных, но другого не было.

К полуночи расходились. Алексей задержал Ярославу:

— Как ты? Выдерживаешь?

Она устало улыбнулась:

— Выдерживаю. Устала смертельно, но держусь. — Помолчала. — А ты?

— Так же, — признался он. — Чувствую, что балансирую на грани. Ещё немного — и сорвусь. Но нужно дотянуть до вече, до завершения миссии.

— А потом? — тихо спросила она. — Когда миссия закончится? Что будешь делать?

Вопрос застал его врасплох. Он не думал о «потом». Жил только настоящим, только задачей.

— Не знаю, — честно ответил он. — Вернусь в 2027-й. Сдам отчёт. Возьму отпуск. А дальше... — он пожал плечами. — Может, ещё одна миссия. Или уйду из Хранителей. Не решил.

— Можешь остаться здесь, — неожиданно сказала Ярослава. — В девятом веке. Стать настоящим лекарем. Помогать людям. Жить просто, без всей этой сложности будущего.

Алексей посмотрел на неё удивлённо:

— Ты серьёзно?

— Наполовину, — призналась она. — Иногда думаю — а может, это выход? Остаться в прошлом, где всё проще, понятнее. Где ты кому-то нужен по-настоящему, а не просто винтик в машине Хранителей.

— Елена думала так же, — напомнил Алексей. — И застряла здесь на четыре года. Потеряла себя между временами.

— Знаю, — кивнула Ярослава. — Поэтому только думаю, не делаю. — Она поднялась. — Спокойной ночи, Лёша. Завтра большой день.

— Спокойной ночи.

Она ушла, а он остался в темноте наедине с её словами. Остаться в прошлом...

Но это означало бы поражение. Предательство себя подлинного. И он не был к этому готов.

Пока не был.

Алексей лег на лавку, стараясь уснуть. Город за стенами затих, погруженный во мрак. Где-то вдалеке перекликались редкие собаки. За частоколом ветер шелестел листвой деревьев.

Он уже почти проваливался в сон, когда вдруг отчетливо услышал хруст сломанной ветки за окном. Звук был тихим, но в ночной тишине прозвучал слишком явно для случайного шороха.

Алексей моментально напрягся. Профессиональная интуиция, отточенная годами работы, кричала об опасности. Он бесшумно поднялся с лавки, нащупал рукоять ножа, который всегда держал под рукой.

«Кто это может быть так поздно?» — пронеслось в голове, пока он осторожно пробирался к двери, стараясь идти бесшумно.

Он прислушался. За дверью было тихо. Может, показалось? Но инстинкт твердил — проверь.

Алексей приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы проскользнуть наружу. Ночной воздух обдал прохладой, небо усыпали звезды, тусклый серп луны давал достаточно света, чтобы различать очертания предметов.

Сначала он ничего не увидел. Двор Елены казался пустым. Но потом в тени забора мелькнула темная фигура — одинокий мужчина стоял неподвижно, словно ожидая.

— Кто здесь? — негромко спросил Алексей, держа нож наготове, но не показывая его. — Зачем пришел ночью?

Фигура сделала шаг вперед, и в слабом лунном свете Алексей узнал Ольвира. Предводитель дружины стоял без оружия, с открытыми ладонями — знак мирных намерений.

— Не опасайся, лекарь, — тихо произнес Ольвир. — Разговор имею. Без лишних ушей.

Алексей похолодел. Ольвир. Третий агент «Нового пути». Как он нашел его здесь? Следил?

— О чём беседовать? — спросил Алексей, не опуская руку с ножом.

— О вече. О грядущем. О том, зачем ты на самом деле в Ладоге, — ответил Ольвир, и в голосе зазвенела сталь. — Ты не просто лекарь, Лечец. Чересчур умён, удачлив, всегда кстати оказываешься там, где нужно.

Кровь прилила к лицу. Раскрыт? Или проверка, попытка выманить признание?

— Не ведаю, о чём речь, — Алексей изобразил недоумение. — Я целитель. Врачую людей. Какое мне дело до вече?

— Ложь, — отрезал Ольвир. — Я вижу твою работу. Исцелил дочь Гордяты — получил доступ в его дом. Поднял Вышату — посеял сомнения о нападении. Твоя спутница обхаживает Добрыню. Совпадение? Не верю.

Он знает. Слишком многое знает.

«Архитектор, — осенило Алексея. — Это он. Не Гордята, не Вацлав. Ольвир. Командир дружины, держащий в руках силу, наблюдающий за всеми, анализирующий каждый шаг».

— Положим, ты прав, — медленно проговорил Алексей, решаясь на риск. — Положим, я служу чьим-то интересам. И что с того? Ты ведь тоже на стороне Гордяты. Мы просто фигуры в одной игре, по разные стороны доски.

Ольвир помолчал, потом разразился коротким смехом, лишённым веселья:

— Ты отважен. Или безрассуден. Не знаю, что хуже. — Он шагнул ближе, и Алексей напрягся, готовый к нападению. — Слушай внимательно, лекарь. То, что ты творишь — опасно. Не для тебя — для всех. Призвание Рюрика изменит течение истории, породит последствия, которых ты не можешь предвидеть.

— Какие последствия? — спросил Алексей, пытаясь вытянуть информацию.

— Рабство, — отрезал Ольвир. — Варяжская династия превратит славян в подданных, а через поколения — в рабов системы. Государство, замешанное на крови и покорении. Этого ли ты жаждешь?

Риторика «Нового пути». Классическая аргументация против существующей истории.

— А что предлагаешь ты? — парировал Алексей. — Хаос? Войны между родами? Племена, истребляющие друг друга? Это лучше?

— Предлагаю иной путь, — Ольвир приблизился ещё на шаг. — Путь, где славяне сами строят своё государство. Без чужаков, без варяжского господства. Трудный путь, да. Кровавый, да. Но свой.

— И ты готов убивать ради этого пути, — констатировал Алексей. — Покушение на Вышату — твоя работа?

— Не моя лично, — Ольвир пожал плечами. — Но да, наша. Иногда одна пролитая кровь спасает тысячи. Малая жертва ради великого блага. Нас обоих учили этой арифметике, не прикидывайся святым.

— Понимаю, — кивнул Алексей. — Ампутация гангренозной конечности спасает тело. Но ты ампутируешь не конечность. Ты ампутируешь будущее. Миллионов людей, которые не родятся, если изменишь историю.

— Родятся другие, — возразил Ольвир. — Лучшие. Свободные. Не порабощённые государством, которое вырастет из Рюриковичей.

Спор, который не имел решения. Две философии, две этики, два взгляда на историю — непримиримые.

Алексей понял — переубедить Ольвира невозможно. Как невозможно переубедить самого себя. Каждый верил в свою правоту.

— Зачем ты пришёл? — спросил он. — Просто поговорить? Или предупредить?

— Предложить сделку, — ответил Ольвир. — Уходи из Ладоги. Сейчас, этой ночью. Забери свою Яру, остальных своих союзников, и уходи. Вернитесь в своё время, откуда пришли. Не вмешивайтесь. И я гарантирую — вы уйдёте живыми.

— А если откажусь?

— Тогда завтра на вече будет кровь, — просто сказал Ольвир. — Моя дружина готова. Если решение пойдёт в пользу призвания — мы заблокируем его силой. Арестуем старейшин, которые проголосовали «за». Возьмём контроль над Ладогой. Не дадим послать гонцов к Рюрику.

— Переворот, — выдохнул Алексей. — Ты планируешь переворот.

— Называй как хочешь, — Ольвир развёл руками. — Иногда насилие — единственный способ предотвратить большее насилие. — Он посмотрел на Алексея в упор. — Последний раз спрашиваю: уходишь? Или остаёшься и принимаешь последствия?

Алексей стоял, сжимая рукоять ножа, чувствуя, как внутри бушует буря. Уйти — значит провалить миссию, дать «Новому пути» изменить историю, стереть Россию из будущего. Остаться — значит идти против вооружённой дружины, рисковать жизнью своей и союзников.

Но выбор был уже сделан. Давно. Когда он согласился на эту миссию.

— Остаюсь, — твёрдо сказал он. — И буду делать свою работу. А ты делай свою. Посмотрим, кто победит.

Ольвир молча смотрел на него несколько секунд. Потом медленно кивнул:

— Как скажешь. Твой выбор. — Он развернулся, делая шаг в темноту. — Увидимся завтра, лекарь. На вече. Надеюсь, ты готов к последствиям.

— Готов, — ответил Алексей в спину удаляющейся фигуре.

Ольвир растворился в темноте, будто его и не было. Алексей остался один во дворе, держа нож в дрожащей от напряжения руке.

«Переворот. Он планирует переворот. Захват власти силой, если голосование пойдёт не так».

Это меняло всё. Недостаточно было просто обеспечить голосование за призвание. Теперь надо упредить беду — не дать Ольвиру взять власть мечом. Укоротить руки его дружине, пока они не пустили кровь Ладоге.

Но как? Двадцать матёрых воинов против... кого? У Хранителей в Ладоге не было военной силы. Михаил — кузнец, не воин. Елена — женщина. Ярослава и сам Алексей — полевые агенты, обученные, но не настолько, чтобы противостоять дружине.

«Нужна помощь. Военная сила. Но где её взять?»

Он быстро вернулся в дом. Нужно было экстренное совещание. Новые данные требовали нового плана.

Он разбудил Елену, и вскоре они вчетвером — с Ярославой и Михаилом — сидели за столом, и Алексей пересказывал разговор с Ольвиром. Когда закончил, повисла тяжёлая тишина.

— Переворот, — медленно повторил Михаил. — Боже. Я думал, они будут действовать через убеждение. Но силой...

— Логично, если вдуматься, — сказала Ярослава. — Если Архитектор видит, что голосование не на их стороне — нужен запасной план. Силовой вариант.

— Как противостоять? — Елена посмотрела на Алексея. — У нас нет воинов. Даже десятка мечей нет.

— Но есть старейшины, — медленно произнёс Алексей, и мысль начала оформляться. — Те, кто за призвание. У каждого своя охрана, дружинники. По отдельности — немного, вместе — сила, способная противостоять людям Ольвира.

— Предлагаешь предупредить их? — уточнила Ярослава. — Рассказать о замышляемом перевороте?

— Да, — кивнул Алексей. — Но не напрямую. Подозрительно, если странствующий лекарь вдруг заговорит о заговорах. Нужен уважаемый посредник, чьему слову поверят.

Все молчали. Каждый понимал — союзников мало, а времени ещё меньше.

— Нужно найти кого-то влиятельного, кто против насилия, даже если против призвания, — сказал Алексей. — Человека, для которого закон и порядок важнее личных предпочтений.

— Рискованно, — покачала головой Ярослава. — Мы не знаем, кто на самом деле Архитектор. Что если это не Ольвир, а кто-то из старейшин? Мы раскроем все карты врагу.

— Или получим союзника против кровопролития, — возразил Михаил.

Алексей взвешивал варианты. Риск был огромен. Но и бездействие — верная гибель.

— Нужно действовать через Добрыню и Вышату, — решил он. — Ярослава уже завоевала доверие одного, я — другого. Предупредим их, не раскрывая всего. Скажем, что до нас дошли слухи о готовящемся насилии на вече. Пусть усилят охрану, будут настороже.

— А если они потребуют назвать источник? — спросила Елена.

— Скажем, что слышали разговор пьяных дружинников. Не назовём Ольвира напрямую — пока у нас нет доказательств. Но посеем бдительность.

— А остальные старейшины? — спросил Михаил.

— Добрыня и Вышата сами предупредят своих союзников, если поверят, — ответил Алексей. — Информация пойдёт от уважаемых людей, не от чужаков.

Они обсудили детали, распределили задачи. К трём часам ночи разговор закончился, и все попытались урвать краткие часы сна перед решающим днём.

ГЛАВА 7. ВЕЧЕ

Утро выдалось ясным, с пронизывающим северным ветром. Алексей пробудился до света, умылся студёной водой из колодца, облачился в лучшую одежду. Наскоро перехватил завтрак — ломоть хлеба, полоску вяленой рыбы, глоток колодезной воды — и направился к усадьбе Вышаты.

Солнце только карабкалось из-за кромки леса, расцвечивая небосвод розовым и золотым. Улицы безмолвствовали — слишком рано даже для работящих ладожан, привыкших подниматься с первыми лучами.

У ворот Вышаты стражники пропустили его без расспросов — узнали целителя, вылечившего их господина. В просторной горнице хозяин уже трапезничал, несмотря на ранний час.

Заметив гостя, Вышата удивлённо вскинул густые брови:

— Лечец? В такую рань? Стряслась беда?

— Нужно слово молвить, — сказал Алексей. — Без лишних ушей. Дело серьёзное.

Вышата пристально оглядел его, затем кивнул слугам:

— Выйдите. Оставьте нас.

Челядь поклонилась и удалилась. Дверь затворилась, и они остались один на один.

— Говори, — Вышата откинулся на резную спинку. — Внимаю.

Алексей набрал в грудь воздуха. Мгновение истины.

— На вече кровь прольётся, — произнёс он, глядя прямо в глаза старейшине. — Коли крикнет народ за Рюрика — Ольвир с гриднями мыслит взяться за мечи. Старейшин повязать, ряд вечевой попрать, а град под свою пяту подмять.

Вышата застыл. Лицо его, только что живое и подвижное, словно окаменело. Морщины вокруг глаз прорезались глубже, уста сжались в нить. Тишина сгустилась, и Алексею казалось, что стук его сердца отдаётся эхом от стен.

— Откуда ведаешь такое? — наконец вымолвил старейшина голосом тихим, как шорох вынимаемого из ножен клинка.

— Случайно услышал, — ответил Алексей, стараясь говорить твёрдо. — Вчера в ночи, возвращаясь. Увидел двух подозрительных людей у кузни Радима и невольно подслушал разговор, не для моих ушей предназначенный.

— Лжёшь! — Вышата подался вперёд, и в его руке блеснула сталь, появившаяся, как из ниоткуда.

— Мои слова легко проверить, — спокойно ответил Алексей, усилием воли не отступая, хотя острие кинжала уже касалось его груди сквозь льняную ткань. — Если Ольвир поднимет руку на старейшин — значит, правда на моей стороне. А коли нет — можешь отсечь мне язык за клевету.

Долгие мгновения Вышата вглядывался в его лицо, затем медленно опустил клинок. Тяжёлым шагом он прошёлся по горнице.

— Неужто Ольвир дерзнёт на такое? — пробормотал он, будто вопрошая самого себя.

— Без сомнения, — твёрдо произнёс Алексей, не отводя взгляда. — Но главный вопрос иной. — Он выдержал паузу. — Знает ли об этом Гордята? Ведь Ольвир под его рукой ходит.

Вышата резко обернулся, и в глазах вспыхнуло пламя:

— Гордята против призвания, да. Но человек прямой, как лезвие меча. Уверен, он примет волю вече, какой бы она ни была. Не через кровь и насилие!

— Тогда помоги предотвратить беду, — сказал Алексей. — Предупреди единомышленников среди старейшин. Пусть приведут дружины, будут готовы к отпору. Увидев равные силы, Ольвир не посмеет.

Вышата задумался, сжав могучие кулаки:

— Сделаю это... — медленно проговорил он, — ...хоть, может, ты и ошибаешься.

— Нет, — возразил Алексей. — Я слышал о готовящемся нападении и уверен в его неминуемости.

Вышата долго смотрел на него. Затем медленно, чеканя слова, промолвил:

— Вече — священно. Решение старейшин — закон. Если Ольвир дерзнёт нарушить — будет изгнан или умрет. — Он приблизился. — Но если лжёшь, лекарь... Если это хитрость, чтобы сорвать вече...

— Я честен перед тобой, — твёрдо ответил Алексей. — Сам убедишься. Сегодня. На вече.

Вышата кивнул:

— Добро. Пошлю гонцов к старейшинам. Предупрежу, пусть будут наготове. — Он окинул Алексея взглядом, полным уважения. — Ты необычный лекарь. Весьма необычный. Но честный. Благодарю за предостережение.

— Не стоит благодарности, — Алексей направился к выходу. — До встречи на вече.

— До встречи.

Покинув дом Вышаты, Алексей почувствовал, как с плеч свалилась тяжесть. Первый шаг сделан. Вышата предупреждён, будет противостоять заговору.

Но игра только начиналась.

Вече было назначено на полдень, на большой площади в центре Ладоги — той самой торговой площади, где Алексей лечил людей. Сейчас она преображалась.

Торговые лавки убрали, прилавки разобрали, освободили пространство. В центре установили помост — деревянную платформу, на которой должны были стоять старейшины во время голосования. Вокруг — пустое место для народа, который будет наблюдать.

Люди начали собираться с утра. Сотни, тысячи — почти всё население Ладоги и окрестностей. Приходили семьями, родами, группами. Занимали места, расстилали плащи на земле, готовились к долгому ожиданию.

Алексей пришёл за час до начала, вместе с Ярославой. Михаил был где-то в толпе, Елена — тоже, каждый следил за своим участком.

Площадь гудела, как потревоженный улей. Тысячи голосов создавали непрерывный гул, из которого невозможно было выделить отдельные разговоры. Но общее настроение чувствовалось — напряжение, ожидание, предчувствие чего-то важного.

Алексей нашёл место на краю площади, откуда был хороший обзор на помост и окрестности. Ярослава встала рядом.

— Готова? — тихо спросил он.

— Насколько это возможно, — ответила она, и в голосе прозвучало напряжение. — Если начнётся драка...

— Не будет драки, — уверенно сказал Алексей, хотя сам не был уверен. — Вышата предупредил старейшин. Ольвир увидит, что план раскрыт, отступит.

— Надеюсь, — вздохнула Ярослава.

Полдень приближался. Солнце поднялось высоко, яркое, холодное. Ветер стих, воздух стал неподвижным, напряжённым.

И вот на помост начали подниматься старейшины.

Один за другим, размеренно, торжественно. Седовласые и в расцвете сил, в богатых одеяниях и простых, славяне и финны. Двадцать три человека, в чьих руках лежала судьба поколений.

Гордята взошёл одним из первых. Встал в центре помоста, высокий, властный, с лицом, высеченным решимостью, точно каменный идол.

Вацлав поднялся следом. Занял место сбоку, скрестив руки на груди, с непроницаемым выражением, будто выточенным из дуба.

Вышата — бледный, с перевязанным плечом, но крепко стоящий на ногах. Добрыня — грузный, в шелках и янтаре, с хитринкой в прищуренных глазах. Радим — седой как лунь, с лицом упрямым, словно вырезанным из корня дерева.

Три финских старейшины — Калев, Элтса и Юмала — жилистые, невысокие, с лицами замкнутыми, как закрытые ставни в чужом доме.

И прочие, чьих имен Алексей не запомнил, но каждый из которых нёс на себе волю сотен людей.

Когда все двадцать три заняли свои места, на помост поднялся еще один. Древний старец, согбенный годами, с бородой до пояса, в белоснежном одеянии, с резным посохом в узловатой руке.

Волхв. Служитель богов, чьему слову доверяли вершить важнейшие собрания.

Он воздел посох, и площадь мгновенно смолкла. Тысячи голосов растаяли, как утренний туман.

— Внимайте, люди! — прогремел голос волхва, поразительно мощный для столь иссохшего тела. — Сошлись мы, дабы решить дело великое. Звать ли к нам князя из-за моря править нами, порядок устанавливать. Или своими силами справляться, без чужеземцев.

Он сделал паузу, окинув взором море лиц:

— Но прежде чем старейшины начнут совет, выслушаем видоков — тех, кто знал Рюрика воочию, видел его деяния. Пусть поведают нам, каков он есть, чтобы решение наше было основано не на слухах, а на свидетельствах. Может, не достоин он быть нашим правителем?!

По знаку волхва на помост поднялись четверо мужей. Среди них выделялся могучий рыжебородый варяг — кормчий Рёгнвальд Рыжий, чей кнорр не раз бороздил воды от Балтики до Ладоги. Рядом с ним стояли два купца и воин. Каждый положил руку на священный оберег и дал клятву говорить лишь правду, призывая богов в свидетели.

Первый купец, бывавший в землях Рюрика, рассказал о его справедливом суде, о том, как тот защищал торговые пути и соблюдал договоры.

Воин, служивший в его дружине, поведал о храбрости конунга в битвах и о том, как тот делил добычу поровну между всеми воинами, не беря себе больше положенной доли.

Второй купец говорил о том, как Рюрик решал споры между разными племенами в своих землях, не отдавая предпочтения ни одному из них.

Когда очередь дошла до Рёгнвальда Рыжего, на помосте воцарилась особая тишина. Варяг сделал шаг вперед, его рыжая борода полыхала в лучах солнца как пламя, а мозолистые руки, привыкшие к веслу и парусу, были сложены на широком поясе. Он заговорил на ломаном славянском, грубовато, но внятно:

— Я Рёгнвальд, сын Хальвдана. Кормчий. Видел много земель, много конунгов. — Он помолчал, собирая простые слова. — Рюрик — не как те варяги, что вы прогнали. Те были волки. Рюрик — хёвдинг, вождь.

Он топнул ногой для убедительности:

— Я ходил с ним по Варяжскому морю. Шесть зим назад. Буря нас застала. Три корабля было. Рюрик свой корабль последним вывел. Сперва людей с других спасал. Сам за борт прыгал, сам вытаскивал тонувших. — Рёгнвальд провел ладонью по своей густой бороде. — Конунг, что сам в воду прыгает за простым воином — хороший конунг.

Его глаза, цвета северного неба, смотрели прямо и твердо:

— Он не любит много говорить. Он делает. Когда голод был в его землях, он амбары свои открыл. Своё зерно людям раздал. Когда данью обложил торговый путь — цену справедливую

брал. Не душил торговлю. Не грабил купцов. И слово его твёрдо как камень. Сказал — сделал. Всегда.

Рёгнвальд обвел взглядом присутствующих и закончил просто:

— Лучше добрый чужой правитель, чем злой свой. Рюрик — добрый правитель. Я сказал.

Он отступил, и по площади пронесся шепот. Прямота варяга, лишенная красивостей и хитрости, произвела впечатление.

Выслушав видоков, волхв вновь поднял посох:

— Теперь, когда мы узнали о нраве и делах Рюрика, слово — старейшинам.

Старейшины собрались в тесный круг, отойдя к краю помоста. Спор был жарким, но негромким. Гордята яростно жестикулировал, его лицо побагровело. Добрыня качал головой, не соглашаясь. Вацлав стоял неподвижно, лишь изредка вставляя короткие фразы. Вышата, придерживая раненое плечо, говорил медленно, но убедительно.

Алексей не мог расслышать их слов, но напряжение было очевидным. Спор затягивался. Наконец Радим, самый старший из присутствующих, поднял руку, призывая к порядку.

— Довольно, — донеслось до собравшихся. — Решать надо.

Старейшины разомкнули круг и вернулись на свои места. Волхв, наблюдавший за их совещанием с невозмутимым лицом, вышел вперед. Его белые одежды трепетали на ветру, а в руке крепко держал резной посох, украшенный рунами и фигурками зверей.

Волхв обвел взглядом собравшихся, выдержал паузу:

— Каждый старейшина высказал свое мнение. Каждый был услышан. — Он стукнул посохом о помост. — Я, как хранитель древних обычаев и воли богов, говорю: Рюрик Скьёльдунг, по свидетельствам знавших его, проявил себя как правитель справедливый и мудрый. Он силен в бою и рассудителен в мире. Он чтит договоры и хранит слово свое.

Толпа заволновалась, послышались отдельные возгласы одобрения и несогласия. Волхв поднял руку, призывая к тишине.

— Сейчас мы будем решать — звать ли Рюрика княжить над нами! — голос старца окреп, и казалось, что даже ветер стих, прислушиваясь к его словам. — Пусть каждый старейшина объявит волю свою. За призвание — речёт «да». Против — речёт «нет». Пусть услышат нас боги и благословят выбор наш!

По площади прокатился гул — смесь возбуждения, тревоги и ожидания. Судьба земель и народов решалась здесь и сейчас, под открытым небом, на глазах у всех.

— Начнем голосование! — объявил волхв, ударив посохом трижды.

Первым вышел Гордята. Он шагнул в круг, и голос его раскатился над вечем, точно первый гром весенний:

— Братья! Племена славные! Две зимы назад изгнали мы варягов, что кровь из нас пили, данью непосильной душили, жен наших позорили. Решили тогда: сами себе хозяева, сами свой ряд держать станем! И держали! Да, не в меду купались. Да, свары меж родами случались. Но выстояли! — Он вскинул пудовый кулак. — И теперь, когда беда отступила, снова хотим за море кланяться? Вручить чужакам власть, которую мы мечами да кровью выкупили? Это ли не позор пред сединами отцов? Это ли не измена памяти дедов наших!

Часть толпы загудела одобрительно. Молодые воины выкрикивали поддержку.

Гордята продолжал, голос его креп, забирая силу у ветра:

— Рюрик нам — чужак незваный! Не ведает он конов наших, богов не чтит, земли не жалеет! Станет править в свою корысть, на потребу дружине да роду своему варяжскому! А мы кем станем? Сперва — людьми подневольными, а там и в холопы скатимся! Внуки наши и помнить забудут, что деды их вольными мужами по этой земле хаживали!

Гул над вечем пошел, точно море перед бурей. Половина площади в ответ заухала, в щиты ударила, другие же хмурились, губы кусая в молчании.

— Моё слово — нет! — Гордята с силой обрушил кулак на брёвна помоста. — Не надобно нам варяга на шею сажать! Своего князя выберем, из исконных родов! Рядом свяжемся, миром договоримся! Но сами, без пришлых!

Он отступил, и рукоплескания части собравшихся прогремели как весенняя гроза.

Следом вышел Добрыня. Не так звонко он пел, как Гордята, но слово его ложилось плотно, словно камень в кладку:

— Красиво Гордята бает, заслушаешься. А я — гость торговый, купец. Мне надобен лад на реках да крепость в делах. Две зимы без князя живем — две зимы в усобицах тонем. Разбой на дорогах, тати в лесах, по реке пройти страшно — либо товар отнимут, либо голову сложат.

Он обернулся к Гордяте, прищурившись:

— «Сговоримся», молвишь? Две зимы уже рядиться пытаемся. И что с того? Каждый род под себя гребет, каждый свою корысть блюдет. Никто и на полпальца уступить не хочет!

Добрыня повернулся к вечу, расправив плечи под богатым кафтаном:

— Рюрик — варяг, пришлый, истинно так. — Голос его набрал веса, раскатился над притихшим людом. — Но в том и сила его! Он ни нашему, ни вашему роду не брат, не сват. Старыми обидами не связан, кровной мести не ведает. Станет он судить по правде, а не по родству да милости!

Он медленно повел взглядом по лицам старейшин, встречаясь очами с каждым, и отчеканил, точно монету выбил:

— Моё слово — звать! Пусть придет и лад установит. А там поглядим. Не по нраву придется — ворот запрём, как прежних взашей вытолкали. Мы мужи вольные, и воля наша — в нашем крике!

Выступали и другие. Радим поддержал Гордяту, повторяя доводы о предательстве заветов. Вышата — к удивлению многих — высказался осторожно за призвание, сказав, что следует попытаться, дать возможность, но с условиями и порукой.

Алексей видел, как Гордята насупился, услышав позицию Вышаты.

Финские старейшины говорили кратко, на ломаном славянском. Калев и Элтса — против, опасаясь, что финнов оттеснят. Юмала — неожиданно за, сказав, что порядок важнее гордыни.

Мнения разделялись. Напряжение сгущалось.

Когда смолкло последнее слово, седой волхв высоко поднял костяной посох:

— Речи сказаны, — прохрипел он, и ветер подхватил его слова. — Теперь — ряд. Пусть каждый старейшина перед лицом богов и рода вымолвит волю. Кто за призвание — кличет «Быть!». Кто против — кличет «Не бывать!».

Волхв вперил взор в первого в ряду:

— Начинай, Гордята.

— Не бывать! — отрезал воевода, и голос его лязгнул железом. — Против я!

— Радим?

— Не бывать!

— Вацлав?

Купец помедлил, и над площадью повисла такая тишина, что слышно было, как река бьется о причалы. Наконец он выдохнул:

— Быть. Зовём варяга.

Гордята резко обернулся, впиваясь в него ярым взглядом, полным изумления и желчи. Вацлав выдержал взор, не дрогнув.

«Интересно, — удивился Алексей. — Выходит, Вацлав не из агентов «Нового пути»? Кто же он тогда?»

Кличи летели один за другим. «Быть!», «Не бывать!», «Чураемся!», «Звать!». Голоса шли вровень, ноздря в ноздрю.

Добрыня — «Быть!». Вышата — «Быть!», хоть и голос его чуть дрогнул. Юмала — «Быть!». Калев — «Не бывать!».

Алексей вел счет в уме, затаив дыхание. Когда затихло последнее слово, правда открылась:

За Рюрика — двенадцать мужей.

Против — одиннадцать.

В один голос судьба Руси решилась. Ряду — быть.

Площадь взорвалась шумом. Половина ликовала, другая кипела гневом. Люди толкались, размахивали руками, спорили, бранились.

Волхв вскинул посох, стараясь унять бушующее человеческое море:

— Смолкните! Ряд положен! — его голос, надтреснутый, но властный, перекрыл ропот. — Двенадцать против одиннадцати — за варяга просили! Стало быть, посылаем гонцов за море, к Рюрику. Зовём его на стол, на княжение!

Но голос его тонул в гуле. Смятение нарастало.

И тут Алексей увидел, как Ольвир, стоявший с дружиной на краю площади, подаёт знак рукой.

Воины начали двигаться к помосту. Двадцать человек, в кольчугах и шлемах, с мечами и топорами. Строем, организованно, отрезая пути отхода.

«Переворот. Он не отступил. Идёт до конца».

— Ольвир начинает! — крикнул Алексей Ярославе. — Предупреди Михаила!

Она кивнула и бросилась в толпу.

Дружина Ольвира почти достигла помоста, когда навстречу им вышли другие воины. Дружины старейшин, которых предупредил Вышата. Человек тридцать, разрозненных, но вооружённых.

Две группы сошлись, и площадь замерла в ожидании.

Ольвир вылетел вперед своих людей, вскинул над головой обнаженную сталь:

— Кривой этот ряд! Обман да серебро заморское всё решили! Не бывать тому! В поруб тех, кто за пригоршню чекана честь дедов продал!

— Кто ты таков, чтобы Ряд ломать?! — зычно раскатился голос Гордяты над площадью. — Вече — свято! Решение положили — и точка! Отступи, Ольвир, не то крамольником объявлю и изгоем!

Ольвир оскалился в лающем смехе:

— Изгоем? Я народ от ярма спасаю! А ты, Гордята, спекся! Пел складно, а как до сечи дошло — в кусты?

Гордята спрыгнул с помоста, с хищным звоном выхватывая меч из ножен:

— Не в кусты! Я за общее слово стою! А ты — за смуту да кровь братскую! Не дам Ладогу в огне топить!

Две группы воинов стояли, готовые броситься друг на друга. Площадь застыла. Сотни людей смотрели, затаив дыхание.

Алексей чувствовал, как сердце бьётся до боли быстро. Сейчас решится всё. Если начнётся бойня — десятки убитых, хаос, непредсказуемые последствия.

И тут произошло то, чего никто не ожидал.

Из толпы выступил седой волхв. Медленно, ударяя об землю костяным посохом, он прошел меж двух ратей и замер посредине.

— Остыньте! — выкрикнул он, и голос его, дребезжащий, но мощный, заставил вздрогнуть даже самых ярых. — Будет! Коли брызнет кровь на вечевое лобное место — боги лики свои отвернут! Скверна на весь град падет!

Он воздел посох к серым небесам, и воины замерли, невольно опуская сталь. Слово кудесника, хранящего заветы предков, в этот миг было весомее любого меча.

— Ольвир, — обратился к нему старик, и глаза его, выцветшие от времени, сверкнули из-под косматых бровей. — Уйми гнев. Ряд положен при всем народе, пред ликом неба. Коли не люба тебе воля общины — волен ты уйти из Ладоги на все четыре стороны. Но не смей марать землю братской кровью!

Ольвир замер, до белизны сжимая рукоять, лицо его ходило желваками от сдерживаемой ярости. Дыхание его свистело, точно у загнанного зверя. Несколько мгновений он боролся с собой, глядя на посох волхва.

Наконец, он медленно опустил сталь.

— Ладно, — процедил он сквозь зубы, сплевывая под ноги желчь. — Уйду. Но помяните моё слово — сами себе ярмо на шею накинули. Когда сядет здесь Рюрик, когда воля его станет вам законом, а дружина его — вашими судьями, тогда вспомните Ольвира. Вспомните, как вольными мужами в землю ложились, а внуков своих холопами заморскими сделали!

Он развернулся, жестом приказал дружине следовать за ним. Воины отступили, расходясь через толпу.

Площадь выдохнула. Напряжение спало.

Алексей закрыл глаза, чувствуя, как внутри всё дрожит от пережитого стресса. Получилось. План сработал. Переворот предотвращён, решение принято.

Рюрик будет призван.

Вечером Алексей, Ярослава, Михаил и Елена собрались в доме Елены — в последний раз как команда.

— Мы сделали это, — сказала Ярослава, и в голосе звучали усталость и облегчение. — Рюрик будет призван.

— А Ольвир? — спросил Алексей. — Где он?

— Исчез, — ответила Елена. — Он и его дружина покинули Ладогу сразу после вече. Говорят, ушли на север, к варяжским поселениям. Может, вернутся в своё время, может, останутся здесь, не знаю.

— Пусть уходит, — вздохнул Алексей. — Главное — он проиграл.

— Еще рано говорить о проигрыше, — задумчиво произнесла Ярослава. — Но, хотя бы мы теперь знаем, что Гордята точно не агент, а тем более не Архитектор.

Они помолчали, каждый думая о своём.

После вече Ладога стала жить в странном состоянии подвешенности — между старым порядком, который рушился, и новым, который ещё не наступил. Гордята, проигравший политически, но сохранивший авторитет морально, заперся в своём доме и никого не принимал. Ольвир действительно исчез вместе с дружиной — одни говорили, что ушёл на север, к варяжским поселениям, другие шептали, что его люди видели уходящим на восток, к землям веси.

На третий день после вече Алексей всё же решился навестить старейшину. Яркое летнее небо раскинулось над городом, солнце припекало с самого утра, высушивая вчерашние лужи и наполняя воздух ароматами нагретой древесины и травы. Ворота усадьбы Гордяты выглядели неприветливо — створки плотно сомкнуты, словно хозяин отгородился от всего мира, отрицая царящее вокруг летнее благоденствие.

Стража, обычно бдительная и подтянутая, выглядела понуро. Узнав Алексея, старший из дружинников лишь молча кивнул и махнул рукой — проходи, мол.

Каков он? — вполголоса спросил Алексей.

— Хлеба не преломляет, — буркнул воин, пряча глаза в тени шлема. — Заперся в горнице, в брёвна зрит, ровно окаменел. Отроков-прислужников вон выставил.

Видно было, что кручина воеводы легла и на плечи его верных людей, придавив их к земле позором.

Массивная дверь дома отворилась со скрипом, словно нехотя. После яркого солнца глаза Алексея не сразу привыкли к сумраку прихожей. Он не сразу различил фигуру Гордяты. Ста-

рейшина стоял, опираясь плечом о резной косяк. Некогда могучий, он словно осунулся за эти дни, лицо похудело, а под глазами залегли глубокие тени. Простая домашняя рубаха, подпоясанная грубым ремнем, делала его похожим скорее на простого смерда, чем на одного из влиятельнейших людей города.

— Чего ради пришел? — глухо бросил Гордята. Голос его треснул, точно старая тетива, что долго без дела сохла. В кулаке воевода сжимал ковш с хмельным медом, но не звал гостя к огню и не предлагал преломить хлеба. — Глядеть пришел, как Гордята в пыли валяется?

Взгляд его давил, точно каменная плита, но Алексей почуял в нем не одну лишь злобу — там дымилась застарелая обида и горечь обманутого сердца.

— Потолковать хочу, — просто отозвался Алексей, не отводя глаз. — Не попран ты, Гордята. Ты лишь в своем слове устоял, когда другие предпочли забыть о своей гордости.

Что-то дрогнуло в лице старейшины — то ли тень усмешки, то ли отблеск внутренней борьбы. Несколько мгновений они стояли молча, и контраст между ярким летним днем за порогом и сумрачным настроением в доме казался почти осязаемым.

Гордята усмехнулся, но в усмешке этой не было злости — лишь усталость.

— Проходи уж, — качнул он головой, отступая в тень.

В горнице застыл сумрак. Ни души кругом, точно дом вымер. На дубовом столе — початый ковш мёда да краюха хлеба, более ни крошки.

— Люди твои в кручине, — осторожно начал Алексей. — Ладожане про тебя по углам шепчутся, вестей ждут.

— Пусть радуются доле, что сами выбрали, — Гордята придавил лавку своим весом так, что толстая доска жалобно скрипнула. — Скоро причалит их варяжский князь. А я… сделал, что мог.

Алексей сел напротив, вглядываясь в воеводу:

— Не из тех ты, кто спину гнет. Не по нраву тебе сдаваться.

Гордята вскинул взор — острый, пронзительный, точно копье:

— Зорко зришь, лекарь. — Он помедлил, потирая седой висок. — Нет, не сдался я. Силу придержал. В засаде посижу. Буду ждать.

— Чего ждать, воевода?

— Когда нутро Рюриково наружу вылезет, — Гордята припал к ковшу. — Все они одним лыком шиты. Сперва медом мажут, а после клыки кажут. Пройдет зима, может, две — и вспомнит люд мои речи. Вспомнит, да поздно будет.

Алексей внимательно смотрел на старейшину, пытаясь разгадать, что за человек перед ним. Противник? Союзник? Просто честный человек, верящий в свою правду?

— Слышал, Ольвир съехал, — сменил он тему.

По лицу Гордяты пробежала тень, точно туча солнце закрыла:

— Пёс шелудивый чует, где кость слаще. Не дивлюсь тому.

— Куда след его ведет, как мыслишь?

— Не ведаю, — Гордята повел могучим плечом. — Да и в душу ему заглядывать не досуг. Муж без чести, без корня родового. Таким везде конура найдется, кто больше серебра отсыплет — тому и служить станет. — Он внезапно подался вперед, обдав Алексея запахом меда и хмеля. — А ты что о нем скажешь?

Алексей не отвел глаз, выдержав этот тяжелый, пытующий взор:

— Мнится мне, свое он уже отлаял. Одних подбил на лихо, других выдал. Сгинул ныне, чтобы в другой личине вынырнуть.

Гордята медленно качнул головой, будто примеривая эти слова к своей тайной думе.

— Мудрено плетешь, пришлый. — Он замолчал, глядя в ковш. — Но в одном ты прав — не всё еще в землю закопано. Сеча впереди.

За окном сгущались сумерки. Где-то в отдалении раздавались голоса — поселение жило своей жизнью, готовясь к переменам, к приходу нового правителя. А в тёмной горнице два человека молча смотрели друг на друга, понимая, что каждый ведёт свою игру, но почему-то именно сейчас между ними возникло странное подобие доверия.

Вацлав же, напротив, расцвёл. Его голос в пользу призвания оказался решающим, и теперь он был на коне — фактический организатор посольства, человек, который будет вести переговоры с Рюриком. По городу уже ходили слухи о том, какие богатые дары готовятся для варяжского князя, а дом Вацлава не пустел от посетителей — каждый стремился заверить его в своей лояльности.

Алексей наблюдал за всем этим со стороны. День за днем он раскладывал свои снадобья на торговой площади, залечивая раны — и физические, и душевные — которые оставило напряжённое вече. К нему приходили сторонники обеих сторон, и он лечил всех одинаково, не спрашивая, как голосовали. Эта нейтральность сделала его своеобразным хранителем городских тайн — люди шептались при нём, не опасаясь доносов.

Город ещё не успокоился после вече, когда к Алексею, перевязывавшему порезанную руку рыжего веснушчатого подростка, подошёл человек в дорогой одежде. Он терпеливо дождался, пока лекарь закончит с мальчишкой.

— Лечец? — спросил он, склонив голову с почтением, которое обычно приберегали для важных особ.

— Он самый, — Алексей с пристрастием оглядел вестника. — С чем пришел?

— Вацлав из Моравы велел слово молвить: зовет он тебя к себе. Речь пойдет о великом деле — о посольстве за море, к Рюрику.

Алексей почувствовал, как сердце ёкнуло. Посольство. То самое посольство, которое отправится за море, чтобы привести князя. Шанс попасть в него казался недостижимой мечтой.

— Где и когда ждать будет? — спросил он, силясь сдержать голос, хотя внутри всё дрожало от нетерпения.

— Коли волен — ступай прямо сейчас, — муж кивнул в сторону полуночного края города. — Хоромы Вацлава на северном торгу стоят, сруб дубовый, ставни суриком крашены. Хозяин до заката ждет, дела не откладывает.

— Приду, — кивнул Алексей. — Передай: не успеет солнце и на ладонь опуститься, как буду у его порога.

Слуга поклонился и растворился в толпе. Алексей принял ещё двух пациентов, стоявших в очереди — нельзя было бросать людей на полуслове — собрал свои притирания и травы в кожаный мешок и направился к дому Вацлава, сердце колотилось, как у юнца перед первым свиданием.

Дом купца возвышался над соседними строениями, словно утверждая превосходство владельца — двухэтажный сруб из крепкого соснового леса, потемневшего от времени и пропитки. Резные наличники на окнах складывались в затейливые узоры, а крыльцо, украшенное сложной резьбой, поддерживали столбы с изображением диковинных зверей. Во дворе несколько работников увязывали тюки с мехами, готовя их к отправке — богатство Вацлава было на виду у всех.

У входа Алексея встретил сам хозяин — невысокий, плотный мужчина, чья вальяжность не могла скрыть цепкого, оценивающего взгляда. Хитрые умные глаза купца выдавали человека, который всю жизнь торговался и почти всегда выигрывал.

— Лечец! — воскликнул Вацлав, протягивая пухлую, унизанную перстнями руку. — Рад, что пришёл. Проходи, есть серьёзный разговор.

Они поднялись в просторную горницу на втором этаже. Окна выходили на реку, и в них виднелся Волхов — широкий, спокойный, уходящий на север, к Ладожскому озеру и дальше, к морю. К тому самому морю, которое, возможно, предстояло пересечь Алексею.

За столом уже сидели трое мужчин. Алексей узнал двоих — Добрыня, толстый торговец мехами, и Вышата, старейшина с перевязанным плечом, которого он лечил. Третий был незнаком — варяг средних лет, с рыжей бородой и шрамом поперёк носа.

— Садись, — Вацлав указал на свободное место. — Познакомься. Это Фарлоф, конунг из малых, ходит торговыми путями уже двадцать лет, знает все земли от Бирки до Царьграда.

Фарлоф кивнул, оценивающе оглядывая Алексея:

— Ты тот лекарь, что Вышату вылечил?

— Я, — подтвердил Алексей.

— Хорошая работа, — варяг усмехнулся. — Ядвига-знахарка уже собиралась руку резать, а ты без ножа обошёлся.

— Не совсем без ножа, — Вышата поморщился, вспоминая. — Резал он. Но вылечил. Рука уже почти не болит.

— Вот об этом и разговор, — Вацлав сел во главе стола, сложил руки перед собой. — Снаряжаем мы посольство к Рюрику. Выходим через седмицу, как только кнорры законопатим да припасы в трюмы сложим. Путь предстоит неблизкий: сперва на полночь, по Волхову в озеро-море Нево, оттуда по Неве-реке в море Варяжское, а там — вдоль берега на закат, к землям данов.

Он обвел присутствующих весомым, купеческим взглядом:

— Тропа та лихая. Штормы на большой воде, пороги на реках, разбойники свейские по шхерам таятся… В посольство пойдут: я — как старший от веча выбранный. Добрыня — от гостей торговых. Вышата — от мужей ратных, мечного сословия. Фарлоф — кормчий наш, он один водные пути как свои пять пальцев знает. Да еще дружина — два десятка гридней для бережения.

Он посмотрел на Алексея:

— И лекарь нам надобен, — Вацлав веско уронил слово. — В пути всякое приключиться может: и сеча, и хворь моровая, и кость ломаная. Без знающего мужа в такой поход идти — заживо в гроб ложиться. Ядвига-знахарка отказалась — стара уже, воды боится. Феодор-черноризец тоже не пошел — молвил, не божье то дело, а мирская суета. — Вацлав замолчал, испытывая Алексея взглядом. — Ты ныне в Ладоге в большой чести, лекарь. Пойдешь с нами за море?

Алексей не ожидал прямого предложения. Он думал, что придётся просить, убеждать, доказывать свою ценность. А тут — просто предлагают.

— Какое серебро на кону? — спросил он, напуская на себя купеческую хватку, коей от него и ждали.

— Десять гривен серебра по возвращении в Ладогу, — вымолвил Вацлав. — Сверх того — сыть обильная, место на ладье да доля в добыче, коли боги удачу пошлют. Ну и мир повидаешь, в таких землях побываешь, куда и ворон костей наших не заносил.

Десять гривен — мошна добрая, на полгода сытой жизни хватит, еще и останется.

— Сколько лун в пути просеем? — уточнил Алексей.

— Туда — луна, может, полторы, коли Стрибог в парус дуть станет, — подал голос Фарлоф. — Обратно с Рюриком да ратью его — столько же, а то и доле, коли дружина великая пойдет. Итого — три, а то и четыре луны дома не видать.

Три-четыре месяца. Достаточно времени, чтобы увидеть всё своими глазами. Быть свидетелем ключевого момента истории — не со стороны, не в хрониках, а изнутри.

«Это шанс, — понял Алексей. — Увидеть Рюрика лично. Услышать переговоры. Быть частью события, которое изменит ход цивилизации».

Но была и опасность. Три месяца в море, среди людей, которые могут заподозрить, что он не тот, за кого себя выдаёт. Три месяца без связи с Михаилом, Еленой, Ярославой — без поддержки, один.

Но разве он не привык быть один?

— Иду, — отрезал Алексей. — Согласен на ряд.

— Стало быть, через седмицу в путь, — Вацлав веско качнул головой, и в глазах его промелькнуло довольство. — На первой заре ладьи у причалов стоять будут. Приходи, бери с собой всё, что для дела надобно. Места в трюмах в обрез, бери лишь самое заветное.

— Услышал, — Алексей поднялся с лавки. — Буду к сроку.

— Добро, — Вацлав протянул широкую ладонь, и они крепко сжали предплечья, скрепляя уговор по мужскому обычаю. — В добрый час, лекарь. Теперь ты — в посольской доле.

Вечером Алексей собрал срочное совещание в доме Елены. Когда все — Ярослава, Михаил, Елена — собрались в тесной горнице, он рассказал о предложении Вацлава.

— Ты с ума сошёл, — первой отреагировала Ярослава, сжимая в пальцах деревянную чашу с травяным отваром. — Три месяца в девятом веке, без связи, без поддержки, в открытом море с людьми, которые в любой момент могут зарезать тебя за одно лишь подозрение?

— Это уникальная возможность, — возразил Алексей, расхаживая по комнате. — Быть при призвании Рюрика. Видеть всё собственными глазами. Никто из Хранителей никогда не был так близко к ключевому событию русской истории.

Михаил, до этого молча слушавший у окна, повернулся к присутствующим. Его обычно спокойное лицо выражало тревогу.

— Молвлю так, — проговорил он, меряя шагами горницу. — Надо тебе в это посольство втереться, лекарь. Глаз с них не спускать.

Он обвел соратников задумчивым взглядом и молвил:

— Вацлав этот больно мутно стелет. Пока на вече крик не поднялся, я в заклад бы бился, что он из тех псов, что «Новый путь» по следу пустил. А ныне он сам во главе послов встал… Вдруг он замыслил извести Рюрика на обратной тропе? Вдруг в море его сгубить хочет, под шумок бури?

— Согласен, — кивнул Алексей. — Всё еще впереди: «Новый путь» может попытаться сорвать переговоры, убить послов по дороге. Ольвир может ожидать послов со своей дружиной у порогов, чтобы потопить кнорры. — Он посмотрел на соратников. — Если я буду сопровождать посольство, то, возможно, смогу вмешаться и предотвратить саботаж.

— Это отговорка, и ты это прекрасно понимаешь, — жёстко отрезала Ярослава, поставив чашу на стол. — Ты хочешь поехать не из-за миссии. Ты хочешь поехать, потому что не можешь остановиться. Потому что работа — единственное, что держит тебя на плаву.

Слова попали в цель. Алексей замер посреди горницы, не находя, что возразить.

Елена, молчавшая до этого, тихо вмешалась:

— А может, он прав? — она подняла взгляд на собравшихся. — Может, действительно нужно быть рядом до конца? Мы не знаем всех планов «Нового пути», а на кону слишком многое.

Следующие дни прошли в подготовке. Алексей собирал припасы — травы, бинты, инструменты, всё, что могло понадобиться в долгом плавании.

В ночь перед отплытием сон не шел. Алексей лежал с открытыми глазами, вслушиваясь в скрип бревен и завывание ветра над ладожскими крышами, когда тишину нарушил стук. Едва слышный, нерешительный.

Тело среагировало быстрее мысли. Пружинистый рывок с деревянной лавки, рука выхватывает нож из-под соломенной подушки — рефлекс, въевшийся в подкорку за годы работы.

— Лёша, — раздался из-за двери приглушенный голос Ярославы. — Можно войти?

Он с шумом выдохнул, опустил клинок и откинул засов.

Она стояла на пороге босая. Поверх ночной рубахи был наспех накинут плащ, спутанные волосы тяжелыми прядями падали на плечи. В тусклом свете ее лицо казалось совершенно бескровным.

— Снова они? — негромко спросил Алексей, отступая в сторону.

Яра молча кивнула и скользнула в комнату. Он закрыл дверь, отсекая ночной сквозняк. Ярослава подошла к окну, обхватив себя за плечи, словно пыталась удержать остатки тепла.

— Завтра ты уходишь, — произнесла она, глядя в темноту. — А я остаюсь здесь. И этот сон...

Алексей встал рядом, не касаясь ее, но достаточно близко, чтобы она чувствовала его присутствие.

— Снова дом?

— Да. Сашка строил башню из кубиков. Миша сидел на лавке, чинил сапоги. Так осязаемо, Лёша... Я даже чувствовала запах жареного мяса с кухни. Обычный день. Я забыла, что их нет, была просто счастлива. — Ее голос дрогнул, и она судорожно вдохнула. — А потом Сашка подошел, обнял меня за ноги и спросил: «Мама, почему ты плачешь?». И я проснулась. И поняла, что снова их потеряла.

Алексей смотрел на бычий пузырь, затягивающий окно, чувствуя, как внутри всё сжимается. Одеяло иллюзий, в которое они кутались во время заданий, было слишком тонким.

— Я боюсь, — прошептала Ярослава. — Боюсь, что однажды просто не захочу просыпаться. Что тот мир станет важнее этого.

Она повернулась к нему, сделала неуверенный шаг, и он раскрыл руки.

Ярослава уткнулась лицом ему в грудь. В этом жесте не было ни страсти, ни книжной романтики — только отчаянная потребность опереться на кого-то живого. Алексей обнял ее, чувствуя крупную дрожь под грубой тканью плаща.

— Два месяца в море, — глухо сказала она ему в плечо. — Если что-то пойдет не так... Если мы больше не увидимся?

Утешать ее фальшивыми сказками о том, что всё будет хорошо, было бы оскорблением. Они оба знали статистику выживаемости агентов.

— Значит, тот, кто останется, завершит работу, — ровно ответил он, медленно поглаживая ее по спине. — За обоих. Но я не собираюсь умирать, Яра. И тебе не позволю сдать назад. Договорились?

Она попыталась криво усмехнуться сквозь невидимые слезы:

— Договорились.

Они постояли так еще с минуту, слушая, как ветер скребется в бревенчатые стены. Два одиноких островка в мертвом море времени.

— Останься, — тихо сказал Алексей. — Не возвращайся к себе сегодня.

— Не прогонишь? — она подняла голову.

— Я тоже не хочу быть один.

Они легли на узкую лавку поверх овчинного одеяла, не раздеваясь. Ярослава свернулась калачиком, прижавшись спиной к его груди, а Алексей обнял ее, чувствуя спиной жесткую рукоять спрятанного под подушкой ножа.

Впервые за долгое время кошмары отступили. Призракам прошлого не нашлось места там, где два человека делили одно тепло на двоих, засыпая под ровное дыхание друг друга.

ГЛАВА 8. ПУТЬ В ХЕДЕБЮ

Рассвет седьмого дня выдался холодным, с низкими серыми облаками, обещающими дождь. Алексей проснулся рано, собрал последние вещи — сумку с лекарскими принадлежностями, запасную одежду, плащ из промасленной ткани для защиты от дождя, кожаный мешок с припасами. Всё, что брал, умещалось в один заплечный мешок — так, как и требовал Вацлав.

На пристани уже кипела деятельность. Две ладьи стояли у причала, готовые к отплытию. Обе были крепкими, новыми — специально построенными или отремонтированными для важного похода. Длиной шагов в двадцать каждый, с кормой, украшенной резьбой. Вёсла уложены вдоль бортов, мачта со свёрнутым парусом поднималась к небу.

Вокруг суетились люди — грузили припасы, проверяли снаряжение, переговаривались. Воины дружины — двадцать человек, как и обещал Вацлав — укладывали оружие, щиты, личные вещи. Гребцы — проверяли вёсла, уключины, смолили мелкие щели в обшивке.

Алексей подошёл к первой лодке, где стоял Вацлав, отдающий распоряжения.

— А, лекарь! — окликнул тот, увидев его. — В добрый час явился. Твой угол — на корме головной ладьи, по правую руку от кормчего. Там сундук дубовый под твои зелья пристроили и рогожу натянули — от небесной воды беречься. Располагайся, обживайся.

Алексей кивнул, поднялся на борт. Судно слегка качнулось под его весом — непривычное ощущение для человека, не привыкшего к плаванию. Он прошёл на корму, нашёл указанное место. Действительно, там стоял небольшой деревянный сундук, прикреплённый к борту кожаными ремнями, и над ним был натянут парусиновый полог, создающий подобие укрытия.

Он уложил свои вещи в сундук, устроился на скамье, наблюдая за происходящим.

К ладьям подходили всё новые люди. Добрыня — толстый, одышливый, с огромным мешком личных вещей, который еле влез на борт. Вышата — худой, подтянутый, с перевязанным плечом, но уже почти здоровый. Фарлоф — кормчий, рыжебородый варяг, который сразу занял своё место у кормила, начал проверять снасти, рулевое весло.

И другие — воины, гребцы, слуги, переводчик — молодой славянин, говорящий на скандинавских языках, необходимый для общения с Рюриком.

Когда все собрались, Вацлав поднялся на возвышение у мачты первой ладьи, обвёл взглядом присутствующих:

— Внемлите все! — громко объявил он. — В этот рассвет пускаемся мы в путь тяжкий, но славный. Идем к Рюрику из рода Скьёльдунгов — звать его на стол наш, дабы лад навел и землю нашу от супостата заслонил.

Он выдержал паузу, вслушиваясь в плеск волны:

— Долгая тропа впереди. Сперва на полночь по Волхову в озеро Нево, оттуда по Невереке в море Варяжское, а там вдоль берега на закат — к Хедебю, где конунг Рюрик правит. Луну, а то и две в пути просеем, коли Стрибог заупрямится и встречную хлябь нагонит.

Он обвел взглядом ладьи, вгрызаясь в лица воинов:

— Лиха хлебнем вдоволь. На Волхове пороги лютые — камни там зубы скалят, мели коварны, вода кипит. В море штормы кости ладьям ломают, волна норовит в пучину утянуть. По шхерам да протокам тати морские рыщут, поживы ищут.

Голос его окреп, став твердым, как гранит:

— Но мы сдюжим! Ибо за нами — правда дедов. Ибо боги в парус нам дуют. Ибо нет мужей крепче вас под этим небом!

Воины застучали мечами по щитам — ритмичный, грохочущий звук одобрения.

— В путь! — крикнул Вацлав. — Отдать швартовы!

К

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.